

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social-Educational Idea

ТОМ 10 № 5 Часть 2 2018

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

С 1 января 2018 г. по группе специальностей 22.00.00 социологические науки под № 1072

В 2015 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом
АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заместитель главного редактора - научный редактор

к. п. н. Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов

к. п. н. Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 10 # 5 Part 2 2018

Web Version address: <http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-Educational Idea» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

From January 1, 2018 on the group of specialties 22.00.00 Sociological Sciences under № 1072

The journal «Historical and Social-Educational Idea» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:

PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Proofreader:

A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky micro-distr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Editorial Office

Journal «Historical and Social-Educational Idea»

Phone/fax: 8 (861) 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» является публичной площадкой для эффективного обмена информацией, мнениями, результатами исследований в области истории, образования и социально-гуманитарных наук, высказывания (обсуждения) различных точек зрения по актуальным проблемам.

Журнал публикует оригинальные статьи, содержащие анализ актуальных для современной науки проблем и результаты исследований специалистов: образования и педагогики, истории и социально-гуманитарных и общественных наук и рассчитан на научных работников, докторантов, аспирантов, соискателей ученых степеней, магистрантов, преподавателей высшей школы Российской Федерации, стран СНГ и дальнего зарубежья. Журнал призван содействовать интеграции российских молодых ученых-исследователей государства и общества в европейское научное пространство по актуальным проблемам.

Основой политики журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» является принцип открытости издания для авторов и читателей.

Редакция журнала в своей деятельности, руководствуется принципами разработанными Международным Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics – COPE, <http://publicationethics.org>) и положениями главы 70 ГК РФ «Авторское право».

The main aims of Academic journal “Historical and Social-Educational Idea” include coverage of results of scientific and research activity of the Russian and foreign scientists in social-humanitarian and educational sciences; drawing attention to the most topical problems and promising directions of such sciences as history, sociology, pedagogy, development of international intercultural cooperation and promoting main achievements of the Russian scientists’ research activity.

Other aims of Academic journal include: allowing scientists publishing results of their researches and allowing scientists from different regions exchange opinions, forming open scientific polemics, which favor scientific networking and help developing consolidated information area of scientific communication in such spheres as education, history etc. The journal is called for furthering integration of the Russian young researchers of state and society into International Research Area. The journal “Historical and Social-Educational Idea” is a public platform for the effective exchange of information, opinions, results of investigations in the sphere of history, education and social-humanitarian sciences, expressing and discussing various viewpoints regarding topical issues.

Core policy of the journal “Historical and Social-Educational Idea” implies the principle of openness of the journal to authors and readers.

The editors of the journal are guided by the principles developed by the Committee on Publication Ethics (COPE, <http://publicationethics.org>) and the provisions of Chapter 70 "Copyright" of the Russian Civil Code.

Редакционный Совет**Председатель Редакционного Совета**

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет Ростов на Дону. Россия

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета Краснодар. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН Москва. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика) Брно. Чешская Республика

Editorial Council**Editorial Board Chairman**

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University Rostov-on-Don. Russia

Vera P. Bederkhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University Krasnodar. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University Krasnodar. Russia

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Moscow. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic) Brno. Czech Republic

Икеда Ёсио, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет Токио. Япония

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo Tokyo. Japan

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University Krasnodar. Russia

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Ростов-на-Дону. Россия

Sergey A. Kisilitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Rostov-on-Don. Russia

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук Владивосток. Россия

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Vladivostok, Russia

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет Самара. Россия

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University Samara. Russia

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, кафедра истории России, Кубанский государственный университет, член диссертационного совета по историческим наукам при Кубанском государственном университете Краснодар. Россия

Valery N. Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Kuban, Honored Science Worker of the Russian Federation, Member of the Academy of Social Sciences, Member-Correspondent of the International Academy of Higher School, Department of Russian History, Kuban State University, Member of Dissertation Council for Historical Sciences of Kuban State University Krasnodar. Russia

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме Генуя. Италия

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome Genoa. Italy

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики Бишкек. Кыргызстан

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic Bishkek. Kyrgyzstan

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско Сан-Франциско. США

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University San Francisco. USA

Хон Вунг Хо, кандидат исторических наук, профессор истории, Центр восточных исследований, факультет международных отношений, Государственный университет Донгук
Сеул. Республика Корея

Hong Vung Ho, Candidat of Historical Sciences, Professor of History, Center for Oriental Studies, Faculty of International Relations, Donguk State University
Seoul. Republic of Korea

Чекалева Надежда Викторовна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института инновационного и инклюзивного образования Омского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой педагогики, председатель диссертационного совета при Омском государственном педагогическом университете
Омск. Россия

Nadezhda V. Chekaleva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education of the Omsk State Pedagogical University, Head of the Department of Pedagogy, Chairman of the Dissertation Council at the Omsk State Pedagogical University
Omsk. Russia

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук
Манчестер. Великобритания

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences
Manchester. UK

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Юн Санг Вон, доктор исторических наук, профессор истории Кореи, Государственный университет Чонджу, директор Исследовательского центра Корё сарам Чонджу. Республика Корея

Yoon Sang Won, Doctor of Historical Sciences, Professor of Korean History, Jeonju State University, Director of the Koryo Saram Research Center
Chonju. Republic of Korea

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Таганрог. Россия

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, временно исполняющий обязанности директора Института истории Сибирского отделения РАН Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук Екатеринбург. Россия

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук Владивосток. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University Yerevan. Armenia

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch) Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Director of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Yekaterinburg. Russia

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Vladivostok. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	FALSIFICATION OF HISTORY AS A THREAT TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY
Андрянова Т.В. г. Курск, Россия ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА И ПРОБЛЕМА ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ	T.V. Andriyanova Kursk, Russia HISTORICAL MEMORY OF STUDENT YOUTH OF THE REGION AND THE PROBLEM OF ITS FALSIFICATION
13	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ	HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY
Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. г. Тула, Россия СИСТЕМА ОБОРОНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЯ АСАНДРА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК В УРОЧИЩЕ АДЖИЭЛЬ 2018 г.)	S.V. Yartsev, V.G. Zubarev, S.L. Smekalov Tula, Russia THE DEFENSE SYSTEM ON THE WESTERN BORDERS OF THE EUROPEAN BOSPORUS DURING THE REIGN OF KING ASANDER (ON MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN THE ADZHIEL TRACT, 2018)
25	
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ Исторический, социологический и психологический аспекты	SOCIOLOGICAL AND HUMANITIES SCIENCES Historical, Sociological and Psychologica Aspects
Андреева Л.А., Филимонова Н.В., Хопияйнен О.А., Молданова Т.А. г. Ханты-Мансийск, Россия АККУЛЬТУРАЦИЯ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ	L.A. Andreeva, N.V. Filimonova, O.A. Hopiaynen, T.A. Moldanova Khanty-Mansiysk, Russia ACCULTURATION IN THE NATIONAL KITCHEN SPHERE
35	
Баранов А.В., Донцова М.В. г. Краснодар, Россия Чигрин В.А. г. Симферополь, Россия ОРИЕНТАЦИИ И УСТАНОВКИ ВОСПРИЯТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖЬЮ КУБАНИ И КРЫМА	A.V. Baranov M.V. Dontsova Krasnodar, Russia V.A. Chigrin Simferopol, Russia ORIENTATIONS AND ATTITUDES OF THE PERCEPTION OF INTER-ETHNIC AND INTERCONFESSIONAL RELATIONS BY WORKING YOUTH IN THE KUBAN AND THE CRIMEA
43	
Верещагина А.В. г. Ростов-на-Дону, Россия ПОЧЕМУ ПАТРИОТИЗМУ НА ЮГЕ РОССИИ НЕ ХВАТАЕТ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)?	A.V. Vereshchagina Rostov-on-Don, Russia WHY IS PATRIOTISM IN THE SOUTH OF RUSSIA LACKS CITIZENSHIP? (BASED ON A SOCIOLOGICAL SURVEY)
54	
Владимирова С.В., Филимонова Н.В., Хопияйнен О.А. г. Ханты-Мансийск, Россия ШКОЛА ТЬЮТОРСТВА ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ КАК ФОРМА ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ШКОЛА - ВУЗ»	S.V. Vladimirova, N.V. Filimonova O.A. Hopiaynen Khanty-Mansiysk, Russia TUTORING SCHOOL IN FOREIGN LANGUAGES AS AN EFFECTIVE FORM OF COOPERATION "SCHOOL – UNIVERSITY"
65	
Григорьев О.В. г. Новосибирск, Россия ЗАКОННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	O.V. Grigoriev Novosibirsk, Russia LEGALITY, JUSTICE AND DEMOCRACY IN THE COORDINATE SYSTEM OF THE RUSSIAN JUDICIAL POWER
72	
Грушевский С.П., Лазарев В.А. г. Краснодар, Россия К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КУБАНИ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ	S. P. Grushevskiy, V.A. Lazarev Krasnodar, Russia TO THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MATHEMATICAL EDUCATION IN THE KUBAN: PEOPLE, EVENTS, TIME
78	

Дыбовский А. С. г. Осака, Япония Ларина Л.Л. г. Владивосток, Россия	A.C. Dybovsky Osaka. Japan L.L. Larina Vladivostok, Russia
О НЕКОТОРЫХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ ЖИЗНЕННЫХ ПОЗИЦИЙ, УСТРЕМЛЕНИЙ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КИТАЙСКИХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК. ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТНОГО ОПРОСА 2016 г.	85 ON GENDER SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN ATTITUDES TOWARDS LIFE POSITIONS, ASPIRATIONS AND VALUE ORIENTATIONS AMONG CHINESE YOUTH - BASED ON QUESTIONNAIRE SURVEY RESULTS, 2016 -
Кодола В. Г. Московская область, Россия	V. G. Kodola Moscow Region, Russia
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМА ПОНЯТИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ	102 TRANSCENDENTAL MATERIALISM OF THE CONCEPT OF EXISTENCE
Коморникова О.М. г. Шадринск, Россия	O.M. Komornikova Shadrinsk, Russia
ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	110 THE PROBLEM OF YOUTH INCLUSION IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN CONTEMPORARY RUSSIA
Кузьмина В.М. г. Курск, Россия	V.M. Kuzmina Kursk, Russia
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПАНСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО ДАННОМУ ВОПРОСУ	119 PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SPANISH REGIONALISM AND RUSSIA'S POSITION ON THIS ISSUE
Ли Шанцзинь г. Москва, Россия	Li Shangjin Moscow, Russia
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИТАЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	130 INTERETHNIC RELATIONS IN CHINA AND FEATURES OF THEIR STATE REGULATION AT THE PRESENT STAGE
Малий Д.В., Медведев П.Н., Маркова М.Г. Г. Тула, Россия	D.V. Maliy, P.N. Medvedev, M.G. Markova Tula, Russia
ПРОФИЛАКТИКА ИГРОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ УВЛЕЧЕННОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	135 PREVENTION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN'S EXCESSIVE FOCUS ON COMPUTER GAMING
Мальцева Р.И. г. Краснодар, Россия	R.I. Maltseva Krasnodar, Russia
САМООРГАНИЗАЦИЯ ДИССИПАТИВНЫХ СТРУКТУР	142 SELF-ORGANIZATION OF DISSIPATIVE STRUCTURES
Тарасенко В.А. г. Москва, Россия	V.A. Tarasenko Moscow, Russia
КОМПЬЮТЕРНЫЙ СПОРТ: ОТКУДА КОРНИ РАСТУТ. ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС	147 ESPORTS: WHEREFROM ROOTS GROW. HISTORICAL AND SOCIAL DIGRESSION
Харина Н.С. г. Ханты-Мансийск, Россия	N.S. Kharina Khanty-Mansiysk, Russia
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННО- БЫТОВОЙ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ	157 SOCIAL ASPECTS OF ECONOMIC AND HOUSEHOLD LIFE OF SPECIAL EMPLOYERS IN THE TERRITORY OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA
Челак Е.А., Поляруш Д. Н. г. Ханты-Мансийск, Россия	E.A. Chelak, D.N. Polyarush Khanty-Mansiysk, Russia
К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКЗАМЕНА НА ПОЛУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОГО СТАТУСА «НОСИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»	165 TO THE ISSUE OF METHODS ON HOLDING THE EXAMINATION FOR OBTAINING SOCIALLY IMPORTANT STATUS OF «RUSSIAN NATIVE SPEAKER»

ИНФОРМАЦИЯ

INFORMATION

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих опубликовать свои научные статьи в специальном разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»**.

Набор статей для раздела осуществляется в течение всего 2018 года.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

Статьи в разделе **«Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России»** будут публиковаться на безвозмездной основе. Авторы статей должны будут оплатить только стоимость журнала (300 руб.), почтовые расходы (200 руб. – по России или 750 руб. – страны СНГ и ближнего зарубежья) и заплатить за присвоение DOI (1000 руб.)

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор
В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" invites everyone to participate in the special section **"Falsification of History as a Threat to Russia's National Security"**.

A set of articles is carried out during 2018.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

The articles in the section **"Falsification of History as a Threat to Russia's National Security"** will be published on a free basis. The authors of the articles will have to pay only the cost of the journal (300 rubles), postal expenses (200 rubles for Russia or 750 rubles for the CIS countries and near abroad) and pay for the DOI assignment (1000 rubles).

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences, Professor
V.A. Shturba

***Фальсификация истории как угроза
национальной безопасности России***

***Falsification of History as a Threat
to Russia's National Security***

УДК 04.316:303; 316:001.8

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-13-21

АНДРИЯНОВА Татьяна Владимировна
Курский государственный университет
г. Курск, Россия
andriyanova.tv@gmail.com

Tatyana V. ANDRIYANOVA
Kursk State University
Kursk, Russia
andriyanova.tv@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА И ПРОБЛЕМА ЕЕ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ**

**HISTORICAL MEMORY OF STUDENT YOUTH OF
THE REGION AND THE PROBLEM OF ITS
FALSIFICATION**

Проблема фальсификации исторической памяти является актуальной в молодежной среде, так как это наиболее транзитивная категория населения, подверженная влиянию различных источников. Объект исследования предстает как интегративный в теоретических подходах зарубежных и отечественных авторов. Основные подходы к исследованию коллективной памяти, заложенные еще Э. Дюркгеймом, находят свое продолжение и развитие в теориях М. Хальбвакса и А. Варбурга («социальная память»). С точки зрения социокультурного подхода следует выделить польскую школу исследования исторической памяти (Б. Шацка, Е. Вятр), где вводится новое понятие - «киберпамять» (К. Штоп-Рутковская). Отечественные концепции исторической памяти находятся в стадии разработки и представлены в основном дискуссией в периодической печати (Ж.Т. Тощенко, А.Г. Васильев, И.Б. Бритвина). Методологической основой исследования выступает генерационный подход, сформулированный Х. Шуманом и Ж. Скоттом. В качестве базового поколения для анализа выбрана студенческая молодежь региона. Эмпирическая часть опирается на вторичные данные российских региональных исследований, демонстрирующие сложные отношения субъекта и объекта в контексте демонтажа общественных отношений. Для молодежи по-прежнему значимой остается тема Родины, ее национального самоопределения. Вместе с тем достаточно размытыми остаются основные категории этих понятий, что связано с утратой значительной части традиционных каналов трансляции исторической памяти, передачей этих функций в целом исключительно институту образования, что не может компенсировать проблему утраты смысла и значения исторических событий.

Historical memory is an integrative object of research in the theoretical approaches of foreign and domestic authors. The distortion and falsification of historical memory is manifested to a greater extent in the youth environment, as the most transitive category of the population. The young generation is subject to the influence of various external sources, thanks to which it exhibits tolerance to complex events. E. Durkheim laid the basic approaches to the study of collective memory, then it continued M. Halbvaks and A. Warburg ("social memory"). The Polish school of historical memory research in the context of a sociocultural approach (B. Szacka, E. Vyatr) introduces a new concept - "cyber memory" (K. Shtop-Rutkovska). Domestic sociological concepts of historical memory are presented by the discussion in the periodical press (J.T. Toshchenko, A.G. Vasilyev, I.B. Britvina). The methodological basis of the research is the generational approach formulated by H. Schumann and J. Scott. The student youth of the region was chosen as the basic generation for the analysis. The empirical part is based on the secondary data of Russian (2012-2015) regional studies, which demonstrate the complex relations between subject and object in the context of the dynamics of social relations. For young people the theme of the Motherland, its national self-determination remains significant. At the same time, the main categories of these concepts remain quite vague, which is associated with the loss of a significant part of the traditional channels of transmission of historical memory, the transfer of these functions as a whole exclusively to the institution of education, which cannot compensate for the loss of meaning and significance of historical events.

Ключевые слова: коллективная память, социальная память, историческая память, киберпамять, культурная память, молодежь, современное общество, коммеморативные ритуалы, память мира, генерационный подход

Key words: collective memory, social memory, historical memory, cyber memory, cultural memory, youth, modern society, commemorative rituals, memory of world, generational approach

Для цитирования: Андриянова Т.В. Историческая память студенческой молодежи региона и проблема ее фальсификации. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 13-21.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-13-21.

For citation: Andriyanova T.V. Historical memory of student youth of the region and the problem of its falsification. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 13-21.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-13-21. (in Russ)

Введение

Актуальность сохранения исторической памяти во многом определяется условиями трансформации современного российского общества. Во внутренней политике нашей страны все больше делается акцент на воспитании патриотизма в молодежной среде, где наиболее остро ощущается необходимость переосмысления внутригосударственных и мировых событий. Порой неоднозначные оценки исторических событий и персоналий побуждают молодежь к критическому осмыслению новой поступающей информации о прошлом, самостоятельному оцениванию событий, а интенсивная динамика общественной жизни - к еще более быстрому реагированию на них. Речь идет о комплексном формировании гражданского самосознания молодого поколения, в котором сохранение исторической памяти играет основополагающую роль. Историческая память как резерв развития общества влияет на общее состояние страны и народа. Она напрямую зависит от связи между поколениями, передачи смысложизненных ценностей, основных гражданских и патриотических позиций. В научном мире постоянно ведется дискуссия о том, каковы границы исторической памяти, насколько они прочны или, наоборот, подвижны для каждого вступающего в жизнь человека.

Истоки рассмотрения феномена исторической памяти можно найти в начале XVII в. в трудах философов Нового времени в духе эмпиризма (Ф. Бэкон, Д. Юм), рационализма и механицизма (Р. Декарт). Разные ценностно-мировоззренческие позиции позволили им разработать свои философские концепции, на основе новой методологической проблематики. У Бэкона - это критика «идолов» и методы опыта и индукции, у Декарта - дедукция, основанная на ясных и очевидных истинах.

«Идолы разума», в данном случае «самые глубокие самообольщения человеческого ума», представляют собой шаблоны, стереотипы, предрассудки сознания и выражают неизбежную ограниченность человеческого мышления в своих четырех видах: «идолы рода» - свойственные всему человеческому роду, природные особенности человеческого разума; «идолы пещеры» - данные от рождения индивидуальные особенности и привычки каждого человека, в соответствии с которыми «каждый человек смотрит на мир из своей собственной пещеры»; «идолы рынка», связанные с формированием различных стереотипов и заблуждений в общественном сознании благодаря двусмысленности и многозначности слов языка; «идолы театра», означающие власть ложных авторитетов [1]. Декарт, в свою очередь, считал, что значение истины состоит в освобождении от ненужных контекстов, то есть, «определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений» [2]. Рассматривая коллективную (социальную) память как накопленный опыт человечества, транслирующий культурные ценности из поколения в поколение, философы отмечают возможности ее субъективной трактовки и искажений.

В сферу социологического анализа историческая память входит начиная с середины XIX в. Как указывает исследователь этого вопроса А.Г. Васильев, Э. Дюркгейм обращается к теме коллективной памяти в работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912 г.) в контексте изучения коммеморативных ритуалов как церемоний репрезентаций мифической истории предков [3]. Среди них первыми являлись поминальные обряды на наиболее важных объектах поклонения - местах захоронений предков, а в целом «ритуалы выполняют функцию носителей социальной памяти» [4, с. 153]. В современном обществе на место ритуала приходит закон, поддерживающий механизм социальной солидарности. «Общее положение дюркгеймовской социологии о том, что общество нуждается в

определенной степени интеллектуального, морального и эмоционального конформизма своих членов, с необходимостью приводит и к более частному выводу о социальной необходимости "конформизма мемориального"» [4, с. 146].

Последователи Дюркгейма, из которых мы выделяем социолога М. Хальбвакса [5] и историка искусств А. Варбурга [6], в 20-е годы XX в. вводят в научный оборот понятия «коллективная память» и «социальная память». Они в той или иной мере ответили на вопрос: что помогает сохранять обществу коллективную идентичность в условиях повседневности, вне ритуальной практики.

Концепт исторической памяти формируется во второй половине XX в. в работах ряда ученых. Исследователь культуры А. Моль [7] выделяет в культуре две стороны - индивидуальную и социальную и вводит для характеристики последней понятие «память мира» («всемирная сознательность»). Оно складывается в процессе культурогенеза из разных производимых в обществе артефактов и усваивается человеком в течение всей жизни, ассоциируясь с рядом оценочных суждений.

Основатели школы «Новой исторической науки» («Анналов») французские ученые М. Блок и Л. Февр взглянули на проблему трактовки исторических событий с другой методологической позиции. Она в определенной степени может быть связана с «идеальными типами» М. Вебера в том смысле, что явление изучается ретроспективно в поздней сложившейся форме с применением метода «плотного описания» (thick discription). Февр, критикуя сложившиеся подходы к описанию исторических событий в учебниках истории, приводит в качестве негативного примера «Историю России», вышедшую в 30-е годы XX в., где невозможно угадать подлинной роли нашей страны в мировых процессах [8]. В противовес этому предлагается трехмерный подход к анализу социума с точки зрения природно-географических условий, структуры и «конъюктур» (циклические социальные изменения).

Позднее в работах Я. Ассмана появляется понятие «культурная память», которое имеет явно выраженную сакральную окраску и вызывает необходимость появления посредника, обладающего соответствующими полномочиями и компетенцией [9].

В польской исследовательской школе коллективная память принципиально внеисторична, в ней действуют достаточно «мифологизированные образы» вне исторического контекста и недоступны для внешнего вмешательства [10]. В книге польского ученого Е. Вятра дается характеристика польских национальных интересов и отношения к России в контексте международных исследований отношений поляков к различным историческим событиям. Историческая память в данном случае предстает через призму самосознания населения и его патриотических настроений [11]. В исследовании К. Штоп-Рутковской вводится новое понятие «киберпамять», как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» [12].

Один из ведущих исследователей социальной памяти Дж. Олик указывает, что, несмотря на значительный вклад различных дисциплин в исследования в области социальной памяти, они до сих пор являются непарадигматическими и трансдисциплинарными, не имеют четких границ. Автор предлагает исправить эту относительную дезорганизацию и восстановить из разнообразия работ, посвященных социальной памяти, традиции ее изучения, ключевые определения и основу для будущей концепции социальной памяти [13].

В отечественной социологии также были намечены основные подходы к изучению исторической памяти. По словам Ж.Т. Тощенко, «если для истории социальной мысли очень важен и интересен генезис всех без исключения социальных идей на всех этапах общественного развития, то для истории социологии центральной идеей является исследование теории и практики функционирования гражданского общества, его зарождения и функционирования в условиях, когда оно обеспечивает возможности для развития каждого человека». Немаловажным для исследователей является и вопрос о методологии, в данном случае социологии истории, которая должна иметь возможность быть вы-

раженной в дискретном плане, в количественной и качественной квантификации информации [14].

В 2001 г. в рамках дискуссии о методах изучения исторической памяти состоялся круглый стол по проблемам преемственности и трансформации исторической памяти, основой для которого послужили исследования: «Историческое сознание: тенденции развития в условиях перестройки» (1990 г., N= 2196) и исследование Социологического центра РАГС (2001 г., N= 2401).

Несмотря на значительное количество отечественных источников, посвященных теме исторической памяти, которым соответствует такой же солидный массив исследований начиная с 1987 г., пока не существует ни одной монографической работы по данной проблематике. В существующих социологических исследованиях уделяется недостаточное, на наш взгляд, внимание зависимости переменных, без которой трудно выявить общие закономерности и прийти к релевантным выводам.

В качестве методологической основы данной статьи выступает «генерационный» подход к изучению исторической памяти, сформулированный Х. Шуманом и Ж. Скоттом, где «поколение выступает в качестве фактора, с помощью которого можно предсказывать будущее поведение больших масс людей. Если выборка составлена из специфических генерационных групп, то можно доказать, что они отличаются некоторым единством мыслей и поступков» [15, с. 47-48]. Для нас такой генерационной группой выступает студенческая молодежь региона. Ограничение этого метода заключается в широте охвата когорты: если она слишком велика, то и доказать влияние прошлого опыта на настоящие поступки людей достаточно сложно. Здесь можно изучить один из аспектов действия, а именно - что из прошлого остается в памяти и влияет на поведение когорты. Авторы провели в 1985 г. исследование среди американцев (N=1410) от 18 лет и старше с использованием методов телефонного опроса, логистического анализа и контент-анализа ответов респондентов. Им предлагалось сначала подумать «о национальных и мировых событиях и изменениях» за последние 50 лет, а затем выделить 1-2 наиболее важные с их точки зрения. Уточняющие вопросы касались того, почему респонденты выбрали именно эти события. Два понятия «события» и «изменения» имели разный контекст: первое - как факт, ограниченный во времени (например, война), второе - как длительный процесс (например, освоение космоса). Авторы отмечают, что «самый значимый фактор, влияющий на историческую память, - это отсутствие образования» [15, с. 50]. Гипотеза исследователей, которую они называли «эффект генерации», подтвердилась, то есть в основном люди указывали на события и изменения, происходившие в их юности. В качестве вывода ученые приводят два значения термина «коллективная память»: «в узком смысле - это персонифицированные коллективные воспоминания, в более общем смысле - коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые для формирования будущего поведения членов данного поколения» [15, с. 59].

В качестве дополнительного инструментария для выявления возможностей фальсификации исторической памяти мы обращаемся к региональным исследованиям российских социологами каналов передачи и механизмов трансляции исторической информации между поколениями.

Результаты исследования и их обсуждение

Для сравнительного анализа по заявленной проблеме фальсификации истории были взяты вторичные данные российских региональных социологических исследований студенческой молодежи. Выбор регионального аспекта представляется в данном контексте наиболее оправданным, так как он создает предметное поле для сравнительного анализа на уровне отдельных территорий. Отметим, что наиболее часто в исследованиях разного уровня встречается тема исторической памяти о Великой Отечественной войне, как о наиболее значимом событии, своеобразном индикаторе состояния исторической памяти, оценки степени ее фальсификации.

Средством для фальсификации исторической памяти может выступать сам канал ее передачи. Как отмечает Л.В. Макарова, свидетели исторических событий как носители живой памяти не будут подвержены влиянию информационных атак, а, значит, смогут адекватно передавать факты при личном общении. С течением времени и уходом поколений - свидетелей тех или иных знаковых событий информация может искажаться, так как поменяется канал ее передачи. В своем исследовании 2014 г. (N=120) среди представителей поколений, родившихся после 1990 г. в Московской области, автор ставит целью «конструирование обобщенной картины представлений о войне, которые переданы из устных источников» [16]. Студенческая молодежь здесь представлена отдельной группой, для которой свойственны общие закономерности, выявленные в ходе исследования, а именно, что основным источником правдивых исторических сведений выступает семья и личное общение внутри нее.

И.Б. Бритвина, изучая проблему межпоколенческой передачи исторической информации на примере сведений о Великой Отечественной войне, делает вывод о ключевом значении в данном процессе институтов первичной социализации (семья, школа), а также наибольшей уязвимости в данном процессе молодежи в возрасте 15-17 лет [17].

В исследовании иркутской студенческой молодежи (2016 г.) также показано, что оценка респондентами того или иного исторического события зависит от канала трансляции информации. Так, 60% указали, что негативно относятся к событиям Второй мировой войны, «так как их родственники помнят или даже были свидетелями прошедших страшных событий военных лет», помнят и передают в рассказах свои воспоминания. Не удивителен факт, что 86% опрошенных отметили в качестве наиболее важного праздника День Победы [18].

Панельное исследование «Великая Отечественная война в представлениях учащихся вузов: формирование российской гражданской идентичности» (2012, 2015 гг.), проведенное среди студентов Ростовской области, выявило целый ряд противоречий [19].

Первая панель (2012 г.) выявила 25,2% респондентов, не указавших или указавших с ошибкой дату начала Великой Отечественной войны, во второй панели (2015 г.) таких респондентов оказалось уже 30%, и это можно считать опасным регрессирующим фактором. Вторая панель выявила 40% респондентов, не знавших автора романа «Молодая гвардия». Среди возможных авторов фигурировали А.И. Соложеницын, М.А. Шолохов, М.М. Зощенко, то есть писатели примерно той же эпохи, но работавшие в других жанрах и направлениях. Среди героев войны каждый второй затруднился в выборе 3. Космодемьянской, а каждый третий - А. Матросова, отвечая, что не знают, кто они такие. Также слабо выражена связь молодежи с современными общественными событиями и устремлениями. В качестве основных предметов гордости за свою страну и народ респонденты чаще указывали прошлые достижения в истории, культуре, науке и в меньшей степени - настоящее государство, территорию, государственные символы.

И в первой и во второй панели респондентам был задан вопрос о том, какие аспекты истории Великой Отечественной войны наиболее часто подвергаются фальсификации. Полученные данные говорят об определенной динамике (вопрос был закрытый): в 2012 г. 42,8% считали, что это «деятельность советского руководства в преддверии войны», а в 2015 г. это количество увеличилось на 1,5%. Только 54,8% респондентов во второй панели уверены, что наша страна смогла бы победить, если бы подобная по масштабу и тяжести испытаний война случилась в настоящее время. Авторы в данном случае приводят факт зависимости ответов от таких переменных, как направление подготовки и место постоянного проживания. Так, студенты инженерных специальностей и проживающие в сельской местности более уверены в победе нашей страны, чем представители педагогического, психологического и экономического направлений и проживающие в городах. В исследовании не приводятся данные об образовательном уровне, продемонстрированном студентами при поступлении, хотя здесь можно предположить более высокий проходной балл инженеров по сравнению с другими направлениями подготовки. Что касается места проживания, вероятнее всего, оптимизм сельских жителей связан с

высоким уровнем солидарности в маленьких поселениях, на который указывал еще Дюркгейм.

Предметом гордости большинства опрошенных, а также главной составной частью образа России и россиян стало место, где родился и вырос респондент (44,1%), но гордятся своей малой родиной только 23,1%. И такие показатели наблюдаются по всей выборке второй панели. Наименьший разрыв зафиксирован у молодых людей, постоянно проживающих в сельской местности.

Среди механизмов трансляции исторического прошлого заметна утрата позиций таких важнейших социальных институтов, как семья; она оказалась только на 5-м месте. Возглавляют его школа (2012 г. - 69,9%; 2015 г. - 59,1%) и просмотр документальных фильмов (2015 г. - 55,8%), далее следуют встречи с ветеранами войны (2012 г. - 37,7%; 2015 г. - 41,8%) и просмотр художественных фильмов о войне (2012 г. - 37,7%; 2015 г. - 34,4%). Необходимо отметить, что доля тех, кто отметил рассказы родителей и знакомство с семейными архивами, выросла с 2012 г. почти на 5% и составила 32,6%. Эти данные наглядно демонстрируют явление «исчезающего поколения», когда в семьях не остается свидетелей исторических событий (в данном случае - войны), и более молодые поколения получают сведения о них из образовательных источников и хроники. Между тем более 70% респондентов всегда отмечают День Победы и всегда с семьей, ощущая генетическую связь с давно прошедшим событием. Среди других источников трансляции исторических сведений опрошенные отметили музеи и воинские мемориалы (2012 г. - 24,8%; 2015 г. - 30,3%), художественную литературу о войне (25,9%), высшие учебные заведения (22,8%). В явных аутсайдерах оказались СМИ (2012 г. - 20%; 2015 г. - 14,1%) и Интернет (2012 г. - 17,9%; 2015 г. - 19,6%); обратная пропорция долей опрошенных говорит о потере традиционными СМИ власти над умами молодежи и росте этой тенденции в Сети.

Самый сложный аспект исследования касался оценки студентами деятельности националистических организаций во время Великой Отечественной войны. Согласных с тем, что деятельность РОА и УНА-УНСО была направлена не на борьбу с Красной армией, а против сталинского режима, в первой панели доходило до 31,1% опрошенных, а во второй панели, видимо под влиянием событий на Украине, их число уменьшилось до 24,3%. Между тем неопределившихся с оценкой этих движений достаточно много, примерно треть опрошенных, что свидетельствует о недостаточно определенной трактовке событий войны со стороны отмеченных выше каналов трансляции информации.

Еще больше сомнений вызвал у респондентов вопрос о причинах массовых депортаций различных народностей во время войны: 32,6% затруднились ответить; 30,9% связали это с последствиями тотального режима и ошибками в национальной политике; 25,4% считают, что это связано с пособничеством населения врагам; 11,1% думают, что процесс выселения связан с желанием руководства произвести «национальную чистку» в отдельных регионах.

В 2014 г. в ходе опроса, направленного на выявление базовых основ формирования исторической памяти среди студентов 1-х курсов, противоречивые данные были получены при ответах на вопросы, касающиеся знания базовых исторических фактов, например о стране, запустившей первый космический спутник на околоземную орбиту. Среди ответивших немалая доля тех, кто считает, что это сделали в США: 31,1% студентов экономического направления; 21,9% студентов гуманитарных направлений; 18,9% студентов инженерно-технологического направления; 16,2% студентов естественно-научного направления. По другим вопросам была выявлена подобная же парадоксальная картина: 15,7% обучающихся социально-гуманитарного направления считают, что музей «Эрмитаж» расположен в Москве; почти 13% будущих архитекторов и дизайнеров не знают ничего о его местоположении. Только четверть студентов психолого-педагогического направления знают, кто такой А. Тарковский и его фильмы.

Из базового школьного курса отечественной истории почти все респонденты (95,5%) смогли уверенно назвать только дату крещения Руси (988 г.), в остальных датах в целом все испытывают затруднения. Не смогли назвать имена первых русских святых

князей Бориса и Глеба 60,9% студентов. Демонстрируемый «разрыв» в исторических знаниях молодежи, вероятнее всего, вызван автоматическим заучиванием сведений, необходимых в ходе подготовки к ЕГЭ без качественного их осмысления. Интересные выводы позволяют сделать результаты ответов на вопросы, касающиеся знания русских сказок, былин, преданий как глубинной части исторической памяти. Немногим более 20% смогли назвать несколько русских былин и сказок, ссылаясь на редкое обращение к их текстам и непонимание их смысла. Вызывает опасения в данном случае тот факт, что нежелание проникать в символический сказочный мир связано с отсутствием интереса к прошлому своего народа. Причем в ответах на вопросы о представителях древнегреческого пантеона богов и героев респонденты оказались более осведомленными: более 60% знали их имена и подвиги.

Выводы

Сложность проблемы фальсификации исторической памяти в молодежной среде связана с целым спектром факторов, выявленных в теоретическом и эмпирическом исследовании. Во-первых, имеет место обозначенный «эффект генерации», причем пока в исследовательском поле изучения исторической памяти на первый план выходит память о Великой Отечественной войне. Как представляется автору, его можно расширить за счет более современных событий, например вхождения Крыма в состав Российской Федерации, что позволит подтвердить или отклонить существующие исследовательские методы. Фальсификация истории во многом обусловлена каналами передачи и механизмами трансляции исторической информации между поколениями и является следствием, с одной стороны, ухода старших поколений - свидетелей исторических событий, с другой стороны, недостаточной ролью семьи в передаче необходимой информации. Во-вторых, контекст обсуждения многих исторических событий меняется во времени, что в целом способствует искажению исторических фактов. В-третьих, деятельность образовательных учреждений в данном случае представляется достаточно противоречивой и не дает необходимого простора для осмысления исторических фактов, предлагая уже сложившиеся концепции. Представляется важным включение в социологические исследования по вопросу более корректного анализа данных зависимости переменных, построения квотной выборки по разным возрастным группам для определения механизмов социального взаимодействия между поколениями для выявления «эффекта генерации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. - М.: Мысль, 1978. - 592 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках, и другие философские работы / Пер. с лат. - М.: Академический проект, 2011. - 335 с.
3. Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Presses Universitaires de France, 2013. - 672 p.
4. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма. // Социологическое обозрение. - 2014. - Т.13, № 2. - С. 141-167.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.
6. Warburg A., Rampley M. The Absorption of the Expressive Values of the Past Trans // *Art In Translation*. - July 2009. - No. 1.2. - Pp. 273-283.
7. Moles A.A. Sociodynamique de la culture. - Paris. Editions Mouton, 1971. - 342 p.
8. Febvre L. Combats pour l'histoire. - Paris: Pocket, 1995. - 453 p.
9. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
10. Szacka B. Czas przeszły, pamięć, mit. - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006. - 239 p.
11. Wiatr J.J. Refleksje o polskim interesie narodowym. - Warszawa: Wydaw. Instytutu Filozofii i Socjologii PAN, 2004. - 193 p.

12. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или О чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. - 2015. - № 4. - С. 130-139.
13. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. - 1998. - Vol. 24. - Pp. 105-140.
14. Шамшури В.И. История социологии и история социальной мысли: общее и особенное (круглый стол) // Социологические исследования. - 1996. - № 10. - С. 77-88.
15. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. - 1992. - № 2. - С. 47-60.
16. Макарова Л.В. Великая Отечественная: что остается в личной памяти? // Социологические исследования. - 2015. - № 11. - С. 107-114.
17. Бритвина И.Б. Проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. - 2015. - № 5. - С. 18-21
18. Сидорова А.А. Особенности социальной памяти: результаты социологического исследования в г. Иркутске // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по мат. XL междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(40). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11\(40\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11(40).pdf) (дата обращения: 30.09.2018).
19. Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М., Понеделков А.В. Культурные аспекты исторической памяти российских студентов // Власть. - 2016. - № 9. - С. 155-163.

REFERENCES

1. Behkon F. Sochineniya v dvuh tomah. [Works in two volumes]. T. 2. M.: Mysl', 1978. 592 p. (in Russ.)
2. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoj razum i otyskivat' istinu v naukah i drugie filosofskie raboty [Reasoning about the method in order to correctly direct your mind and to seek truth in the sciences and other philosophical works]. Per. s lat., M.: Akademicheskij proekt, 2011. 335 p. (in Russ.)
3. Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. PRESSES UNIVERSITAIRES DE FRANCE. 2013. 672 p. (in French)
4. Vasil'ev A. Voploshchennaya pamyat': kommemorativnyj ritual v sociologii E. Dyurkgejma. [The embodied memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim]. Sociologicheskoe obozrenie. 2014. T.13, no.2. Pp. 141-167. (in Russ.)
5. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati. [Social memory framework]. Per. s fr. S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (in Russ.)
6. Warburg A., Rampley M. The Absorption of the Expressive Values of the Past Trans. *Art In Translation*. 1.2 (July 2009). Pp. 273-283. (in English)
7. Moles A.A. Sociodynamique de la culture. Paris. Editions Mouton, 1971. 342 p. (in French)
8. Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris: Pocket, 1995. 453 p. (in French)
9. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turakh drevnosti. [Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Per. s nem. M.M. Sokol'skoj. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (in Russ.)
10. Szacka B. Czas przeszły, pamięć, mit. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2006. 239 p. (in Polish)
11. Wiatr J.J. Refleksje o polskim interesie narodowym. Warszawa: Wydaw. Instytutu Filozofii i Socjologii PAN, 2004. 193 p. (in Polish)
12. Shtop-Rutkovska K. Kiberpamyat', ili o chem my (ne)pomnim v seti. Analiz lokal'noj pamyati: Belostok i Lyublin Cyber memory, or what we (do not) remember in the network. [Analysis of local memory: Bialystok and Lublin]. Sociologicheskije issledovaniya. 2015. no. 4. Pp. 130-139. (in Russ.)
13. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices. Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. Pp. 105-140. (in English)
14. Shamshurin V.I. Istoriya sociologii i istoriya social'noj mysli: obshchee i osobennoe (kruglyj stol). [The history of sociology and the history of social thought: the general and the particular (round table)]. Sociologicheskije issledovaniya. 1996. no. 10. Pp. 77-88. (in Russ.)
15. Shuman G., Skott, ZH. Kollektivnaya pamyat' pokolenij. [The collective memory of generations]. Sociologicheskije issledovaniya. 1992. no.2. Pp. 47-60. (in Russ.)

16. Makarova L.V. Velikaya Otechestvennaya: chto ostaetsya v lichnoj pamyati? [Great Patriotic: what remains in personal memory?]. Sociologicheskie issledovaniya. 2015. no. 11. Pp. 107-114. (in Russ.)
17. Britvina I.B. Problema sohraneniya i aktualizacii pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne [The problem of preserving and updating the memory of the Great Patriotic War]. Sociologicheskie issledovaniya. 2015. no. 5. Pp. 18-21. (in Russ.)
18. Sidorova A.A. Osobennosti sotsialnoy pamyati: rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya v g. Irkutske [Features of social memory: the results of a sociological study in the city of Irkutsk]. Molodejnyiy nauchnyiy forum: Obschestvennyie i ekonomicheskie nauki: elektr. sb. st. po mat. XL mejdunar. stud. nauch.-prakt. konf. no. 11(40). Available at: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11\(40\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/11(40).pdf) (accessed 30 09 2018)
19. Filonenko V.I., Shtompel' L.A., Shtompel' O.M., Ponedelkov A.V. Kul'turnye aspekty istoricheskoy pamyati rossijskih studentov. [Cultural aspects of the historical memory of Russian students]. Vlast'. 2016. no. 9. Pp. 155-163. (in Russ.)

Информация об авторе:

Андриянова Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Курский государственный университет, г. Курск, Россия
andriyanova.tv@gmail.com

Получена: 14.09.2018

Information about the author:

Tatyana V. Andriyanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Kursk State University, Kursk, Russia
andriyanova.tv@gmail.com

Received: 14.09.2018

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 94(3)

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-25-31

ЯРЦЕВ Сергей Владимирович
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия
s-yartsev@yandex.ru

Sergey V. YARTSEV
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
s-yartsev@yandex.ru

ЗУБАРЕВ Виктор Геннадьевич
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия
parosta@mail.ru

Viktor G. ZUBAREV
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
parosta@mail.ru

СМЕКАЛОВ Сергей Львович
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,
г. Тула, Россия
sismek@mail.ru

Sergey L. SMEKALOV
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
sismek@mail.ru

**СИСТЕМА ОБОРОНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО
БОСПОРА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЯ
АСАНДРА (ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК В УРОЧИЩЕ
АДЖИЭЛЬ 2018 г.)**

**THE DEFENSE SYSTEM ON THE WESTERN
BORDERS OF THE EUROPEAN BOSPORUS
DURING THE REIGN OF KING ASANDER (ON
MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL
INVESTIGATIONS IN THE ADZHIEL TRACT, 2018)**

Исследование посвящено вопросам реконструкции обороны западных рубежей Европейского Боспора во время правления царя Асандра. Используя метод источникового анализа, авторы вносят существенную корректировку в реконструкцию системы обороны западных границ Боспорского царства в I в. до н.э. Захватив власть в тяжелой борьбе, Асандр понимал, что угроза ему могла исходить не только от римлян, но и от местных варваров, тем более что некоторые из них воевали на стороне его противников. Боспорский царь был вынужден в целях обеспечения безопасности земледельческих районов Европейского Боспора укрепить древний Узунларский вал системой стен и башен, протянувшейся, по словам Страбона, на 360 стадий. Эта информация не соответствует археологическим данным, по которым длина выявленной укрепленной оборонительной линии с башнями на Узунларском валу значительно меньше. В ходе археологических разведок 2018 г. в урочище Аджиэль, вблизи северного участка Узунларского вала, были выявлены остатки еще одной башни, которая, судя по материалу, явно относилась к оборонительной системе, существовавшей в период функционирования здесь аналогичных сооружений в I в. до н.э. Однако выявленная башня располагается несколько в стороне, в 1,7 км в западном направлении от подобного объекта на валу. Очевидно, что обеспечивая фланговое прикрытие с севера, обнаруженное новое фортификационное сооружение, неразрывно связанное с Узунларским валом и его укрепленными флангами, являлось важнейшим звеном обороны западных рубежей Боспора. При этом вместе с фланговым прикрытием вся эта система вполне может соответствовать длине укрепленной границы, упомянутой Страбоном. Главной

The study focuses on the reconstruction of the western frontiers of the European Bosphorus during the reign of King Asander. Using the method of source analysis, the authors make a significant adjustment to the reconstruction of the defense system of the Bosphorus kingdom's western borders in the 1st century BC. Having captured power in a difficult struggle, Asander understood that the threat to him could come not only from the Romans, but also from local barbarians, especially since some of them fought on the side of his opponents. The Bosphorus king was forced, in order to ensure the safety of the agricultural regions of European Bosphorus, to reinforce the ancient Uzunlar defensive earthwork with a system of walls and towers, which, according to Strabo, stretches for 360 stages. This information does not correspond to the archaeological data, according to which the length of the identified fortified defensive line with the towers on the Uzunlar defensive earthwork was much less. The archaeological surveys of 2018 in the Adzhel tract, near the northern section of the Uzunlar defensive earthwork, have revealed the remains of another tower, which, judging by the material, clearly belonged to the defensive system existing there while functioning of similar structures in the 1st century BC. Moreover, the identified tower is located 1.7 km to the west of a similar object on the defensive earthwork. Thus, providing flank protection from the north, the system of towers, which is inextricably linked with the Uzunlar defensive earthwork and its fortified flanks, seems to be the most important defense element of the western borders of the Bosphorus. In this form, the whole system can correspond to the length of the fortified border mentioned by Strabo. The main task of its gar-

задачей ее гарнизона была не столько организация защитного рубежа, сколько своевременная подача соответствующих сигналов и обеспечение связи. Исходя из этого, можно предположить, что сторожевые сигнальные башни, прикрывающие северный фланг Узунларского вала, скорее всего, были сориентированы на один из главных проездов в этой линии обороны и древнюю дорогу, которая шла отсюда вглубь полуострова.

Ключевые слова: Крым, Керченский полуостров, Узунларский вал, урочище Аджиэль, Боспорское царство, городище Белинское, царь Асандр

Для цитирования: Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Сmealов С.Л. Система обороны европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 г.). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 25-31.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-25-31.

rison was not so much to organize the defensive line, as to timely supply appropriate signals and communication. Based on this, it can be assumed that the guard signal towers covering the northern flank of the Uzunlar defensive earthwork were most likely oriented towards one of the main passages in this defense line and the ancient road that ran from here towards the depths of the peninsula.

Key words: Crimea, Kerch Peninsula, Uzunlar shaft, Adzhiel tract, Bosporus kingdom, hillfort Bellinskoe, king Asander

For citation: Yartsev S.V., Zubarev V.G., Smekalov S.L. The defense system on the western borders of the European Bosporus during the reign of king Asander (on materials of archaeological investigations in the Adzhiel tract, 2018). *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 25-31.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-25-31. (in Russ)

Благодарность. Исследования проводились археологической экспедицией Тульского государственного педагогического университета в рамках работ по НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

Acknowledgement. The research was carried out by the archaeological expedition of the Tula State Pedagogical University in the framework of the research work "Archaeological and geophysical surveys on archeological monuments of the Adzhiel tract to test hypotheses about the nature of anthropogenic impact in the Holocene" at the Tula State Pedagogical University by L.N. Tolstoy (task of the Ministry of Education and Science of Russia, No 33.6496.2017/8.9).

Известно, что восхождение Асандра к власти начиналось еще в сложный период насыщенных событий, которые происходили на Боспоре при сыне Митридата VI, Фарнаке, уверенно взявшем курс на восстановление державы своего отца. При этом новый царь умело использовал междоусобицу между Цезарем и Помпеем, когда Риму было далеко до внешнеполитических стратегий на своей дальней периферии. Решив идти в 48 г. до н. э. в Малую Азию через Колхиду, Фарнак оставил вместо себя на Боспоре наместником Асандра, который в отсутствие царя быстро узурпировал власть (Cass. Dio, XLII, 48; XLIII, 46, 4; 47, 5; 48, 4; App. Mith., 120; Strabo, XIII, 4, 3). К сожалению, источники молчат о происхождении нового боспорского царя. Похоже, что он являлся вождем местного племени, которое уже долгое время находилось под влиянием греко-римского мира. Такой вывод делается исходя из анализа эллинского имени Асандр (Arr. II, 5, 8) [14, с. 17-22; 17, с. 90; 9, с. 208]. Трудно сказать, насколько были эффективными действия нового царя по укреплению своей власти, но, вернувшись на Боспор, после поражения от Цезаря Фарнак (Cass. Dio, XLII, 42, 2; Suet. Caes., 36; Plut. Caes., 50) смог захватить у Асандра ряд боспорских городов. Тем не менее варварские союзники Асандра, осознавая смертельную опасность, нависшую над ними, помогли своему ставленнику в 47 г. до н.э. разбить Фарнака, а потом и посланного римлянами на Боспор еще одного претендента на трон - Митридата Пергамского. В итоге Асандр смог остаться у власти, хотя и не получил римской поддержки (App. Mith., 120; Strabo, XIII, 4, 3) [15, с. 133-134; 8, с. 207-208; 4, с. 95; 11, с. 227; 3, с. 8-10]. Правда, он был вынужден жениться на Динамии - дочери Фарнака и внучке Митридата VI,

для приобретения легитимности своего пребывания на троне [4, с. 96; 8, с. 208]. В сложившейся ситуации римляне смогли только освободить Херсонес от зависимости боспорского тирана, которого на время оставили в покое [7, с. 1-3; 3, с. 11]. Асандр же, несмотря на то, что остался царем, понимал всю шаткость своего положения и был вынужден направить все усилия исключительно на укрепление своей власти. Тем более что ему угрожали и местные скифы, которые еще недавно сражались на стороне Фарнака (App. Mith., 120). Поддержка в такой ситуации союзных варваров, расселенных на землях царской хоры, представлялась единственным правильным решением [10, с. 93-94].

При этом ориентированием на варваров дело не ограничилось. Необходимыми действиями также представлялись мероприятия по укреплению пограничных рубежей государства. По этой причине Асандр «...построил на перешейке Херсонеса, поблизости от Меотиды, стену шириной в 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по 10 башен...» (Strabo, VII, 4, 6). Скорее всего, боспорский царь защитил земледельческий район Керченского полуострова, ведь кочевникам, по словам Страбона, не платят только «правильные люди, уверенные в том, что у них самих довольно силы, чтобы легко отразить нападающих или помешать вторжению. Именно так поступил, по сообщению Гипсикрата, Асандр...» (Strabo, VII, 4, 6).

Утверждение, что новый боспорский царь отгородил Степной Крым, построив на Перекопе и Чонгаре некую стену, не имеет достаточных доказательств [1, с. 145-156]. Степной Крым в это время не пустовал, и хотя кочевники сарматы и не жили в нем постоянно, но, судя по участию пятидесятитысячного войска роксолан в войне против Диофанта в качестве союзников скифов [12, с. 38-39], являлись активными участниками событий на территории полуострова. В это время местное оседлое население испытывало серьезную угрозу со стороны кочевников. Наличие сарматской опасности для жителей полуострова доказывает возникновение по северной границе Крымского предгорья укрепленных убежищ (Plin., NH, IV, 85) [13, с. 91-92]. Видимо, с аналогичной целью защиты от кочевников и возвел новую оборонительную линию боспорский царь [2, с. 236-237]. Археологический материал с раскопок Узунларского вала свидетельствует, что это произошло во второй половине I в. до н.э. [5, с. 208-212]. Таким образом, система башен на Узунларском валу (перешейке) и есть та оборонительная стена Асандра, о которой сообщает Страбон. Единственное обстоятельство, которое противоречит этому предположению, - длина данной стены в 360 стадий, что, безусловно, требует дополнительных объяснений.

Наиболее известной гипотезой, объясняющей указанную нестыковку в источниках, является идея А.А. Масленникова. Она заключается в том, что Страбон, скорее всего, под стеной Асандра имел в виду всю совокупную линию обороны, состоявшую из нескольких валов, расположенных на Европейском Боспоре [6, с. 225; 5, с. 212].

Следующая попытка снять противоречия в источниках базируется на том, что описание Перекопа у Страбона схоже с описанием Перешейка в районе Узунларского вала: «...здесь находится перешеек шириной в сорок стадий, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим, или Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна тремстам шестидесяти стадиям» (Strabo, VII, 4, 1). Так как все упомянутые в тексте расстояния имеют непосредственное отношение к Перекопскому Перешейку [1, с. 147-148], очевидно, что в рассказ о деятельности Асандра по укреплению древнего Узунларского вала по ошибке попала наибольшая цифра из этого перечня [16, с. 133-135]. На самом деле даже упомянутые 360 стадий - около 70 км - хорошо соотносятся с расстоянием от берега Каркинитского залива у Перекопского рва до Чонгарского пролива. При этом район Узунларского вала у Страбона тоже назван Перешейком: «Если плыть до Танаида по левой стороне Меотиды, на этом пути вдоль берега находится и перешеек» (Strabo, VII, 4, 5). Так как судоходство по Сивашу до Перекопа невозможно, в тексте Страбона явно указан перешеек Керченского полуострова. Очевидно, что путаница двух перешейков [2, с. 102-103] и породила проблему завышенной длины стены Асандра.

Еще одной гипотезой, объясняющей указанное противоречие, является предположение В.Г. Зубарева, согласно которому под стеной Асандра, отгородившей от кочевников «перешеек у Меотиды», античная традиция подразумевала не только Узунларский вал, но и два фланговых прикрытия: на севере - от Тафра или Паросты (Ново-Отраденское городище) до Гераклия (городище Генеральское-Восточное), а на юге - от Сатархи (городище на горе Атаманской) до Киммерия (городище на горе Опук) [2, с. 283-284]. С одной стороны, данная гипотеза объясняет, каким образом предотвращались нападения варваров в зимний период, когда к территории Боспорского царства на Керченском полуострове можно было подступить по льду Азовского моря. Однако, с другой стороны, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Страбон говорит именно о стене, отсутствующей на флангах. Впрочем, можно отметить, что и на Узунларском вале, кроме отдельных участков, возможно возведенных ранее времени Асандра [5, с. 211], никакой сплошной стены также выявлено не было.

Тем не менее результаты археологических разведок, проведенных авторами в урочище Аджиэль в 2018 г., косвенно подтверждают гипотезу о наличии в системе обороны западных рубежей Европейского Боспора во времена Асандра хорошо укрепленных флангов. При этом последние, как представляется, состояли не только из хорошо укрепленных городищ, но и из сложной системы оповещения о грозящей опасности. На это прямо указывает обнаруженный в ходе археологической разведки новый памятник.

Выявленный объект расположен на северо-восточном склоне Аджиэльской балки в 1,1 км на юго-запад (145°) от современного с. Белинское Ленинского района Республики Крым. Площадь поселения фиксируется по распространению археологического материала и, судя по предварительным данным, составляет 1,94 га.

Границы территории объекта определены на основании «Методики определения границ территорий объектов археологического наследия», утвержденной письмом Министерства культуры Российской Федерации от 27.01.2012 г. № 12-01-39/05-АБ, на основании изучения рельефа местности, зоны распространения подъемного археологического материала и наличия культурного слоя, выявленного в ходе проведения работ по шурфовке.

Башня круглой формы располагалась на платообразной поверхности выступающего в сторону Аджиэльской балки мыса и на его резко обрывающихся в балку юго-западном, южном и юго-восточном склонах. Перепад высот в направлении северо-восток - юго-запад составляет порядка 20 м. Северная граница памятника ограничена собственно относительно ровной поверхностью выступающего мыса. Западный участок северной границы объекта проходит по западному склону данного мыса. Подобным образом обозначены и северо-восточная и восточная границы памятника. Здесь она также проходит по склону мыса, который круто обрывается в восточном, юго-восточном и южном направлениях. Западная и южная границы объекта, которые фактически проходят по склонам Аджиэльской балки с большим перепадом высот, были определены по зоне распространения на современной дневной поверхности подъемного археологического материала. Проведение визуального осмотра местности выявило, что на этих пограничных линиях заканчивается повсеместное распространение керамического материала (фрагментов амфор I в. до н.э. - II в. н.э.). При этом отдельные выходы скальной поверхности природного характера на указанном склоне сохранили слабо выраженные следы подтеса камней. Большая же часть поверхности памятника сильно задернована и покрыта травяной растительностью. Часть выявленной площади объекта занимал зольник, следы которого на площади около 0,44 га были зафиксированы ниже по склону. Здесь золистые слои местами практически выходят на дневную поверхность. Мощность слоя - 0,8-0,9 м. На этом же участке культурный слой частично нарушен поздними траншеями под водовод, которые подходят к краю платообразной поверхности мыса, стыкуясь друг с другом почти под прямым углом. Одна из них засыпана, имеет направление юго-запад - северо-восток, другая, с заплывшими и обваленными краями, хотя, по-видимому, специально не засыпалась, имеет направление северо-запад - юго-восток. Здесь же, на южном склоне

мыса, к последней траншее подходит еще одна Т-образная траншея с обваленными краями.

Подъемный материал, равномерно распространенный по всей площади выявленного поселения, и находки из шурфов представлены несколькими категориями артефактов. К первой категории можно отнести фрагменты транспортной тары (амфор) и столовых сосудов, в основном I в. до н. э. - II в. н.э. Ко второй относятся фрагменты лепной керамики античной эпохи. К третьей категории - мелкие фрагменты костей животных и створок раковин мидий, зафиксированных в местах выхода зольника на дневную поверхность. Ранее данный памятник не упоминался в литературе и в архивных материалах.

Судя по расположению объекта, он мог являться особым укрепленным том - сторожевой башней, относящейся к оборонительной системе, существовавшей в период функционирования аналогичных сооружений на Узунларском валу в I в. до н.э. Однако выявленная башня располагается несколько в стороне, в 1,7 км в западном направлении от подобного объекта на валу. Очевидно, что, обеспечивая фланговое прикрытие с севера, обнаруженное новое фортификационное сооружение, неразрывно связанное с Узунларским валом и его укрепленными флангами, являлось важнейшим звеном обороны западных рубежей Боспора. При этом вместе с фланговым прикрытием вся эта система вполне может соответствовать длине укрепленной границы, упомянутой Страбоном. Главной задачей ее гарнизона, как справедливо считает А.А. Масленников касательно подобных объектов [5, с. 211], была не столько организация защитного рубежа, сколько своевременная подача соответствующих сигналов и обеспечение связи. Исходя из этого, можно предположить, что сторожевые сигнальные башни, прикрывающие северный фланг Узунларского вала, скорее всего, были сориентированы на один из главных проездов в этой линии обороны и древнюю дорогу, которая шла отсюда на Тарону и далее, возможно к Пантикапею [2, с. 282-283].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Древние укрепления Северного Крыма (по данным античных письменных источников) // ВДИ. - 1986. - № 2. - С. 145-156.
2. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. - М.: Языки славянской культуры, 2005. - 504 с.
3. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. - первая половина VI в.). - Киев: НАН Украины, 1998. - 200 с.
4. Карышковский П.О., Фролова Н.А. К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. - Кишинев: Штиинца, 1990. - С. 89-100.
5. Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. - М.; Тула: Гриф и К, 2003. - 280 с.
6. Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены (Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху). - М.: Индрик, 1998. - 299 с.
7. Ростовцев М.И. Цезарь и Херсонес // Известия археологической комиссии. - СПб., 1917. - Вып. 63. - С. 1-21.
8. Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // Советская археология. - 1990. - № 3. - С. 204-214.
9. Сапрыкин С.Ю. Аспург, царь Боспора // Древности Боспора. - 2002. - Т. 5. - С. 207-223.
10. Сапрыкин С.Ю. Новая митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. - 2006. - № 2. - С. 79-96.
11. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. - середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки истории и археологии Боспора. - М.: Наука, 1992. - С. 187-246.
12. Храпунов И.Н. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Крыма. - Симферополь, 2003. - Вып. X. - С. 38-39.
13. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. - Симферополь; Керчь, 2004. - Вып. VI. - С. 1-240.
14. Шкорпил В.В., Ростовцев М.И. Эпиграмма из Эль-Тегеня // Известия археологической комиссии. - СПб., 1910. - № 37. - С. 14-22.
15. Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. - М.: Ин-т всеобщей истории, 1990. - С. 128-215.

16. Ярцев С.В., Барсукова Е.Е. Термин «τάφος» в письменной традиции и современные археологические реалии // Кондаковские чтения - II. Проблемы культурно-исторических эпох. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. - С.133-144.
17. Flaser P., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names. V.I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. - Oxford: Clarendon Press, 1987. - 489 p.

REFERENCES

1. Vdovichenko I.I., Koltuhov S.G. Drevnie ukrepleniya Severnogo Kryma (po dannym antichnyh pis'mennyh istochnikov). VDI. 1986. No. 2. pp. 145-156.
2. Zubarev V.G. Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoj pis'mennoj tradicii. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 504 p.
3. Zubar' V.M. Severnyj Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n.eh. — pervaya polovina VI v.). Kiev: NAN Ukrainy, 1998. 200 p.
4. Karyshkovskij P.O., Frolova N.A. K istorii pravleniya Asandra na Bospore. Numizmaticheskie issledovaniya po istorii Yugo-Vostochnoj Evropy. Kishinev: SHTiincea, 1990. pp. 89-100.
5. Maslennikov A.A. Drevnie zemlyanye pogranichno-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma. M.; Tula: Grif i K, 2003. 280p.
6. Maslennikov A.A. EHllinskaya hora na krayu ojkumeny (Sel'skaya territoriya evropejskogo Bospora v antichnuyu ehporu). M.: Indrik, 1998. 299 p.
7. Rostovcev M.I. Cezar' i Hersones . Izvestiya arheologicheskoy komissii. SPb., 1917. Vyp. 63. pp. 1-21.
8. Saprykin S.Yu. Unikal'nyj stater bosporskoj caricy Dinamii. Sovetskaya arheologiya. 1990. No. 3. pp. 204-214.
9. Saprykin S.Yu. Aspurg, car' Bospora . Drevnosti Bospora. 2002. T. 5. pp. 207-223.
10. Saprykin S.Yu. Novaya mitridatovskaya katojkiya na Bospore. VDI. 2006. No. 2. pp. 79-96.
11. Frolova N.A. Monetnoe delo Bospora VI v. do n.eh. - serediny IV v. n.eh. v svete novyh issledovanij. Ocherki istorii i arheologii Bospora. M.: Nauka, 1992. pp. 187-246.
12. Hrapunov I.N. Sarmatizaciya predgornogo Kryma (do serediny III v.n.eh.). Materialy po arheologii, istorii i ehtnografii Kryma. Simferopol', 2003. Vyp. X. pp. 38-39.
13. Hrapunov I.N. EHtnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke. Bosporskie issledovaniya. Simferopol'; Kerch', 2004. Vyp. VI. pp. 1-240.
14. Shkorpil V.V., Rostovcev M.I. EHpigrama iz EHl'-. Izvestiya arheologicheskoy komissii. SPb, 1910. No. 37. pp. 14-22.
15. Yajlenko V.P. Dinasticheskaya istoriya Bospora ot Mitridata Evpatora do Kotisa I. EHpigraficheskie pamyatniki i yazyki drevnej Anatolii, Kipra i antichnogo Severnogo Prichernomor'ya. M.: In-t vseobshchej istorii, 1990. pp. 128-215.
16. Yarcev S.V., Barsukova E.E. Termin «τάφος» в pis'mennoj tradicii i sovremennye arheologicheskie realii. Kondakovskie chteniya II. Problemy kul'turno-istoricheskikh ehpor. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2008. pp. 133-144.
17. Flaser P., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names. V. I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxford: Clarendon Press, 1987. 489 p.

Информация об авторах:

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия
s-yartsev@yandex.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия
parosta@mail.ru

Information about the authors:

Sergey V. Yartsev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
s-yartsev@yandex.ru

Viktor G. Zubarev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
parosta@mail.ru

Смекалов Сергей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Учебно-научная лаборатория «Палата древностей», Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия
sismek@mail.ru

Получена : 03.10.218

Sergey L. Smekalov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Educational-Scientific Laboratory "Chamber of Antiquities", Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,

Tula, Russia
sismek@mail.ru

Received: 03.10.218

***Социологические
и гуманитарные науки.***
Исторический, социологический и
психологический аспекты

***Sociological
and Humanities Sciences.***
Historical, Sociological and Psychological Aspects

УДК 81.272; 392.81

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-35-42

АНДРЕЕВА Людмила Анатольевна
Гуманитарный институт
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
churajevo@list.ru

Liudmila A. ANDREEVA
Humanitarian Institute
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
churajevo@list.ru

ФИЛИМОНОВА Наталья Владимировна
Гуманитарный институт
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
nota1606@mail.ru

Natalia V. FILIMONOVA
Humanitarian Institute
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

ХОПИЯЙНЕН Ольга Анатольевна
Гуманитарный институт
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
o_hopiaynen@ugrasu.ru

Olga A. HOPIAYNEN
Humanitarian Institute
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
o_hopiaynen@ugrasu.ru

МОЛДАНОВА Татьяна Александровна
Юридический институт
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
moldanowatatjana@yandex.ru

Tatiana A. MOLDANOVA
Law Institute
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
moldanowatatjana@yandex.ru

АККУЛЬТУРАЦИЯ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ

ACCULTURATION IN THE NATIONAL KITCHEN SPHERE

В современном мире в условиях глобализации актуализируются процессы расширения взаимосвязей и взаимовлияния различных стран, народов и их культур, что приводит к соприкосновению отдельных аутентичных элементов с использованием стратегий освоения или интеграции в пределах отдельного территориального образования. В статье раскрываются теоретические предпосылки взаимодействия национальных пищевых традиций в этноконтактном регионе, описываются аккультурационные стратегии и результаты аккультурационных ориентаций в пределах Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, выявляются свидетельства трансформации элементов национальных пищевых культур в процессе этнической консолидации. Целью данного исследования является установление и описание фактов трансформации культурных элементов в процессе аккультурации народов, населяющих Ханты-Мансийский автономный округ - Югру, в сфере взаимодействия национальных кулинарных традиций. В статье представлены общие результаты эмпирического исследования национальных гастрономических практик региона, выполненного авторами в 2017-2018 гг. Исследование опирается на материалы, полученные эмпирическим путем с помощью анкетирования и стандартизированного тематического интервьюирования (опроса) представителей народов, проживающих в настоящее время в округе. В условиях включения в другую культуру представители народов Югры стремятся со-

Acculturation is a process of interaction of cultures through which representatives from one culture adopt norms, values, practices and traditions of another culture. It comprises all spheres of human life including national cuisine that is an integral part of everyday and festive life, and one of the most important elements of national culture that determines ethnic identity. The process of national cuisine acculturation is more active in multicultural regions. Therefore, the study was conducted in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra, inhabited by more than 120 ethnic groups. The article discusses the cultural changes occurring in ethnic groups as a result of the development of migration in society; an attempt is made to identify trends in acculturation of the peoples inhabiting multi-ethnic Yugra region. The purpose of this research is to establish and describe the facts of transformations in the national cuisines during the process of acculturation. The article presents the general results of an empirical study carried out by the authors in 2017-2018. Data collection was conducted by using methods of observation, interview, and questionnaire. As a result, over 500 questionnaires and 40 hour interview was gathered and analyzed. Based on the traditional conception of acculturation strategies and analyses of empirical data the following tendencies in acculturation could be distinguished: 1) 28% of respondents demonstrate a tendency to assimilation striving for adjustment and relationship development with the new culture; 2) the majority of respondents (58%) show a tendency towards integration, in which an individual seeks to preserve the main elements of the national cuisine, but at the same time accepts elements of a new culture; 3) 14% of respondents show the tendency to

хранить свою культурную идентичность, но при этом заимствуют продукты новой культуры, достигая большей или меньшей степени совместимости с чужой средой.

separation, they are against changes in their diet and composition of traditional dishes. Generally speaking, the research into national cuisine in Yugra reveals a pronounced tendency of ethnic groups to maintain their original culture and preserve their cultural identity, but at the same time, adopt elements of other, as a rule, majority culture.

Ключевые слова: аккультурация, национальная кухня, межкультурная коммуникация, идентичность, трансформация, ассимиляция, сепарация, интеграция

Key words: acculturation, national cuisine, cross-cultural communication, identity, transformation, assimilation, separation, integration

Для цитирования: Андреева Л. А., Филимонова Н.В., Хопияйнен О.А., Молданова Т.А. Аккультурация в сфере национальной кухни. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 35-42.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-35-42.

For citation: Andreeva L.A., Filimonova N.V., Hopiaynen O.A., Moldanova T.A. Acculturation in the national kitchen sphere. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 35-42.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-35-42.
(in Russ)

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ № 17-13-86004 и Правительства ХМАО-Югры №07/18.0395 «Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности в диалоге культур народов Югры».

Acknowledgement. The project is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No. 17-13-86004 and the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra No.07/18.0395 "National Cuisine as a Fragment of Ethnic Identity in Cultural Interaction of Yugra peoples".

В современном мире, в постоянно меняющихся под воздействием глобализации условиях, актуализируются процессы расширения взаимовлияния различных стран и народов. В процесс взаимодействия культур, в ходе которого представители одной общности перенимают нормы, ценности и традиции другой, - аккультурацию - включаются все сферы деятельности человека, в том числе и питание, которое выступает составной частью повседневной, праздничной жизни и важнейшим элементом национальной культуры, определяющим этническую идентификацию. Знакомство с новой культурой начинается с приобщения к ее кулинарным привычкам, которое при длительном контакте углубляется с возможностью частичной или полной трансформации.

В процессе межкультурного взаимодействия обнаруживается и ярко проявляется самобытность участников такого процесса: человек, с одной стороны, стремится сохранить свою культурную идентичность, с другой - заимствует продукты новой культуры, достигая при этом большей или меньшей степени совместимости с чужой средой. В этом проявляется сущность аккультурации как двустороннего процесса.

Аккультурация как явление нашла отражение в работах по многим отраслям науки. Исследования последних лет затрагивают разные аспекты аккультурации, например с точки зрения психологии [1], социологии [2; 3; 4]; изучается аккультурация в межконфессиональном взаимодействии [5], в области правоведения [6], многочисленные статьи посвящены изучению аккультурации мигрантов и иммигрантов [например, 7], однако мало работ, отражающих аккультурацию в сфере традиционной культуры, в частности национальной кухни. Тем не менее исследователи пытаются определить универсальные подходы для изучения постоянно меняющихся вкусов людей, стараясь выяснить, что влияет на тот или иной выбор. Специфика изменения элементов национального питания в новых культурных условиях описана в работах Н.С. Марушкиной [8], З.А. Махмутова, Г.Ш. Файзулиной [9] и др.

Несмотря на то, что область традиционного питания является одной из устойчивых сфер культуры, взаимопроникновение и взаимовлияние национальных кулинарных традиций особенно активно проявляется в условиях тесного контакта народов друг с дру-

гом. В этом отношении Ханты-Мансийский автономный округ - Югра является одним из примечательных регионов, так как полиэтничность и переплетение культур - это важная особенность автономного округа, которая исторически является родиной ханты, манси, частично ненцев. Основой жизнедеятельности коренного населения являлись охота и рыболовство, частично оленеводство. В XIII-XIV вв. южные группы хантов и манси испытывали культурное и политическое влияние сибирских татар. С конца XVI в. на территории Югры появляются первые русские укрепленные поселения, и постепенно она входит в состав Российского государства. На начальных этапах колонизации края русское население преимущественно было представлено служилыми людьми (казаками). К началу XIX в. русское население продолжало оставаться немногочисленным, при этом гражданское население уступало по численности казачеству. Во второй половине XIX в. фиксируется массовое переселение на территорию Югры оленеводов коми, выходцев с р. Ижмы. С 1930 г. со всей страны на Север высылаются «спецпереселенцы» (русские и другие народы). В годы Отечественной войны в округ были депортированы немцы и калмыки. После открытия газовых и нефтяных месторождений и с началом их промышленной эксплуатации в округ начинают приезжать рабочие и специалисты нефтяной сферы со всего Союза.

В последующие годы миграция на территорию Югры продолжалась, и в настоящее время этнический состав округа стал весьма разнообразным. Здесь проживают представители более 120 национальностей. По данным переписи 2010 года, в национальном составе населения округа преобладают русские, украинцы, татары, башкиры, азербайджанцы, белорусы, ханты [10].

Целью данного исследования является установление и описание фактов трансформации культурных элементов в процессе аккультурации народов, населяющих Ханты-Мансийский автономный округ - Югру, в сфере взаимодействия национальных кулинарных традиций.

В статье представлены общие результаты эмпирического исследования национальных гастрономических практик региона, которое было выполнено авторами в 2017-2018 гг. Исследование характеризуется выборочным характером и опирается на материалы, полученные эмпирическим путем с помощью методов первичного сбора информации - анкетирования и стандартизированного тематического интервьюирования (опроса) представителей народов, проживающих в настоящее время в округе.

Опрос проводился в форме устных интервью, письменных анкет и интернет-опроса, информация о проведении которого вместе со ссылкой на его прохождение была размещена в различных городских сообществах и группах социальной сети «В контакте». Было опрошено 650 респондентов, дифференцированных по принадлежности к различным национальностям. В результате сбора эмпирического материала было получено свыше 500 анкет и интервью общей продолжительностью 40 часов. Полученный исследовательский материал позволяет сделать выводы как об общих, так и о конкретных случаях аккультурационных явлений в пищевой культуре мигрантов.

Основой для осмысления материала исследования послужила теоретическая модель, согласно которой анализ повседневных практик питания народов, населяющих Ханты-Мансийский автономный округ, предполагает рассмотрение еды как факта пищевой культуры. Теоретическая концепция исследования предполагала рассмотрение нескольких аспектов, послуживших основой для составления опросного документа: социального контекста, содержания еды, определения этнических паттернов.

Социальный контекст и социальная организация питания связаны с определением демографических и социально-экономических характеристик респондентов, отношением к еде в различных контекстах, а также выяснением обстоятельств приготовления пищи в различных условиях с распределением социальных ролей. Композиция основных ингредиентов, правила, определяющие отбор продуктов, принципы их обработки и сочетания, семантика необходимого сырья и операций с ним раскрывают содержание пищевых практик народов определенной национальности.

Определение этнических паттернов основывается на гастрономической рефлексии респондентов, призванной определить степень самоидентификации респондента в опре-

деленной пищевой культуре. Этот процесс связан с выяснением представлений информантов о собственной национальной еде (повседневной, праздничной, обрядовой), знаний специфики ее приготовления, сочетаемости продуктов, названий блюд, традиций употребления.

Отличительным признаком и важной частью национального самосознания жителей этноконтактного региона является пища как элемент материальной культуры. Как известно, в процессе включения в иную культуру происходит неизбежное изменение условий применения пищевых традиций, эволюция, исчезновение традиционных гастрономических элементов или включение инноваций.

В целях выяснения констатации или отрицания фактов влияния на сферу традиционного питания других культур в опросник были включены следующие вопросы: *Какие новые блюда / напитки Вы стали готовить после переезда в округ? Какие блюда / напитки поменялись на праздничном столе после переезда в округ? Какие блюда / напитки Вы начали готовить / переняли у других национальностей?*

Анализ полевых материалов показал, что в современной системе питания коренных народов Югры (ханты и манси) этнические пищевые традиции сохраняются как в повседневности, так и в празднично-обрядовом контексте. Важнейшее место занимают рыба и мясо, что в свою очередь связано с природными ресурсами края и хозяйственной деятельностью народов. Некоторые информанты-ханты сетуют, что после переезда в город стали меньше готовить традиционные рыбные блюда из-за нехватки свежей рыбы. Представители более молодого поколения (студенты) отмечают, что готовят «современные блюда», а не традиционные. Стабильность в пищевой культуре, приверженность национальным гастрономическим традициям оказала непосредственное влияние на пищевые предпочтения приезжего населения.

В соответствии с ответами информантов можно прийти к выводу, что трансформационные процессы затрагивают сферу предпочтений в выборе ингредиентов для приготовления основных блюд в соответствии с ресурсной обеспеченностью региона. У представителей всех национальностей наблюдается тенденция к частоте приготовления рыбных блюд, таких как уха, пироги из щуки, стерляди, муксуна; рыбные расстегаи; хе и котлеты из щуки; блюда из стерляди, нельмы; карась или лещ запеченный с начинкой; щука в кляре; котлеты, пельмени, манты с рыбой. Представители народов Азербайджана, Дагестана, Казахстана, Киргизии, Украины, чья кухня традиционно отличается обилием мясных блюд, отмечают тенденцию отказа от мясных блюд в пользу рыбных, например: *«...полюбили северную рыбу, и в сыром (подсоленном) виде, и в пирогах, люблю запекать стерлядь в духовке, очень полюбили муксуна малосоленного, но северной рыбы (муксун, нельма, стерлядь) практически не стало, поэтому она перешла в разряд деликатеса».*

При описании рыбных блюд большинство анкетированных, как правило, характеризуют их как «местные / северные / блюда ХМАО», не связывая способ их приготовления с пищевыми традициями коренного населения ханты и манси. Исключение составляет блюдо, которое опрашиваемые называют щука по-остяцки, или щука по-хантыйски.

Традиции сыроядения (замороженная рыба и мясо), характерные для коренных народов, перенимаются и другими группами населения, проживающими в округе. «Строганина» и «малосолка» из муксуна считается деликатесом и предпочтительным атрибутом праздничного стола жителей округа.

Сбор и использование дикоросов является традиционным видом деятельности ханты и манси, который переняли многие народы, проживающие в округе. Использование в пищу местных продуктов (дичь, ягоды, грибы, орехи) не воспринимается информантами как чуждое для их пищевой традиции, а причисляется участниками опроса к фактам гастрономической повседневности. Так, например, в настоящее время население широко использует местные ягоды (черемуха, морошка, голубика, черника, красная и черная смородина, брусника, клюква) для приготовления пирогов, вареников и напитков (клюквенный морс, компот из смеси различных ягод). Информантка татарской национальности сообщает: *«Пирог брусничный открытый здесь научились делать. Мы же бруснику не знали. ... Бруснику мы на большую землю везем как гостинцы, приглашаем гостей и печем пи-*

пирог брусничный, представляя его как "наш местный пирог". Так у нас и называют: «сургутский пирог». Представители всех национальностей отмечают, что в их ежедневный и праздничный рацион добавились блюда с грибами: *пироги из грибов и картошки; картошка с грибами, грибной суп, ленивые грибные вареники из картофельного теста (украинцы), жаркое с грибами, грибные шаньги*. При этом многие респонденты причисляют блюда с добавлением грибов к русской пищевой традиции и считают их кулинарной «визитной карточкой» русских.

Важным трансформационным показателем, обнаружившимся при анализе ответов респондентов на вопрос о том, что изменилось в пищевом рационе после переезда в округ, является факт осознанной замены определенных ингредиентов для приготовления блюд, ранее считавшихся традиционными. Так, например, для приготовления плова или бешбармака представителями Киргизии, Башкирии, Татарстана вместо говядины используется оленина или конина. Анализ полевого материала, проведенного в этноконтактном поселке Саранпауль, показал, что все опрошенные предпочитают оленье мясо в замороженном виде и считают это лакомством, особо выделяя печень и сердце оленя для употребления в пищу: «Если знаем, что к нам придут гости, то обязательно мороженная печень, это у нас, так скажем, деликатес», «(сырые) печень, сердце - деликатес, на праздники». Следует заметить, что никакое иное мясо в таком виде жителями поселка не употребляется.

Представители марийского национального сообщества в своих ответах также отмечают замену традиционного гастрономического компонента (гусятины) на мясо оленя для приготовления *пирога на Пасху*. Украинцы используют для варки холодца вместо свиных ножек голени оленя.

Русские и иные приезжие этнические группы, в отличие от коренных народов, не в полной мере употребляют водоплавающую и боровую дичь. Редкие информанты отмечают, что после переезда в округ начали готовить блюда из дичи (*утка в разном виде, шашлык из утки* и т.д.).

Заметным признаком, оказывающим влияние на содержание пищевой культуры определенных народностей, является смена статусности блюд. Блюда, ранее имевшие ритуальное значение, теряют свою модальность и становятся атрибутами праздничного стола, пищей выходного дня или повседневности. Иллюстрацией подобной трансформации является переход такого блюда, как *шашлык*, у многих народов Кавказа из ритуального в разряд праздничного. А в связи с доступностью традиционной кухни в национальных ресторанах городов это блюдо становится также и атрибутом повседневности. Традиционное обрядовое блюдо марийской кухни *блины* появляется на столе в настоящий момент, по словам марийских информантов, не только во время молений, свадебных и поминальных обрядов, но и в качестве приятной семейной традиции выходного дня.

Анализ эмпирического материала выявил любопытную деталь: некоторые информанты не могут идентифицировать себя с определенной национальной кухней. Группа опрашиваемых, испытывающая подобные сложности, как правило, состоит в так называемом «смешанном браке», когда супруги принадлежат к разным национальностям и находятся в условиях усиленного культурного взаимодействия. «У нас национальные кухни разных народов перемешались: в основном готовит жена, все, что захочет, наши национальные блюда теперь только на праздники», - замечает участник опроса и подтверждает своим ответом тенденцию к естественному переплетению пищевых традиций разных национальностей без агрессивного навязывания или вмешательства.

В отдельных случаях ответы информантов демонстрируют ситуации, когда происходит стирание границ при отнесении блюд к определенной национальной кухне: украинцы, чьи культурные и пищевые константы имеют много общего, не проводят четких границ при идентификации своих собственных блюд и блюд русской кухни, называя некоторое количество абсолютно идентичных компонентов. Блюда народов Кавказа объединяет схожесть ингредиентов и техник выполнения, что является причиной отнесения их к обобщенной абстрактной характеристике - «кавказская кухня».

В результате проведенного опроса среди представителей различных национальностей Ханты-Мансийского автономного округа - Югры с учетом вышеуказанных аспектов было установлено, что пищевая культура каждого народа многоаспектна и включает в себя компоненты, образующие определенные уровни. Первый уровень, наиболее устойчивый и постоянный, связан с раскрытием этнической идентичности и наиболее ярко передает аутентичность кухни определенной национальности. Второй уровень пищевой культуры характеризуется комбинаторикой пищевых вкусов, привычек, смешением пищевых традиций различных национальностей, духом новаторства и импровизации, а также простой имитацией. Третий уровень связан со стандартизацией и унификацией в пищевой культуре, а именно с ситуацией, когда происходит отказ от традиционных стандартов национальных кухонь в пользу продуктов, удовлетворяющих потребителей повсеместно. Увлечение «быстрой едой» - фастфудом наблюдается у представителей всех национальностей, в особенности молодого поколения.

В условиях включения в другую культуру представители народов Югры стремятся сохранить свою культурную идентичность, но при этом заимствуют продукты новой культуры, достигая большей или меньшей степени совместимости с чужой средой. Модели взаимодействия с чужой культурой традиционно называются аккультурационными стратегиями и разделяются на ассимиляцию, интеграцию, сепарацию и маргинализацию [7]. В рамках данного исследования на основании ответов респондентов представляется возможным выделить некоторые характеристики указанных стратегий, сделать предположения относительно выделенных смысловых элементов и обозначить ту или иную модель поведения в сфере взаимодействия с другой пищевой культурой как тенденцию, содержащую в себе относительно стабильные дифференциальные признаки.

Среди представителей народов Югры четко прослеживаются следующие тенденции аккультурации:

1) у 28% информантов наблюдается тенденция к ассимиляции: *«блюда национальной кухни совсем перестали готовить», «перешли на русскую кухню»*, то есть наблюдается потеря прежней этнической идентичности и происходит идентификация с новой культурой, одной из причин которой является, по свидетельству информантов, снижение контактов со своей этнической группой: *«на праздники готовлю универсальные блюда, наши национальные праздники здесь не отмечаю, так как живу с людьми не своей национальности»*;

2) у большей части опрошенных (58%) наблюдается тенденция к интеграции, при котором индивид стремится сохранить основные элементы национальной кухни, но при этом принимает элементы новой культуры. Среди информантов выделяются те, кто в основном готовит блюда национальной кухни (*«в основном готовим традиционные для нас блюда, но все же добавляются блюда других национальностей»*); а также те, у которых блюда национальной кухни составляют неосновной рацион (*«сейчас реже готовим национальные блюда, но стараемся сохранить традиции»*; *«добавились новые местные блюда, но блюда своей кухни сохраняются на праздничном столе или в выходные»*); респонденты, кто сочетает в своем пищевом поведении элементы многих культур: *«у нас многонациональный стол: готовим и русские, и ингушские, и аварские блюда»* (муж - аварец, жена - ингушка). Иллюстрирует описанные выше ситуации расширенный ответ З.Х. Татриевой: *«учитывая все факторы повседневной жизни, смены обстановки, конечно же, меняется быт человека, но неизменными остаются традиции, и я в том числе стараюсь соблюдать их, учить своих детей, независимо где бы они ни проживали, не забывать традиции народа, представителями которого они являются. В то же время уважать традиции и быт народов, с которыми они живут и общаются»*;

3) у 14% опрошенных наблюдается тенденция к сепарации, они выступают против изменений в рационе питания и составе традиционных блюд: *«после переезда в округ ничего не изменилось и ничего не хочу менять, употребляем только традиционные блюда»*; *«у нас даже хлеб после переезда остался домашний»*, *«моя национальная кухня обширная и никакую другую я видеть на столе не хочу»*; *«моя жена готовит только национальные блюда, я не должен есть всякое там универсальное»*. Одним из факторов сохранения

национальной кухни и традиций некоторые информанты отмечают свое этническое окружение: «на праздничном столе ничего не поменялось, отмечаем, как и раньше, так как отмечаем в кругу родственников и друзей».

Итак, в рамках данной статьи были рассмотрены свидетельства трансформации элементов национальных пищевых культур представителей отдельного территориального образования. Конкретизация трансформаций в питании имеет важное значение для расширения представлений о культурном многообразии и специфике общей пищевой культуры этноконтактного региона - Ханты-Мансийского автономного округа - Югры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Demes K.A., Geeraert N. Measures matter: scales for adaptation, cultural distance, and acculturation orientation revisited // Journal of cross-cultural psychology. - 2014. - Vol. 45 (1). - Pp. 91-109. Doi: 10.1177/0022022113487590
2. Лепшкова З.Х., Лебедева Н.М. Воспринимаемая дискриминация и аккультурация русских на Северном Кавказе (несовместимость этнической и региональной идентичностей) // Общественные науки и современность. - 2016. - № 6. - С. 125-138.
3. Васильев Д.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. / Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский. // Вопросы истории. - 2018. - № 3. - С. 151-165.
4. Leong C.H. Social markers of acculturation: a new research framework on intercultural adaptation // International journal of intercultural relations. - 2014. - Vol. 38 (1). - Pp. 120-132. Doi: 10.1016/j.ijintrel.2013.08.006
5. Насонов А.А. Аккультурация в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (XVIII - начало XX века) // Научный диалог. - 2016. - №12 (60). - С. 278-289.
6. Сокольская Л.В. Механизм правовой аккультурации // Журнал Российского ва. - 2015. - № 2 (218). - С. 25-34.
7. Berry J.W., Hou F. Immigrant acculturation and wellbeing in Canada // Canadian gy. - 2016. - Vol. 57 (4). - Pp. 254-264. Doi: 10.1037/cap0000064
8. Марушкина Н.С. Национальная кухня в условиях межкультурного диалога // Научный поиск. - 2014. - № 2.6. - С. 26-28.
9. Махмутов З.А., Файзуллина Г.Ш. Современная национальная кухня татар Казахстана: функции, специфика и трансформация // Гуманитарные науки в Сибири. - 2014. - № 2. - С. 55-59.
10. Население Ханты-Мансийского автономного округа - Югры [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Ханты-Мансийского_автономного_округа_—_Югры (дата обращения: 24.09.2018).

REFERENCES

1. Demes K.A., Geeraert N. Measures matter: scales for adaptation, cultural distance, and acculturation orientation revisited. Journal of cross-cultural psychology. 2014. No. 45 (1). Pp. 91-109. Doi: 10.1177/0022022113487590 (in English)
2. Lepshokova Z.Kh., Lebedeva N.M. Vosprinimaemaya diskriminaciya i akkul'turaciya russkih na Severnom Kavkaze (nesovmestimost' ehnicheskoy i regional'noj identichnostej) [Perceived discrimination and acculturation of Russians in the North Caucasus (incompatibility of ethnic and regional identities)]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity. 2016. No. 6. Pp. 125-138 (In Russ.).
3. Vasiliev D.V., Lyubichankovsky S.V. Kazahi i russkie: bytovaya akkul'turaciya v XIX v. [Kazakhs and Russians: household acculturation in the 19th century]. Voprosy istorii = Questions of history. 2018. No. 3. Pp. 151-165 (In Russ.).
4. Leong C.H. Social markers of acculturation: a new research framework on intercultural adaptation. International journal of intercultural relations. 2014. No. 38 (1). Pp. 120-132. Doi: 10.1016/j.ijintrel.2013.08.006 (in English)
5. Nasonov A.A. Akkul'turaciya v mezhkonfessional'nom vzaimodejstvii na yuge Zapadnoj Sibiri (XVIII - nachalo XX veka). [Acculturation in interfaith interaction in the south of Western Siberia (XVIII - early XX century)]. Nauchnyj dialog = Scientific dialogue. 2016. No. 12 (60). Pp. 278-289 (In Russ.).

6. Sokolskaya L.V. Mekhanizm pravovoj akkul'turacii [The mechanism of legal acculturation]. *Zhurnal Rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2015. No. 2 (218). Pp. 25-34 (In Russ.).
7. Berry J.W., Hou F. Immigrant acculturation and wellbeing in Canada. *Canadian Psychology*. 2016. No. 57 (4). Pp. 254-264. Doi: 10.1037/cap0000064 (in English)
8. Marushkina N.S. Nacional'naya kuhnya v usloviyah mezhkul'turnogo dialoga [National cuisine in the context of intercultural dialogue]. *Nauchnyj poisk = Scientific search*. 2014. No.2.6. Pp. 26-28 (In Russ.).
9. Makhmutov Z.A., Faizullina G.Sh. Sovremennaya nacional'naya kuhnya tatar Kazakhstana: funkcii, specifika i transformaciya. [Modern national cuisine of Tatars of Kazakhstan: functions, specificity and transformation]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. 2014. No. 2. Pp. 55-59 (In Russ.).
10. Naselenie Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry [Population of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Ханты-Мансийского_автономного_округа_—_Югры (accessed 24.09.2018).

Информация об авторах:

Андреева Людмила Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия
churajevo@list.ru

Филимонова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия
nota1606@mail.ru

Хопияйнен Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия
o_hopaiynen@ugrasu.ru

Молданова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Юридический институт, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия
moldanowatatjana@yandex.ru

Получена: 24.09.2018

Information about the authors:

Liudmila A. Andreeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanitarian Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
churajevo@list.ru

Natalia V. Filimonova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanitarian Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

Olga A. Hopiaynen, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanitarian Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
o_hopaiynen@ugrasu.ru

Tatiana A. Moldanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Law Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
moldanowatatjana@yandex.ru

Received: 24.09.2018

УДК 930.85(111)+316.48:342.7: 37.035:172

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-43-53

БАРАНОВ Андрей Владимирович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
baranovandew@mail.ru

Andrey V. BARANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
baranovandew@mail.ru

ДОНЦОВА Мария Владимировна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
dontsova_79@list.ru

Maria V. DONTSOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
dontsova_79@list.ru

ЧИГРИН Виктор Александрович
Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского
г. Симферополь, Россия
sociochigrin@mail.ru

Victor A. CHIGRIN
Crimean Federal University named
after V.I. Vernadsky
Simferopol, Russia
sociochigrin@mail.ru

**ОРИЕНТАЦИИ И УСТАНОВКИ ВОСПРИЯТИЯ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖЬЮ КУБАНИ
И КРЫМА**

**ORIENTATIONS AND ATTITUDES OF THE
PERCEPTION OF INTER-ETHNIC AND
INTERCONFESSIONAL RELATIONS BY WORKING
YOUTH IN THE KUBAN AND THE CRIMEA**

Работа выявляет актуальную проблему общественного мнения молодёжи о межэтнических и межконфессиональных отношениях в поликультурных приграничных регионах России, подвергающихся повышенному воздействию трансграничных угроз информационной безопасности. Цель статьи – выявить сходства и различия ориентаций и установок восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодёжью Краснодарского края и Республики Крым. Исследование проведено на основе результатов анкетных социологических опросов, синхронно реализованных на Кубани и в Крыму (август – октябрь 2018 г.). Новизна статьи состоит в выборе её цели, предмета исследования и собранном эмпирическом материале. В итоге работы сделаны выводы о повышенной конфликтности межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений работающей молодёжи в Республике Крым, о преобладании социокультурного размежевания «славяне – крымские татары», во многом совпадающем с конфессиональным размежеванием. Этнические дистанции по шкале Е. Богардуса в Крыму носят отчетливо выраженный асимметричный характер. Ареал повышенной конфликтности установлен в Джанкойском районе и г. Симферополе с пригородами. Миграционные процессы и миграционная политика воспринимаются работающей молодёжью Крыма в качестве менее конфликтного и этнически маркированного процесса, чем молодёжью Кубани.

The article reveals the actual problem of young people's public opinion about interethnic and interfaith relations in multicultural border regions of Russia, which are exposed to the increased impact of cross-border threats to information security. The purpose of this article is to identify the similarities and differences in the orientations and attitudes of perception of interethnic and interfaith relations by the working youth of Krasnodar Region and the Republic of Crimea. The study was conducted on the basis of the results of questionnaire sociological surveys synchronously implemented in the Kuban and in the Crimea (August – October 2018). The novelty of the article lies in the choice of its purpose, the subject of the research and the collected empirical material. As a result of the work, conclusions were drawn about the increased conflictiveness of interethnic and interfaith mutual perceptions of working youth in the Republic of Crimea, about the predominance of socio-cultural delimitation "Slavs – Crimean Tatars", which largely coincides with confessional disengagement. Ethnic distances on the scale of E. Bogardus in the Crimea are clearly pronounced asymmetrical. The area of increased conflict is established in the Dzhankoy district and the city of Simferopol with suburbs. Migration processes and migration policies are perceived by the working youth of Crimea as a less controversial and ethnically marked process than the youth of Kuban.

Ключевые слова: межэтнические и межконфессиональные отношения, работающая молодёжь, ориентации и установки восприятия, Кубань, Крым

Key words: interethnic and interfaith relations, working youth, orientations and attitudes of perception, Kuban, Crimea

Для цитирования: Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью кубани и Крыма. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 43-53.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-43-53.

For citation: Baranov A.V., Dontsova M.V., Chigrin V.A. Orientations and attitudes of the perception of inter-ethnic and interconfessional relations by working youth in the kuban and the Crimea. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 43-53.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-43-53.
(in Russ)

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Acknowledgment. The study was carried out as part of the RFBR project No. 17-03-00802 "Conflict and Integration Factors for the Development of Human Potential in the South of Russia in the Context of New Geopolitical Challenges".

Введение

Актуальность статьи заключается в том, что она выявляет злободневную проблему общественного мнения молодёжи о межэтнических и межконфессиональных отношениях в поликультурных приграничных регионах России, подвергающихся повышенному воздействию трансграничных угроз информационной безопасности. Краснодарский край и Республика Крым являются стратегически важными регионами Российской Федерации, частью её Южного федерального округа, где задачи укрепления единства российской нации и российской идентичности стоят особенно остро. Молодёжь является той социально-демографической группой, которая проявляет повышенную чувствительность к межэтническим и межконфессиональным отношениям, вопросам социальной справедливости, но ещё не обладает достаточным самостоятельным опытом для компетентного выбора своей жизненной позиции.

Гипотеза исследования

Воссоединение Крыма с Россией, в том числе, выражается в сближении ориентаций и установок общественного мнения по социально значимым проблемам, в формировании на региональном уровне близкой «повестки дня» восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений. В то же время, продолжают действовать специфические для обоих сравниваемых регионов факторы «обусловленного пути» развития межэтнических и межконфессиональных отношений, различаются институты и процедуры государственной этнополитики, как и уровень доверия к ним. Работающая молодёжь в большей мере, чем учащаяся, вовлекается в практики повседневных межэтнических и межконфессиональных отношений, а референтные агенты социализации данной группы на деле могут транслировать как позитивные, так и негативные социальные установки действия.

Цель статьи – выявить сходства и различия ориентаций и установок восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодёжью Краснодарского края и Республики Крым. Исследование проведено на основе результатов анкетных социологических опросов, синхронно реализованных на Кубани и в Крыму (август – октябрь 2018 г.).

Методология исследования

Методологией исследования выбран социальный конструктивизм, предполагающий истолкование этнических групп в качестве сообществ индивидов, целенаправленно организуемых на основе самосознания, языка, коллективных представлений об историческом прошлом и символах гордости, то есть, системы социально значимых маркеров

этничности [1, с. 40–60]. Соответственно, межэтнические и межконфессиональные отношения трактуются как сфера взаимодействий групп, обусловленная не только их общественным статусом, ресурсами влияния и структурой политических возможностей, но и стереотипами коллективного самосознания, повседневными социальными практиками, целенаправленной политикой этнических и конфессиональных элит, органов государственной власти и иных влиятельных акторов. Применён субъектно-деятельностный подход, позволяющий исследовать межэтнические и межконфессиональные восприятия как следствие реальных повседневных видов деятельности и практик общения молодых представителей народов. Учтено, например, что на момент опроса респонденты младше 19 лет не имели личного опыта сознательного участия в событиях воссоединения Крыма с Россией и, следовательно, их ориентации и установки поведения формируются во многом без учёта «дороссийского» контекста межэтнических взаимодействий. Проведено бинарное синхронное сравнение однопорядковых объектов (молодежь регионов России) с целью выявления сходств и различий, детерминант общественного мнения о межэтнических и межконфессиональных отношениях.

Эмпирическая основа исследования

Эмпирическими методами анализа выбраны анкетный опрос и анализ статистических документов. Программа социологического исследования составлена под руководством доктора политических наук, профессора И.В. Юрченко и скорректирована по итогам пилотажных анкетных опросов в Краснодарском крае (выборка 110 чел.), Республике Крым (90 чел.) и г. Севастополь (50 чел.) (июнь – сентябрь 2017 гг.) [2, с. 10–14]. Так, в программу исследования добавлен раздел об иерархии и сочетаемости идентичностей респондентов, а также о межэтнических и межконфессиональных дистанциях по шкале Е. Богардуса. Выборка респондентов, первоначально включавшая только студентов высших учебных заведений, была расширена за счет учащихся средних общеобразовательных и специальных учреждений, а также работающей молодёжи в возрасте 16–39 лет. Работающая молодежь составила 30% общей численности опрошенных в 2018 г. на Кубани и 43% – в Крыму. Аналогичный анкетный опрос в г. Севастополе ещё не завершён и будет охарактеризован в наших последующих работах.

Территориальное распределение выборки по типам населённых пунктов вызвано размещением студенческой молодежи, в основном, в крупных городах. В Краснодарском крае в 2018 г. 55,3% респондентов (выборка 430 чел.) представляют г. Краснодар, 16% – города и крупные сельские поселения Черноморского побережья, 20,3% – города средних размеров степной и предгорной частей края, а 8,4% – сельские поселения. В Республике Крым (выборка 299 чел.) по 27,4% опрошенных живут в г. Симферополе и Керчи, 33,4% – в г. Евпатории, 7% – в г. Джанкое и Джанкойском районе. Симферополь – административный центр региона с многоотраслевой экономикой, привлекательный для получения образования и трудовой карьеры. Евпатория – типичный курортный город, Керчь – старопромышленный и экономически отстающий в развитии город. Джанкойский район отличителен своей приграничностью и повышенным удельным весом крымских татар в населении. Выбранные для исследования жители поселений олицетворяют наиболее распространенные виды местных сообществ Крыма.

Среди участников опроса 2018 г. в Краснодарском крае русские составили 81,7%, армяне – 5,4%, иных этнических групп – 5,5%, украинцы – 3,0%, не назвавших свою этничность – 4,4%. В аспекте религиозной самооценки в выборке по краю христиане всех конфессий составили 80,8%, мусульмане – 5,8%, атеисты – 7,5%, а не указали свою конфессиональную ориентацию 5,8% опрошенных. Данные соотношения немногим отличаются от сведений Всероссийской переписи населения 2010 г. [3, с. 20–71] (что объясняет-

ся акцентом опроса на городскую молодёжь, в которой процент украинцев и русских снижен за счет повышения доли армян и народов Северного Кавказа), но близки зафиксированным предыдущими анкетными опросами (В.Н. Муха, В.В. Мельситов, Н.Л. Сергиенко) [4].

Этнический состав респондентов в Республике Крым (по самооценке) включает в себя 62,7% русских, 14,2% крымских татар, 11,2% украинцев, по 0,75% – армян, болгар и евреев. Доля респондентов, не назвавших свою этничность, в Крыму значительно выше, чем в Краснодарском крае (9,7%), что объясняется распространением гибридных и неустойчивых идентичностей в условиях стремительных преобразований. Любопытно, что в анкетах встречается этническая самооценка «крымчанин» (среди христиан и атеистов). Эти пропорции близки зафиксированным в крымской переписи населения 2014 г. [5]. Религиозная самоидентификация опрошенных в Крыму такова: 61,9% – христиане различных конфессий (28,4% – православные и 32,1% – христиане без указания предпочтений, остальные – католики), 12,7% – мусульмане, 6% – атеисты и 18,7% не указали свою конфессию. Распределение соответствует предыдущим опросам других исследователей [6, с. 33].

Источниковая основа научной публикации

Источниковая основа статьи включает в себя результаты самостоятельных пилотажных и массовых анкетных опросов в Краснодарском крае и Крыму (2017 и 2018 гг.), вторичный анализ итогов опубликованных социологических исследований 2014–2017 гг. [7; 8; 9], а также анализ государственной и муниципальной статистики в сравниваемых регионах.

Степень изученности темы

Степень изученности темы статьи в социологии и смежных науках фрагментарна и неравномерна по различным аспектам. Особенности восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений молодёжью Краснодарского края изучались коллективом социологов под руководством Т.А. Хагурова [10], а также В.Н. Муха [11], В.Е. Курочкиной и П.Б. Бондаревым [12]. Аналогичную тему на материалах крымской молодёжи исследовали Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская и А.В. Синяков [13]. Важны также исследования В.А. Чигрина и В.В. Харабуги [14], Н.В. Киселёвой, А.В. Мальгина, А.А. Форманчука и др. [15], В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина [16], но они посвящены анализу общественного мнения крымчан в целом либо крымских татар, а не специализированно – молодёжи. Работающая молодёжь как объект исследования затрагивалась в публикациях предшественников лишь бегло. Поэтому одной из задач нашей статьи стало получение новых эмпирических данных об уровне социального доверия, установках восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодёжью Крыма и Кубани.

Дизайн исследования

Прежде всего, следует учитывать стадийные различия в уровне экономического и социального развития Краснодарского края и Республики Крым, определяющие специфику формирования человеческого капитала молодёжи и, следовательно, «повестку дня» её общественного мнения. Краснодарский край занимает в рейтинге субъектов федерации по валовому региональному продукту на душу населения 36-е место в 2017 г., а Республика Крым – 79-е из 85 (здесь и далее – по официальным сведениям Госстата России) [17, с. 538–544]. По среднедушевым ежемесячным доходам Краснодарский край является

15-м в рейтинге, а Крым – 78-й [17, с. 31]. Важен и уровень социального неравенства. В 2016 г. к двум малообеспеченным 20-типроцентным группам населения в РК относились 19,8%, а в Краснодарском крае – 15,2%. Удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составлял 22,2% в республике и 11,6% – в крае (2016 г.) [17, с. 272, 280]. Уровень безработицы по критериям Международной организации труда составлял в 2016 г. 7,5% занятого населения в РК и 6,2% в крае [расчеты по: 17, с. 114, 198].

Для обоих регионов значимым фактором этнического статуса является проживание народов преимущественно в городах либо сельских местностях, в курортной зоне (Черноморское побережье Краснодарского края, Южный берег Крыма), зернопроизводящих районах (степная часть Кубани, предгорный Крым) либо малоодоходных засушливых районах (северный Крым). Вопросы землевладения сохраняют центральную роль в дискурсе «прав коренных народов», для него характерны доводы давности проживания, автохтонности, «восстановления справедливости» (случай крымских татар) [18].

Результаты и интерпретации

Молодёжь является достаточно массовой социально-демографической группой в сравниваемых региональных сообществах. Лица в возрасте от 15 до 29 лет насчитывали 22,7% постоянного населения и 35,9% жителей трудоспособного возраста в крае при переписи 2010 г. [19, с. 11, 18]. В Республике Крым к началу 2014 г. удельный вес лиц от 14 до 30 лет насчитывал 22% постоянных жителей, из них получали очное образование 27% молодёжи [20]. При этом молодёжи труднее, чем лицам среднего возраста, найти работу. По данным Госстата РФ на 2016 г., в Республике Крым лица в возрасте 15–29 лет составляли 29,0% безработных, а в Краснодарском крае – 35,7% [17, с. 202]. С учётом этнических и конфессиональных различий в уровне рождаемости можно предположить, что проблема безработицы более остро может восприниматься молодыми представителями народов и конфессий с повышенным уровнем рождаемости.

Восприятие установок межэтнических и межконфессиональных отношений во многом производно также от ориентаций самосознания, от того, насколько единым или фрагментированным молодые респонденты считают своё региональное сообщество, какие виды идентичностей для них субъективно более значимы. Соответствующий вопрос задавался в формулировке: «Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени? (выберите один ответ, который лучше всего характеризует Ваше самоощущение, при необходимости конкретизируйте Ваш ответ)». Работающие молодые респонденты на Кубани однозначно предпочли гражданскую идентичность (россиянин – гражданин России) – 34% ответов; на втором месте по распространённости – глобальная идентичность (житель Земли, человек мира, представитель человечества) – 28,2%; на третьем – национальная (этническая) – 10,5%, на четвёртом – региональная (8,8%), на пятом – макрорегиональная (житель Юга России) – 7,5%, на шестом – локально-территориальная (житель населённого пункта) – 5,4% и на седьмом – конфессиональная (2,7%). В Крыму иерархия идентичностей совсем иная. На первое место вышла региональная самооценка себя как крымчан – 26,9% ответов; на второе – глобальная (20,1%), на третье – российская гражданская (17,9%), на четвертое – этническая (14,2%), на пятое – конфессиональная (6,7%), на шестое – локальная (5,2%) и на последнем месте – макрорегиональная южнороссийская идентичность (4,5% ответов).

Столь контрастное состояние ансамбля идентичностей молодёжи в двух сравниваемых регионах свидетельствует о слабости политики, формирующей российскую гражданскую идентичность в Республике Крым, а также о необходимости кардинального повышения её эффективности. Косвенно об этом же говорит крайне низкое доверие рабо-

тающей молодёжи Крыма к СМИ, политическим партиям и местному самоуправлению, то есть к институтам, призванным непосредственно контактировать с населением, зафиксированное в нашем опросе.

В поликультурных регионах крайне важным показателем состояния межэтнических и межконфессиональных отношений выступает межэтническая приемлемость. Она выявляет степень доверия между этническими группами. Показателем данной приемлемости можно считать шкалу социальной дистанции. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса (Краснодарский край, 2018 г.) составил: в отношении русских 1,77; адыгейцев – 3,20; украинцев – 3,40; армян – 3,76; уроженцев Средней Азии – 4,84. Характерно, что дистанция повышалась в подвыборке молодёжи г. Краснодара, где межэтническое общение более интенсивно. Уровень межконфессиональных дистанций составил в отношении христиан всех конфессий 2,87 балла, а мусульман – 3,50. Дисперсия межконфессиональных дистанций меньше, чем межэтнических, и это можно объяснить меньшей субъективной значимостью конфессионального фактора, слабостью знаний респондентов о нем.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена моей семьи») по убывающей составила: 58% в отношении русских, 23,8% – украинцев, 16,8% – адыгейцев, 14,5% – армян, 8,8% – уроженцев Северного Кавказа, 6,7% – уроженцев Средней Азии. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 27,7%, а мусульман – 12,7%.

Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране» составила среди кубанской опрошенной молодёжи в отношении русских 0,3%, адыгейцев – 1,8%, армян – 4,1%, украинцев – 6,5%, уроженцев Северного Кавказа – 6,5%, уроженцев Средней Азии – 10,1%. В отношении основных конфессий установка абсолютной неприемлемости составила 2,3% для христиан и 3,9% для мусульман.

Таким образом, данные опроса показывают асимметричность межэтнических и межконфессиональных дистанций в молодёжной среде Кубани, их зависимость от краткосрочных политико-информационных воздействий. В частности, негативный образ «украинца» явно во многом сформировался вследствие негативного восприятия переворота 2014 г. на Украине и последовавшей войны в Донбассе. В то же время, достаточно высокий уровень приемлемости адыгейцев и армян в межэтнических дистанциях подтверждают интегрированность данных этнических групп в кубанское региональное общество.

Аналогичное исследование в Республике Крым (выборка 299 чел.) дало во многом иные результаты. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса составил: в отношении русских 2,08 балла; украинцев – 2,30; крымских татар – 3,53; армян – 4,23. Дистанции повышалась в подвыборке молодёжи приграничного и экономически бедственного г. Джанкоя, где повышен удельный вес крымских татар. Высокая дистанция в отношении армян, вероятно, вызвана их малочисленностью и занимаемой социально-профессиональной нишей. Уровень межконфессиональных дистанций составил в отношении христиан всех конфессий 2,64 балла, а мусульман – 3,70. Восприятие христианских конфессий в Крыму несколько положительнее, чем на Кубани, а ислама – умеренно отрицательнее, то есть, взаимное дистанцирование двух идентификационных групп выражено более отчетливо.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена моей семьи») по убывающей составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% – украинцев, 26,2% – крымских татар, 16,9% – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 34,6%, а мусульман – 24,6%. Итак, выявлен достаточно значительный

потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости работающей молодежи в Крыму.

Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране» составила в отношении крымских украинцев 0,8%, русских – 1,5%, армян – 6,2%, крымских татар – 7,7%. В отношении основных конфессий установка абсолютной неприемлемости составила 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман. Таким образом, подтвердилась зафиксированная в предшествующих опросах ВЦИОМ, ФОМ и Фонда «Общественное мнение» (2015–2016 гг.) и нашем пилотажном опросе 2017 г. асимметрия межэтнических и межконфессиональных дистанций, при которой русские и украинцы в Крыму близки, а крымские татары отчетливо воспринимаются как «иная» этническая и конфессиональная общность, чем консолидированное большинство крымчан.

Для Крыма в сравнении с Краснодарским краем специфична также повышенная роль конфессий как маркера групповой идентичности молодёжи. Увы, мы не имеем доказательных сведений о соотношении влияния православной, протестантских и католической идентичностей внутри подвыборки молодых крымчан, определившей себя как христиан. Но можно осторожно предположить, что в сравнении с Кубанью в Крыму влияние протестантских конфессий повышено, а это – интересный сюжет для последующих исследований.

Иерархия общественных институтов, которым доверяют молодые кубанцы, опрошенные в 2018 г., предсказуема и она соответствует распределениям во всероссийских опросах. Вверху рейтинга доверия – Вооруженные Силы РФ – 63%, Президент России – 57%, органы государственной безопасности – 53%, губернатор края – 43%, Правительство РФ и Совет Федерации РФ – по 40%. Отмечен относительно низкий уровень доверия молодежи политическим партиям, российским банкам, общественным объединениям, администрации края, религиозным объединениям, СМИ, судебной системе – менее 40%.

Иерархия общественных институтов в восприятии опрошенных молодых крымчан несколько иная. Рейтинг доверия Вооружённым Силам составляет 71%, Президенту Российской Федерации и органам государственной безопасности – превышает 60%. В то же время, снижен уровень доверия региональным и муниципальным институтам, за исключением Главы Республики Крым и Правительства региона. Наиболее тревожит низкое доверие крымчан СМИ и политическим партиям.

Относительное большинство опрошенных молодых людей в Краснодарском крае (42%) считает, что межэтнические отношения характеризуются доброжелательностью и мирным сосуществованием. В то же время, более половины респондентов (53%) считает, что необходимо ограничить приток мигрантов в край и 46,3% выступают за ужесточение миграционного законодательства. Зависимость между субъективным восприятием безопасности и миграции такова: молодые кубанцы, ощущающие себя незащищёнными, чаще других выступают за стратегию ограничения притока мигрантов, особенно – за ужесточение миграционного законодательства.

Восприятие проблемы миграции молодёжью Крыма более позитивное, что следует из меньшего, чем на Кубани, миграционного притока. За январь – сентябрь 2017 г. в Республике Крым коэффициент миграционного прироста составил 41,5 на 10000 постоянных жителей, то есть в 2 раза меньше, чем в Краснодарском крае [21]. Считает, что проблема трудовой конкуренции между старожилами и новосёлами существует в Крыму, 19,4% опрошенных молодых работников, а считают эту проблему надуманной 40,3%. Полагают, что миграция полезна для экономического развития республики, 18,7%, а что она вредна – 13,4%. Большинство молодых крымчан не ориентируется в этом вопросе, видимо, из-за относительно слабого развития издержек миграции. Но и пилотажный, и массовый опрос отчётливо подтвердили более негативную оценку миграции крымскими татарами и украинцами. Считают, что надо ограничить миграцию в Крым, 48,5% респондентов.

тов в республике. За привлечение мигрантов на полуостров, напротив, выступают 44,0% опрошенных молодых крымчан.

Общая оценка межэтнических отношений опрошенными молодыми крымчанами также умеренно позитивна. Считают, что реальными препятствиями для достижения личных целей может стать их этничность либо конфессия, только 6% респондентов. Вместе с тем, указали на личный опыт оскорблений/конфликтов на почве национальной, религиозной нетерпимости 22,4% всех опрошенных (в том числе 52,6% опрошенных крымских татар); считают, что они пережили случаи дискриминации по половому, возрастному, религиозному, национальному признаку 7,5% всех опрошенных (9% крымских татар); бытовые конфликты с представителями других народов – 10,4% всех опрошенных (столько же – крымских татар); указали на то, что им пришлось вынужденно покинуть свой дом, 5,2% всех респондентов (10,5% из числа опрошенных крымских татар). При всей ограниченности итогов опроса они подтверждают повышенную виктимность общественного мнения крымских татар в сравнении с другими этническими группами Крыма.

Заключение

В итоге работы сделаны выводы о сравнительно повышенной конфликтогенности межэтнических и межконфессиональных взаимовосприятий работающей молодёжи в Республике Крым, о преобладании социокультурного размежевания «славяне – крымские татары», во многом совпадающем с конфессиональным размежеванием. Этнические дистанции по шкале Е. Богардуса в Крыму носят отчетливо выраженный асимметричный характер. Ареал повышенной конфликтогенности установлен в Джанкойском районе и г. Симферополе с пригородами. Миграционные процессы и миграционная политика воспринимаются работающей молодёжью Крыма в качестве менее конфликтного и этнически маркированного процесса, чем молодёжью Кубани.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тишков В.А. Как понимать «народ» и «нацию» // Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 40-60.
2. Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар, 2017. № 11. С. 10-14.
3. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2013. Т. 4. Табл. 4. Население по национальности и владению русским языком по муниципальным образованиям. С. 20-71.
4. Муха В.Н., Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л. Социальная идентичность населения полиэтнического региона // Социология. М., 2015. № 1. С. 187-196.
5. Доклад об итогах федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения // Госстат России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения: 14.09.2018).
6. Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. М., 2016. С. 33.
7. Опрос в Крыму: ситуация и протестные настроения в регионе // Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/13113> (дата обращения: 26.09.2018).
8. Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3155. 18.07.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782> (дата обращения: 11.10.2018).
9. Доклад о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2017 год / рук. раб. гр. Л.В. Попова. Краснодар: Обществ. палата Краснодарского края, 2018. С. 63-87.
10. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодёжи / отв. ред. Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова. М.; Краснодар: Федеральный научно-исследовательский Социологический центр РАН; Кубан. гос. ун-т, 2017.

11. Муха В.Н. Национально-гражданская идентичность русского населения Причерноморья // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новороссийск, 28-30 октября 2018 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 491-494.
12. Курочкина В.Е., Бондарев П.Б. Особенности конфликтного реагирования юношей русской, украинской и армянской национальностей, проживающих на территории Краснодарского края // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8. № 6-1. С. 146-149.
13. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Студенческая молодежь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове: результаты кластерного анализа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 30-41.
14. Чигрин В.А., Харабуга В.В. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества // Вестник Института социологии. 2015. № 4 (15). С. 23-34.
15. Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015.
16. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51-68.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 538-540. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (дата обращения: 10.10.2018).
18. Маковская Д.В. Этническое неравенство как фактор этнополитической конфликтности: крымский опыт // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. СПб., 2014. Т. 10, № 2. С. 215-230.
19. Молодёжь в России. 2010: Стат. сб. М.: Госстат России, 2010. С. 11, 18.
20. Государственная программа Республики Крым «Молодежь Крыма» на 2015-2017 годы: http://krbm.ru/wpcontent/uploads/2016/02/Postanovlenie_ob_utverzhdenii_Gosudarstvennoy_programmy_Respubliki_Krym_Molodezh_Kryma_na_2015-2017_gody.pdf (дата обращения: 11.09.2018).
21. Оперативные данные по миграционному движению населения Республики Крым. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/d49daf00478c3da6aafafa6923df9336/МН+на+ВЭБ+сайт_09+2018.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

REFERENCES

1. *Tishkov V.A. Kak ponimat' "narod" i "naciyu"* [How to understand "people" and "nation"]. *Tishkov V.A. Rossijskij narod: istoriya i smysl nacional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka Publ., 2013. Pp. 40-60.
2. *Baranov A.V., Dontsova M.V., Chigrin V.A. Mezhetnicheskie otnosheniya v Krasnodarskom krae i Respublike Krym v zerkale obshestvennogo mneniya molodezhi: sravnitel'nyi analiz* [Interethnic relations in the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea in the mirror of the public opinion of young people: a comparative analysis]. *Obshestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. Krasnodar, 2017. No 11. P. 10-14.
3. *Itogi vserossiiskoj perepisi naseleniya 2010 goda* [Results of the 2010 all-Russian population census]. Moscow, 2013. Vol. 4, Tabl. 4. *Naselenie po natsional'nosti i vladeniyu russkim yazykom po municipal'nym obrazovaniyam* [Population by nationality and proficiency in Russian by municipalities]. P. 20-71.
4. *Mukha V.N., Mel'sitov V.V., Sergienko N.L. Social'naya identichnost' naseleniya polietnichnogo regiona* [Social identity of the population of a polyethnic region]. *Sociologiya = Sociology*. Moscow, 2015. No 1. Pp. 187-196.
5. *Doklad ob itogah federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya "Perepis' naseleniya v Krymskom federal'nom okruge" so 100-procentnym ohvatom naseleniya* [Report on the results of the federal statistical observation "Population census in the Crimean Federal District" with 100% coverage of the population]. Gosstat Rossii. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (accessed 14.09.2018).

6. Projekt "Otkrytoe mnenie – Krym-2016". Kratkij analiticheskij otchet po itogam issledovaniya. Versiya ot 15.07.2016 [The project "Open opinion – Crimea-2016". A brief analytical report on the results of the study. Version dated 07/15/2016]. Moscow, 2016. P. 33.
7. Opros v Krymu: situaciya i protestnye nastroyeniya v regione Fond "Obshestvennoe mnenie" [Poll in Crimea: situation and protest moods in the region. Public Opinion Foundation]. Available at: <http://fom.ru/Nastroeniya/13113> (accessed 26.09.2018).
8. Krym i Sevastopol': o zhizni posle vossoedineniya s Rossiei. VCIOM. Press-vypusk No. 3155. 18.07.2016 [Crimea and Sevastopol: about life after reunification with Russia. VTsIOM. Press release No. 3155. 07/18/2016]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782> (accessed 11.10.2018).
9. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshestva v Krasnodarskom krae za 2017 god [Report on the state of civil society in the Krasnodar Territory for 2017]. Ruk. rab. gr. L.V. Popova. Krasnodar: Obshestv. palata Krasnodarskogo kraja, 2018. Pp. 63-87.
10. Ekstremal'nost' i ekstremizm v social'nyh praktikah rossijskoj molodezhi [Extremism and extremism in the social practices of Russian youth]. Ed. by T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova. Moscow; Krasnodar: Federal Scientific-Researcher Sociological Center of RAS; Kuban State Univ. Press, 2017.
11. Mukha V.N. Nacional'no-grazhdanskaya identichnost' russkogo naseleniya Prichernomor'ya [National-civil identity of the Russian population of the Black Sea region]. Istoriya i sovremennoe razvitie Prichernomor'ya v kontekste formirovaniya patriotizma i ukrepleniya cennosti rossijskoi civilizacii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Novorossiisk, 28-30 oktyabrya 2018 g.) = History and modern development of the Black Sea region in the context of the formation of patriotism and the strengthening of the values of the Russian civilization: materials of the Intern. scientific-practical conf. (Novorossiysk, October 28-30, 2018). Krasnodar: Kuban State Univ. Publ., 2018. Pp. 491-494.
12. Kurochkina V.E., Bondarev P.B. Osobennosti konfliktnogo reagirovaniya yunoshei russkoi, ukrainskoi i armyanskoi nacional'nosti, prozhivayushih na territorii Krasnodarskogo kraja [Features of the conflict response of young men of the Russian, Ukrainian and Armenian nationalities living in the Krasnodar Territory]. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Idea. Krasnodar, 2016. Vol. 8. No. 6-1. Pp. 146-149.
13. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V. Studencheskaya molodezh' Kryma i Sevastopolya o mezhnacional'nyh i mezhreligioznyh otnosheniyah na poluostrove: rezul'taty klaster-nogo analiza [Student youth in Crimea and Sevastopol on interethnic and interreligious relations on the peninsula: results of cluster analysis]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = News of Tula State University. Humanitarian sciences. Tula, 2018.No. 2. Pp. 30-41.
14. Chigrin V.A., Harabuga V.V. Situaciya v Krymu i formirovanie istoricheskoy pamyati obshestva [The situation in the Crimea and the formation of the historical memory of society]. Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology. Moscow, 2015. No 4 (15). Pp. 23-34.
15. Kiseleva N.V., Mal'gin A.V., Petrov V.P., Formanchuk A.A. Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih resheniya [Ethnopolitical processes in Crimea: historical experience, contemporary problems and prospects for their solution]. Simferopol: Sal'ta Publ., 2015.
16. Mukomel' V.I., Khaikin S.R. Krymskie tatary posle «krymskoj vesny»: transformatsiya identichnostej [Crimean Tatars after the "Crimean Spring": Transformation of Identities]. Monitoring obshestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. Moscow, 2016. No. 3. Pp. 51-68.
17. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2017: Stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: Statist. Collect. of works]. Rosstat. Moscow, 2017. Pp. 538-540. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (accessed 10.10.2018).
18. Makovskaya D.V. Etnicheskoe neravenstvo kak faktor etnopoliticheskoy konfliktnosti: krymskij opyt [Ethnic inequality as a factor of ethnopolitical conflict: the Crimean experience]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEX = Political expertise: POLITEX. Saint-Petersburg, 2014. Vol. 10. No. 2. Pp. 215-230.
19. Molodezh' v Rossii. 2010: Stat. sb. [Youth in Russia. 2010: Statist. Collect. of Works]. Moscow: Gosstat Rossii, 2010. Pp. 11, 18.
20. Gosudarstvennaya programma Respubliki Krym "Molodezh' Kryma" na 2015-2017 gody [The state program of the Republic of Crimea "Youth of the Crimea" for 2015-2017]. Available at: http://krbm.ru/wpcontent/uploads/2016/02/Postanovlenie_ob_utverzhdenii_Gosudarstven

noy_programmy_Respubliki_Krym_Molodezh_Kryma_na_2015-2017_gody.pdf (accessed 11.09.2018).

21. Operativnye dannye po migracionnomu dvizheniyu naseleniya Respubliki Krym [Operational data on the migration movement of the population of the Republic of Crimea]. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/d49daf00478c3da6aafafa6923df9336/MN+na+VEB+sait_+09+2018.pdf (accessed 16.09.2018).

Информация об авторах:

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
baranovandew@mail.ru

Донцова Мария Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
dontsova_79@list.ru

Чигрин Виктор Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия
sociochigrin@mail.ru

Получена: 16.10.2018

Information about the authors:

Andrey V. Baranov, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia
baranovandew@mail.ru

Maria V. Dontsova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia
dontsova_79@list.ru

Victor A. Chigrin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia
sociochigrin@mail.ru

Received: 16.10.2018

УДК 316

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-54-64

ВЕРЕЩАГИНА Анна Владимировна
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

Anna V. VERESHCHAGINA
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

**ПОЧЕМУ ПАТРИОТИЗМУ НА ЮГЕ РОССИИ НЕ
ХВАТАЕТ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ (ПО
РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)?**

**WHY IS PATRIOTISM IN THE SOUTH OF RUSSIA
LACKS CITIZENSHIP? (BASED ON A
SOCIOLOGICAL SURVEY)**

Современная Россия нуждается в площадке межкультурного диалога, фундаменте российской идентичности как основе межэтнической консолидации и солидаристских практик. Такой площадкой может стать патриотизм, и в этой связи возникает необходимость научно-го анализа патриотизма в локальных сообществах Юга России с позиций выявления его когнитивных, ценностных и поведенческих аспектов и проявлений в условиях современной реальности. В статье, по итогам социологического эмпирического исследования, проведенного в пяти субъектах Федерации на Юге России (Ростовской области, Республиках Крым, Кабардино-Балкария и Адыгея, Ставропольском крае) выявляются основные типы патриотизма и тенденции, связанные с распространением архетипических патриотических практик, базирующихся на этатистских установках и героическом опыте прошлого как основе формирования патриотического сознания молодежи в настоящем. Иными словами, патриотизму в изучаемых субъектах не хватает гражданственности, и он развивается в русле патриотизма государственного (держаного, мобилизационного) типа, что соответствует ментальной и институциональной траектории формирования патриотизма в истории российского государства.

Contemporary Russia needs a platform for intercultural dialogue, the foundation of Russian identity as the basis of inter-ethnic consolidation and solidarity practices. Patriotism can become such a platform, and in this connection there is a need for a scientific analysis of patriotism in the local communities of the Southern Russia from the standpoint of identifying its cognitive, value and behavioral aspects and manifestations in the context of modern reality. In the article, following a sociological empirical study conducted in five regions of the Federation in the South of Russia (Rostov Region, the Republic of Crimea, Kabardino-Balkaria and Adygea, Stavropol Territory), the main types of patriotism and trends associated with the spread of archetypal patriotic practices based on etatistic attitudes and heroic experience of the past as the basis for the formation of the patriotic consciousness of young people in the present. In other words, patriotism in the studied subjects lacks citizenship, and it develops in line with the patriotism of the state (holding, mobilization) type, which corresponds to the mental and institutional trajectory of the formation of patriotism in the history of the Russian state.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, гражданский патриотизм, ментальные программы, молодежь, патриотические практики, Юг России

Key words: patriotism, citizenship, civil patriotism, mental programs, youth, patriotic practices, South of Russia

Для цитирования: Верещагина А.В. Почему патриотизму на юге России не хватает гражданственности (по результатам социологического исследования)? *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 с. 54-64.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-54-64.

For citation: Vereshchagina A.V. Why is patriotism in the south of Russia lacks citizenship? (based on a sociological survey). *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 54-64.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-54-64. (in Russ)

Благодарность. Статья выполнена в рамках реализации Государственного задания (Министерство образования и науки Российской Федерации), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации».

Acknowledgement. The article was made as part of the implementation of the State task (Ministry of Education and Science of the Russian Federation), project No. 28.3486.2017 / PCh «Civil patriotism in the formation and development of solidaristic practices in the South of Russia: resource potential and conditions for its implementation».

Введение

Наиболее актуализированным и соответствующим социальным задачам российского государства в современное время является запрос на формирование общероссийской идентичности, которая, с одной стороны, рассматривается как фактор консолидации российского социума и необходимое условие вхождения России в мировое сообщество, а также усиления ее влияния на международной арене; а с другой стороны, как основа утверждения общих жизненных ориентиров и целей развития, формирования чувства защищенности и безопасности общества, реализации солидаристских практик. При этом особую актуальность приобретает вопрос об идеологической основе формирования общероссийской (национальной) идентичности, и в качестве такой идеологической основы предлагается идея патриотизма как национальная идея, базирующейся на особенностях национального характера и традиционных ценностях [1]. А особенности национального характера российского общества отражают специфику его ментальной программы, в которой особую роль играют такие структуры, как этатизм и патернализм [2]. Так, социологические опросы населения страны показывают, что общество рассчитывает на государство в решении социальных проблем. Подавляющее число россиян (62%), как следует из опроса Левада-Центра в августе 2018 года, убеждены, что **«государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни»**, в то время как еще в ноябре 2016 года так считало 52% опрошенных жителей России [3]. И, патриотизм, ментально вписанный в культурную матрицу российского общества, отражает массовое сознание россиян в контексте парадигмы государственно-организованного общества, а потому современному патриотизму в российском обществе не хватает гражданственности, что сдерживает развитие солидаристских практик на макросоциальном уровне. В этом состоит основная гипотеза данного исследования, определяющая научную значимость представленного исследования, в котором изучение патриотизма с позиций социологического анализа когнитивных, ценностных и поведенческих аспектов патриотизма на Юге России проводится с целью выявления оснований и предпосылок гражданского патриотизма в изучаемых субъектах Федерации. Реализация данной цели основывается на интерпретации эмпирических данных, полученных в ходе массового репрезентативного анкетного опроса, проведенного в 2018 году методом личного анкетирования «face-to-face» в пяти субъектах Российской Федерации на Юге России (Ростовская область, Ставропольский край, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская республика и республика Крым).

Литературный обзор

В российской научной литературе сложилась давняя традиция изучения патриотизма, благодаря которой накоплен обширный материал в области изучения данного явления с позиций различных дисциплинарных практик (философских, исторических, политологических, психологических, социологических), обобщение которых представлено в ряде исследований [4], из которых следует, что патриотизм в России закономерно связан с историей российского общества в его отдельно взятых этнорегиональных образованиях, имею свою специфику и проблемные зоны.

Изучение патриотизма на Юге России также представлено определенным массивом научной литературы, в которой можно выделить ряд направлений, связанных с изучением [5]: 1) этнокультурной специфики формирования и проявления патриотизма (*влияние религиозного фактора, этнокультурных потребностей и процессов, место патриотизма в традиционной культуре народов Юга России*); 2) патриотического воспитания на Юге России (*этнокультурные аспекты патриотического воспитания, его региональная спе-*

цифика, агенты и механизмы данного процесса, его методологические основания, связь патриотического воспитания с формированием гражданской идентичности); 3) патриотизма как фактора гармонизации межэтнических отношений, обеспечением геополитической безопасности и стабильности политической ситуации (связь патриотизма и толерантности, проявление интолерантности в мировоззренческих установках молодежи на Северном Кавказе, интегративный потенциал патриотизма, перспективы обеспечения безопасного развития северокавказского региона в контексте формирования патриотизма).

При всем объеме имеющейся научной литературы патриотизм в локальных сообществах на Юге России еще не стал предметом специальных социологических исследований, что определяет научную новизну и значимость данного исследования, в котором интерпретация массива эмпирической информации осуществляется в логике когнитивной схемы, рассматривающей структуру патриотизма как совокупность когнитивного, аксиологического и конативного аспектов.

Материалы и методы

Эмпирической базой работы стали результаты массового репрезентативного анкетного опроса, проведенного в 2018 году при непосредственном участии авторов статьи коллективом лаборатории исследования и экспертизы социальных практик на Юге России Института социологии и регионоведения Южного федерального университета в рамках реализации проекта «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации». Исследование было проведено методом личного анкетирования «face-to-face» в пяти субъектах Российской Федерации на Юге России (Ростовская область, Ставропольский край, Республика Адыгея, Республика Крым и Кабардино-Балкарская республика) по проблеме гражданского патриотизма в контексте солидаристских практик на Юге России.

Репрезентативность исследования обеспечивалась за счет разработки и реализации многоступенчатой стратифицированной выборки (пол, возраст, уровень образования и тип поселения). Регионы Юга России, выбранные в качестве площадок проведения опроса: в Ростовской области – 990 человек, Ставропольском крае – 664 человека, в Республике Адыгея – 212 человек, в Кабардино-Балкарской Республике – 150 человек, в Республике Крым – 452 человека. Объем выборки составил 2468 респондентов. Из них 61,3% городские жители и 38,7% – сельские.

В целом по массиву было опрошено 987 мужчин (40%) и 1481 женщин (60%). Возрастные группы в опросе представлены следующим образом: 18-30 лет – 29%; 31-40 – 20%; 41-50 – 20,3%; 51-60 лет – 18,4%; старше 60 лет – 12,2%. Уровень образования респондентов: неполное среднее – 2,0%; среднее – 22,7%; среднее специальное – 29,2%; неоконченное высшее – 7,8%; высшее техническое – 14,5%; высшее гуманитарное – 20,0%; высшее естественнонаучное – 3,8%.

В ходе получения и анализа эмпирической информации использовались такие методы, как метод анкетного опроса (массовое стандартизированное анкетирование), методы статистического и интерпретационного анализа полученных эмпирических данных.

Методологическим основанием исследования выступает деятельностный подход, в контексте которого патриотизм рассматривается как основанный на всеобщей деятельности социальной субъектности, делающей возможным обсуждение и согласование социальных интересов и ценностей. Исследование базируется также на принципах холистского подхода, позволяющего интегрировать патриотизм с позиций трехкомпонентной структуры – когнитивных, ценностных и поведенческих установок населения по отношению к данному явлению.

Интерпретация патриотических реалий на Юге России основывается также на положениях концепции ментальных программ как совокупности представлений, ценностей и установок, определяющих социальное поведение в обществе [6]. В их рамках патриотические практики рассматриваются как различные репертуары социальных действий, обусловленных рефлексивными и нерефлексивными структурами ментальных программ.

В методологических границах данного исследования патриотизм рассматривается как совокупность когнитивных, ценностных и поведенческих установок, формирующих на индивидуальном и коллективном (общественном) уровне определенное отношение к отечеству (*государству, Родине, народу*), находящее выражение в конкретных социальных практиках.

Структура патриотизм включает три компонента: 1) когнитивный, отражающий уровень и характер знаний о патриотизме, его функциях и способах формирования; 2) ценностный, определяющий значимость патриотизма как ценности в обществе, в ценностной иерархии отдельной личности; 3) поведенческий, отражающий характер социальных практик в области патриотизма, формирующихся в условиях определенной социокультурной, экономической и политической реальности на основе мировоззренческой платформы, определяемой когнитивными представлениями и ценностными ориентациями.

Результаты

Изучение патриотизма в локальных сообществах Юга России проводилось с позиций трехкомпонентной структуры: 1) представления о патриотизме (когнитивный аспект); 2) патриотизм как ценность (аксиологический аспект), 3) патриотические установки (конативный аспект).

Измерение представлений о патриотизме респондентов показало, что понимание патриотизма, прежде всего, связано с эмоционально-чувственным восприятием – любовью к Родине (24,7%), готовностью встать на ее защиту (23,3%) и ощущением неразрывной связи человека со своим народом, его культурой, историей (19,8%) (см. таб. 1).

Таблица 1. Представления о патриотизме
Table 1. Notions of patriotism

Ответы на вопрос: «Что Вы понимаете под патриотизмом?»	%
Патриотизм – это чувство глубокой любви к Родине	24,7
Патриотизм – это высшая ценность, без которой не может жить человек и существовать общество	7,7
Патриотизм – это ощущение неразрывной связи человека со своим народом, его культурой, историей	19,8
Патриотизм – это деятельность, направленная на защиту прав, интересов и свобод граждан страны	8,9
Патриотизм – это готовность человека встать на защиту Родины и своего народа	23,3
Патриотизм – это национальная идея, объединяющая народ ради достижения общих целей и решения важных общественных задач	10,8
Патриотизм – это средство воздействия на сознание общества, используемое властью для решения социально-политических задач.	4,7
Другое	0,2
Всего	100,0

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

На вопрос о том, какой смысл вкладывают респонденты в понятие «Родина», самые распространение ответы распределились следующим образом: «страна, в которой человек родился» (31,9%), «место, где родился человек (село, город, край)» (22,4%), «земля предков, т.е. место, где жили предки человека и куда хотелось бы вернуться» (18,2%), «место, где человеку хорошо» (11,3%). Позицию, соответствующей мнению «страна, в ко-

торой человек проживает», выбрало 7,7%, а «место (село, город, край), в котором человек проживает» - всего 3,4%. Как видим, разделение Большой и Малой Родины, традиционное для россиян, проходит по линии рождения, а не проживания, с чем коррелируют и миграционные установки респондентов, среди которых 43% готово покинуть Россию с целью улучшить свое материальное благосостояние за границей при условии, что сохранится возможность вернуться обратно, т.е. на некоторое время. Никогда бы не покинуло Россию с такой целью 30,9% опрошенных и 12,5% сделали бы это, не раздумывая.

Иными словами, для определенной части респондентов «любить Родину» и быть патриотом не обязательно связано с понятием «жить в России». Для большинства опрошенных (22,1%) это не является обязательным условием и для того, чтобы быть гражданином России – важно обладать правами и обязанностями гражданина, а позиция «жить в России» оказалась на втором месте, опередив по значимости третьую позицию – «быть патриотом» (10,7%). Примечательно, что и среди обязательных качеств, отличающих гражданина, респонденты также на третье место поставили «любовь к своей стране», с которой у них преимущественно, как показало наше исследование, ассоциируется патриотизм.

Интерес представляет сопоставление данных о восприятии патриотизма как готовности встать на защиту Родины и своего народа (23,3%) с поведенческими установками, которые значительно превысили когнитивные – порядка 67,5% в нашем опросе высказали готовность встать на защиту России с оружием в руках против 19,4%, не готовых к этому при всем том, что ценность патриотизма в иерархии наиболее значимых ценностей опрошенных нами жителей Юга страны оказалась очень невысокой – только для 3,2% она оказалась первостепенной, в то время как самыми значимыми ценностями стали: семья (19,7%), здоровье (13,8%), любовь (10,8%), дружба (10,5%), материальное благополучие (9,4%). Уступил патриотизм место и таким ценностям, как справедливость, свобода, образование, религия. Менее ценными, по сравнению с патриотизмом, для респондентов оказались только ценности карьеры и доверия к людям (см. таб. 2).

Таблица 2. Патриотизм как ценность

Table 2. Patriotism as a value

Ответы на вопрос: «Какие из нижеперечисленных ценностей наиболее значимы для Вас?»	%
Дружба	10,5
Материальное благополучие	9,4
Любовь	10,8
Семья	19,7
Свобода	7,5
Образование	5,1
Справедливость	7,7
Карьера	2,9
Здоровье	13,8
Патриотизм	3,2
Вера в Бога	3,6
Доверие к людям, окружающему миру	2,1
Гражданские права и свободы	3,6
Другое	0,0
Всего	100,0

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Коррелируют с восприятием патриотизма как ощущения неразрывной связи человека со своим народом, его культурой, историей (19,8%) данные о предмете гордости за Россию. Наибольшее количество опрошенных (14%) считает, что это – история России. На втором месте оказалась природа России (10,8%), далее – военная мощь (вооруженные силы) страны (10,7%), ее огромные просторы (10,2%) и природные богатства (9,7%). Российский народ как предмет гордости за Россию занял лишь 7-ю позицию (8,6%), за которой следуют культурные (8%), научные (7,9%), спортивные (5,6%). Крайне низко в контексте гордости за страну оценена респондентами российская система образования (2,6%). Еще ниже – система здравоохранения (1,6%), впрочем, как и экономические достижения России (2,1%). Только 1,8% считают, что можно гордиться демократическими достижениями России.

Таким образом, деятельностная сторона в восприятии патриотизма жителями Юга России связана, преимущественно, с готовностью защищать Родину в случае возникновения внешней угрозы, опасность которой отмечает 35,7% респондентов (45,3% угрозы России видят во внутренних проблемах страны и только 9,3% полагают, что России ничего не угрожает). Восприятие патриотизма как деятельности, направленной на защиту прав, интересов и свобод граждан страны, характерно только для 8,9% респондентов, и данная позиция заняла лишь пятую строчку в иерархии когнитивных установок опрошенных жителей Юга России (см. таб. 1) – на четвертой позиции расположилось восприятие патриотизма как национальной идеи, объединяющей народ ради достижения общих целей и решения важных общественных задач (10,8%). Не противоречит приведенным данным ситуация в области уровня социальной и гражданской активности жителей Юга России: 91,2% не состоят ни в каких общественных организациях, 36,6% никогда не принимали и не планируют принимать участие в совместных публичных акциях, проводимых общественными организациями против 10,5% тех, кто занял противоположную позицию. Впрочем, с патриотическими организациями ситуация вырисовывается идентичная – 92,9% не состоят ни в одной из них, а из 5,3% респондентов, включенных в патриотические организации, 98,8% не смогли указать их название. Однако это не мешает подавляющему большинству жителей Юга России (порядка 77%), согласно проведенному опросу, считать себя патриотами. Для 82,3% респондентов патриотизм ассоциируется с глубокое личным чувством, а потому человек сам должен определять, что для него значит патриотизм. Противной точки зрения, согласно которой государство должно определять, что такое патриотизм и каким должен быть патриот, придерживается незначительная часть опрошенных – 8,9%, а патриот, с точки зрения жителей Юга России, – это человек, который, прежде всего, любит Родину (23,2%) и готов, в случае угрожающей ей опасности, встать на защиту (19,5%), что, как видим, коррелирует с представленным выше восприятием патриотизма как явления. Такая характеристика, как «критично оценивать ситуацию в стране и стремиться к ее изменению, для того чтобы обеспечить ей достойное будущее» не стала значимой среди индикаторов, отличающих патриота от непатриота, и ее придерживаются только 5,7% респондентов. Чуть больше – 6,5% респондентов считают, что быть патриотом, значит уметь говорить правду о своей стране, какой бы горькой она ни была, и бороться с ее недостатками, что коррелирует с мнением о том, что патриот должен поддерживать государственную власть и ее решения, которое, в целом, учитывая и тех, кто скорее склоняется к этой позиции, нежели ее отрицает, разделяет более половины респондентов (53,9%), при всем том, что среди черт, отличающих патриота, такая, как «всегда поддерживать проводимую государственной властью политику», была отмечена минимальным количеством респондентов – всего 1,8% (см. таб. 3).

Таблица 3. Патриотизм как установка

Table 3. Patriotism as an attitude

Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, что значит быть патриотом?»	%
Любить свою страну.	23,2
Трудиться, совершать дела, поступки, направленные на благо своей страны.	14,7
Интересоваться культурой и традициями своей страны.	5,8
Интересоваться культурой, обычаями и традициями различных народов страны.	3,4
Знать историю своей страны.	11,2
Критично оценивать ситуацию в стране и стремиться к ее изменению, для того чтобы обеспечить ей достойное будущее.	5,7
Быть готовым встать на защиту своей страны в случае угрожающей ей и ее народу опасности.	19,5
Всегда поддерживать проводимую государственной властью политику.	1,8
Считать, что твоя страна лучше всех остальных стран, что у нее нет недостатков.	1,3
Уметь говорить правду о своей стране, какой бы горькой она ни была, и бороться с ее недостатками.	6,5
Гордиться своей страной.	6,6
Другое	0,2
Всего	100,0

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Можно заключить, что те 14,7% опрошенных, полагающих, что патриот должен трудиться, совершать дела, поступки, направленные на благо своей страны (см. таб. 3), не обязательно подразумевают, что эти действия должны противоречить политике государственной власти, и причина такого конформизма кроется в том, что настоящий патриот, по мнению тех респондентов, которые убеждены в необходимости поддержки власти, должен полностью доверять государственной власти и не сомневаться в правильности принятых ею решений (так считают 23,5% опрошенных), а также должен любить свое государство и всегда поддерживать решения власти (22%). С этой ситуацией согласуется также позиция 53,4% опрошенных жителей Юга России, ответивших однозначно «нет» на вопрос о том, станут ли они участвовать в совместных публичных акциях, не разрешенных властями. В случае акций, санкционированных органами государственной власти, убежденных в своей пассивности на порядок меньше – 32,3%.

Делегируя власти решать социальные задачи, не стремясь противостоять ее решениям, население Юга России не считает необходимым испытывать ответственность за происходящее в стране. Во всяком случае, такую позицию заняли 33,1% опрошенных в нашем исследовании при 29,8%, затруднившихся с ответом (их можно отнести как к категории граждан с низкой социальной ответственностью, так и к тем 32,9%, которые чувствуют, что ответственны за то, что происходит в стране). Вероятно, низкий уровень социальной ответственности респондентов объясняется тем, что они не связывают гражданские обязанности с ответственностью за судьбу страны (таковых оказалось всего 7,1% из числа опрошенных нами), полагая, что к таковым, прежде всего, относится соблюдение законов (36,3%) и участие в выборах (14,3%). Защита и отстаивание гражданских прав не входит, по мнению респондентов, в число приоритетных коннотаций, определяющих гражданские обязанности (6,8%), а умение их отстаивать в числе качеств гражданина оценивается ниже «любви к своей стране» (10% и 13,5% соответственно).

При этом патриотизм как любовь к Родине для большинства респондентов разво-

рачивается в практиках, преимущественно основанных на воспроизводстве исторической (как правило, военной) памяти и ее героических сюжетов, связанных, прежде всего, с Великой Отечественной войной, о чем свидетельствует характер мероприятий патриотической направленности, в которых принимали участие респонденты. Среди них чаще всех упоминаются праздники, акции в честь Дня Победы (53,2%). Значимую часть мероприятий составляют также поездки по местам боевой славы (46,3%), оборонно-спортивные лагеря (38,1%), поисковые отряды (23%).

Приведенные корреляции не оставляют сомнений в том, что патриотизм и гражданственность в массовом сознании большинства жителей Юга России не связываются как явления, наделенные единым смысловым пространством, что и находит отражение на уровне моделей социального поведения, соответствующих традиционной поведенческой матрице россиян с высоким уровнем социальной пассивности, низкой степенью социальной ответственности и неразвитой культурой гражданской самоорганизации [7].

Заключение

Изучение представлений о патриотизме, патриотизма как ценности и патриотических установок в локальных сообществах на Юге России позволяет сделать следующие выводы.

Эмпирические результаты зафиксировали, что патриотизм населением Юга России воспринимается как явление эмоционально-чувственного характера и связано с любовью к Родине. При этом Родина ассоциируется не с местом проживания, а, прежде всего, с местом рождения, что формирует миграционные установки у определённой части населения, не считающей себя при этом непатриотичной. Высокий уровень патриотизма сточки зрения самооценки жителей Юга России по оси «патриот/непатриот» слабо коррелирует с отношений к патриотизму как ценности, которая занимает низкие рейтинговые позиции в системе жизненно важных ценностей респондентов, в которой доминируют ценности семьи, здоровья, любви, дружбы и материального благополучия. Очевидно это связано с восприятием патриотизма как любви к Родине, проявлением которой, следуя военно-патриотической традиции в России в ее державном и этатистском виде, являются гордость за страну и готовность встать на ее защиту в случае угрожающей ей и ее народу опасности. Такая ситуация складывается из-за непонимания того, как можно проявить патриотизм, оправдать «звание патриота» в условиях обычной гражданской жизни, т.е. речь идет о инструментальной непроясненности содержания патриотизма, всецело воспринимаемого с эмоциональных, нерелексивных позиций, в мир иррационального, не связанного с повседневной жизнью и повседневными практиками.

Эта ситуация характеризует и конативный аспект патриотизма на Юге России, который проявляется на уровне формальных патриотических практик регламентацией патриотического поведения государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и соответствующими программами регионального уровня. Формальные (конструктивистские) патриотические практики, согласуясь с инициативами органов государственной власти, носят державный характер и вписываются в ментальную программу социального поведения в российском обществе. Основой такого – державного патриотизма выступают патриотические практики военно-мобилизационной направленности, о чем свидетельствует не только высокая динамика военно-патриотических клубов, организаций, движений и мероприятий, но и количество вовлеченного в них населения и, прежде всего, молодого.

Даже неформальные патриотические практики в локальных сообществах на Юге России, инициированные самим населением (например, акция «Бессмертный полк», ставшая одной из самых массовых за последние годы [8]), вписаны в установки этатистского содержания и, соответственно, имеют этатистский характер. Их основой выступает героическое прошлое России как источник формирования патриотического сознания и патриотизма героического типа.

Таким образом, для патриотизма на Юге России характерны следующие ключевые характеристики и тенденций:

- доминирование патриотизма державного и этатистского типа, основой которого выступают военно-мобилизационные патриотические практики, детерминирующие формирование патриотического сознания молодежи;
- развитие патриотизма публичного типа, когда за открыто демонстрируемыми патриотическими установками нет реального содержания в виде патриотических практик, направленных на улучшение жизни в стране и повышение благосостояния граждан;
- мифологизация и героизация патриотизма как следствие механизма его воспроизводства посредством актуализации исторической памяти и конструирования исторического сознания населения с опорой на героические события прошлого;
- доминирование формальных, санкционированных органами власти патриотических практик, реализуемых в русле государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», идейное и концептуальное пространство которой строится на принципах державных и этатистских практик военно-мобилизационного характера;
- дефицит гражданственности в структуре патриотизма, что подтверждается низким уровнем социальной ответственности и гражданской активности.

Таким образом, в структуре патриотизма в локальных сообществах на Юге России гражданственность как ценность и нормативный образец для реализации патриотических практик представлена достаточно фасадно, а гражданский патриотизм следует рассматривать как перспективное будущее, для реализации которого, вероятно, потребуются разработка «российской» модели гражданского патриотизма, учитывающей ментальные особенности становления и развития государственности и гражданственности в российском обществе в контексте цивилизационной траектории его развития.

Патриотизм как связанный с гражданскими ценностями и установками характерен не более, чем для 9-10% населения Юга России, если исходить из полученных в ходе нашего эмпирического исследования результатов, и именно эта немногочисленная группа может рассматриваться как идейные носители гражданского патриотизма, полноценной практической реализации которого в условиях российской реальности препятствуют мировоззренческие, ценностно-нормативные и поведенческие рамки традиционной модели социального поведения. Эта модель, архетипическая для российской ментальности и артикулированная в социальной практике россиян вследствие архаизации институциональных практик в социально-политической сфере и повседневной жизни, базируется на установках этатистского содержания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Патриотизм и национальная идея в современной России в контексте национальной безопасности: теоретические аспекты исследования // Патриотизм – национальная идея России. – Ростов н/Д.; Изд-во Фонд науки и образования 2016. С. 44-48.
2. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549–9559.
3. Граждане и государство // <https://www.levada.ru/2018/08/23/grazhdane-i-gosudarstvo-2/print/>
4. Volkov Yu.G., Chernobrovkin I.P., Lubskiy A.V., Bineeva N.K., Gubarev I.V. Civic patriotism in the context of solidarity practices in western european countries // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. №7 (2.13). P. 67-70; Volkov Yu. G., Vereshchagina A. V., Lubsky A. V., Vagina V. O., Gubarev I. V. Patriotism as the Subject of Discursive Practices in Russia // *Astra Salvensis*. 2017. № 2. P. 841-859; Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubskiy A.V., Vagina V.O., Gubarev I.V. Patriotism and solidarity in the west and in Russia // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. 7 (2.13). P. 46-50; Тихомиров Г.А. Патриотизм: основные

- концепции и исследовательские подходы // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 5-1. С. 31-35. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20584758_69735085.pdf.
5. Апажева Е.Х., Зумакулов Б.М., Маремшаова И.И., Цолоев Т.С. Патриотизм или толерантность: межнациональные отношения в полиэтнических обществах XXI в // Вестник КалмГУ. 2017. №4 (36). С. 6-11; Волков Ю.Г., Бинева Н.К., Печкуров И.В. Реализации этнокультурного образования и гражданско-патриотического воспитания на юге России в контексте национальной политики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. №3 (204). С. 86-96. <http://vestnik.adygnet.ru/files/2017.3/5044/86-96.pdf>; Магомедов А.М. Духовно-нравственное единство, культура межнационального общения и патриотизм в традициях народов Дагестана // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2014. №2 (27). С. 38-48; Монастырский Д.В. Патриотическое воспитание как фактор формирования гражданской идентичности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017, Том 9, №3/1. С. 87-90 doi: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-87-91>; Халимбекова М.Х. Религиозное в культуре патриотизма // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. №4. С. 54-58; Койчуев А.А-Дж. К проблеме исследования гражданственности и патриотизма мусульманской молодежи на Северном Кавказе // Исламоведение. 2011. №1. С. 39-46; Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Сетова С.А. Патриотизм как фактор социокультурной интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. №3 (204). С. 188-197; Шевченко О. М., Вагина В. О. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3. С. 304-307.
 6. 6.Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: Монография. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. С. 32-52.
 7. Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. Normative type of personality and mental matrix of social behavior in Russian society // Indian Journal of Science and Technology. Volume 9, Issue 36, September 2016, Article number 102023. DOI: <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i36/10202>
 8. "Бессмертный полк" и парад победы // <https://www.levada.ru/2017/05/26/bessmertnyj-polok-i-parad-pobedy/>

REFERENCES

1. Volkov Yu.G., Lubskiy A.V. Patriotizm i natsional'naya ideya v sovremennoy Rossii v kontekste natsional'noy bezopasnosti: teoreticheskie aspekty issledovaniya. Patriotizm – natsional'naya ideya Rossii.[Patriotism and national idea in modern Russia in the context of national security: theoretical aspects of the study. Patriotism – the national idea of Russia.] Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2016. P. 44-48.
2. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549-9559.
3. Citizens and the state. Available at: <https://www.levada.ru/2018/08/23/grazhdane-i-gosudarstvo-2/print/>
4. Volkov Yu.G., Chernobrovkin I.P., Lubskiy A.V., Bineeva N.K., Gubarev I.V. Civic patriotism in the context of solidarity practices in western european countries. *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. No. 7 (2.13). Pp. 67-70; Volkov Yu. G., Vereshchagina A. V., Lubsky A. V., Vagina V. O., Gubarev I. V. Patriotism as the Subject of Discursive Practices in Russia. *Astra Salvensis*. 2017. No. 2. P. 841-859; Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubskiy A.V., Vagina V.O., Gubarev I.V. Patriotism and solidarity in the west and in Russia . *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. No. 7 (2.13). P. 46-50; Tihomirov G.A. Patriotizm: osnovnye koncepcii i issledovatel'skie podhody. Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii [Tikhomirov G. Patriotism: basic concepts and research approaches . Problems and prospects of education development in Russia]. 2010. No. 5-1.pp. 31-35. Available at: URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20584758_69735085.pdf.
5. E.H. Apazheva, B.M. Zumakulov, I.I. Maremschaova, T.S. Tsoloev Patriotism or tolerance: the international relations in multiethnic societies of the 21st century. *Bulletin of Kalmyk University*. 2017.

- No. (36). pp. 6-11. Available at: http://kalmsu.ru/files/2017/170/Vestnik_4_2017_biblio.pdf; Volkov Yu.G., Bineeva N.K., Pechkurov I.V. Implementation of ethnocultural education and civil patriotic education in the south of Russia in the context of national policy. Bulletin of the Adyghe State University, 1 the series Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology. 2017. No. 3 (204). pp. 86-96. Available at: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2017.3/5044/86-96.pdf>; Magomedov A.M. The spiritual and moral unity, culture of interethnic communication and patriotism in Dagestan people's traditions. *Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*. 2014. No. 2 (27). pp. 38-48 (In Russ.) Available at: <https://dagpsi.elpub.ru/jour/article/view/80/81>; Monastirskiy D.V. Patriotic education as the factor of civil identity formation. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.3. Part. 1. Pp. 87-91. doi: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-87-91>. (in Russian) Available at: <https://www.hist-edu.ru/hist/article/view/2696/2597>; Halimbekova M.H. Religioznoe v kul'ture patriotizma. [Religious in the culture of patriotism] *Izvestiya Dagestanskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Obshchestvennye i Gumanitarnye Nauki*. 2011. No. 4. pp. 54-58 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/religioznoe-v-kulture-patriotizma>; Kojchuev A.A.-Dzh. K probleme issledovaniya grazhdanstvennosti i patriotizma musul'manskoj molodezhi na Severnom Kavkaze. [On the problem of the study of citizenship and patriotism of Muslim youth in the North Caucasus]. *Islamovedenie*. 2011. no. 1. pp. 39-46; Shadzhe A.Yu., Ilyinova N.A., Setova C.A. Patriotism as factor of sociocultural integration. Bulletin of the Adyghe State University, 1 the series Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology. 2017. No.3 (204). Pp. 188-197. Available at: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2017.3/5057/188-197.pdf>; Shevchenko O.M., Vagina V.O. Civil patriotism as an idea of youth consolidation in the south of Russia: the specifics and difficulties of formation. *Humanities of the south of Russia 2017 Vol. 6 no. 3*. pp. 304-307. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.3.27>
6. Mental programs and models of social behavior in Russian society: Monograph. Rostov n/ A: Fund of Science and Education, 2016. pp. 32-52.
 7. Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. Normative type of personality and mental matrix of social behavior in Russian society. *Indian Journal of Science and Technology*. Volume 9, Issue 36, September 2016, Article number 102023. DOI: <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i36/10202>
 8. "Bessmertnyj-polk-i-parad-pobedy. Available at: <https://www.levada.ru/2017/05/26/bessmertnyj-polk-i-parad-pobedy/>

Информация об авторе:

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

Получена: 28.09.2018

Information about the author:

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

Received: 28.09.2018

УДК 37.047

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-65-71

ВЛАДИМИРОВА Светлана Валентиновна
Гуманитарный институт
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
vsv6725@mail.ru,

Svetlana V. VLADIMIROVA
Humanitarian Institute
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
vsv6725@mail.ru

ФИЛИМОНОВА Наталья Владимировна
Гуманитарный институт
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
nota1606@mail.ru,

Natalia V. FILIMONOVA
Humanitarian Institute
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

ХОПИЯЙНЕН Ольга Анатольевна
Гуманитарный институт
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
o_hopiaynen@ugrasu.ru

Olga A. HOPIAYNEN
Humanitarian Institute
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
o_hopiaynen@ugrasu.ru

**ШКОЛА ТЬЮТОРСТВА ПО ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ КАК ФОРМА ЭФФЕКТИВНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ШКОЛА - ВУЗ»**

**TUTORING SCHOOL IN FOREIGN LANGUAGES AS
AN EFFECTIVE FORM OF COOPERATION
"SCHOOL – UNIVERSITY"**

Основными ориентирами модернизации российского образования являются индивидуально-личностное развитие, персонифицированное обучение. Перед отечественными вузами стоит задача качественной профессиональной подготовки выпускников, способных конкурировать на российском и зарубежном рынке труда. Качество вузовского образования зависит от контингента студентов, зачисленных на первый курс. Следовательно, высшие школы должны создавать инновативные способы кооперации с потенциальными абитуриентами, проводить мероприятия по привлечению и дальнейшему продвижению талантливой молодежи. Целью исследования в рамках данной статьи является создание условий консультационного сопровождения и организация системы наставничества потенциальных абитуриентов Югорского государственного университета по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика». В статье описывается функционирование Школы тьюторства по иностранным языкам как эффективной формы сотрудничества преподавателей и студентов с общеобразовательными учреждениями города Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского автономного округа - Югры. Авторы излагают взгляд на организацию системы наставничества, механизмы и инструменты взаимодействия с талантливой молодежью. Результатом работы Школы стали расширение информации по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», выбор его в качестве приоритетного для поступления, привлечение абитуриентов, знакомство с образовательной средой вуза.

The main reference points of modernization of Russian education are the individual and personal development personified trainings. Domestic higher education institutions have a task of high-quality vocational training of graduates, who are capable to compete in the Russian and foreign labor market. The quality of high school education depends on the first-year students. They have to create innovative ways of cooperation with recruiting prospective students, to organize events for attraction and further development of talented youth. The research objective is creation of consulting conditions, organization of mentoring system for potential prospective students of the Yugra State University in 45.03.02 "Linguistics". The article describes the functioning of Tutoring School on foreign languages as an effective form of cooperation of teachers and students with educational institutions of Khanty-Mansiysk and Khanty-Mansi Autonomous Okrug. Authors tell about organization of mentoring system, mechanisms and instruments of interaction with talented youth. The result of Tutoring School work is information spread leading to them selecting 45.03.02 "Linguistics" as major, involving prospective students, their introduction to the environment of a higher education institution.

Ключевые слова: привлечение абитуриентов, иностранные языки, школа тьюторства, наставничество, механизмы взаимодействия, пред-профильная подготовка

Key words: attracting of recruiting prospective students, foreign languages, tutoring school, mentoring, mechanisms of interaction, pre-profile course

Для цитирования: Владимирова С.В., Филимонова Н.В., Хопияйнен О.А.

Школа тьюторства по иностранным языкам как форма эффективного взаимодействия «школа - вуз». *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 65-71.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-65-71.

For citation: Vladimirova S.V., Filimonova N.V., Hopiaynen O.A. Tutoring school in foreign languages as an effective form of cooperation "school - university". *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 65-71.

doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-65-71. (in Russ)

Важной методологической предпосылкой модернизации российского образования является ориентирование на индивидуально-личностное развитие ребенка, разработку индивидуальных программ развития и саморазвития, сочетающих аудиторную и внеаудиторную деятельность (В.В. Сериков, С.В. Белова, Е.В. Бондарская, И.С. Якиманская и другие); становление личности, способной к самоактуализации, саморегуляции, рефлексии, совершенствованию своих интеллектуальных и творческих интенций (К. Гольдштейн, А. Маслоу, К. Роджерс, Л.С. Выгодский, Б.Г. Ананьев, К.А. Абдулханова-Славская, Л.И. Анцыферова, Д.А. Леонтьев и другие) [1], [2].

В условиях переквалификации на персонифицированное обучение высшие учебные заведения выступают важным инструментом реализации проблемно-исследовательского, разноуровневого и разновариантного, модульного, проектного, информационно-коммуникационного обучения, используя накопленный практический, теоретический и методологический опыт, создавая инновативные способы кооперации, чтобы конкурировать на образовательном рынке.

Одним из критериев эффективности работы вуза является выполнение государственного задания Российской Федерации, государственного контракта на оказание услуг по подготовке кадров, то есть прием на обучение студентов первого курса и их последующая качественная подготовка, которая рассматривается как «комплексный показатель, синтезирующий все этапы становления личности, условия и результаты учебно-воспитательного процесса, а также критерий эффективности деятельности образовательного учреждения, соответствие реально достигаемых результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям» [3].

Говоря о качестве образования при поступлении в вуз, следует иметь в виду привлечение талантливой молодежи, имеющей высокие баллы по результатам Единого государственного экзамена, высокие индивидуальные достижения, выдающиеся академические и интеллектуальные данные, а также ее дальнейшее продвижение и развитие.

В отечественной системе высшего образования сложились определенные формы работы с довузовской молодежью, такие как: проведение олимпиад разного уровня, творческих конкурсов, интеллектуальных соревнований, работа профильных классов, создание специализированных школ на базе вузов и многое другое [4]. Однако в современных условиях развития общества необходимы новые формы взаимодействия высших учебных заведений с учащимися выпускных классов, которые бы позволили им ближе познакомиться со спецификой будущей профессии, дальнейшими перспективами трудоустройства и карьеры, приобщиться к образовательной среде вуза.

Конкретной формой сотрудничества федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет» (далее - ЮГУ), школ города Ханты-Мансийска, Ханты-Мансийского автономного округа и других регионов стала Школа тьюторства по иностранным языкам "Marathon" (далее - Школа), функционирующая как самостоятельная ресурсная единица в инфраструктуре высшего профильного образования за счет фокусного воздействия в стратегии повышения мотивации к изучению иностранных языков.

Наставничество (тьюторство) как форма образовательного сопровождения приобрело в последнее время значительную популярность в связи с необходимостью формирования новой педагогической позиции, совмещающей в себе практико- и субъектно-

ориентированный подход. Осмысление тьютора как нового образа педагогической деятельности находит свое выражение в существенном фонде научных исследований, раскрывающем различные аспекты целесообразности этой инновационной педагогической поддержки. Так, реалии и перспективы организации тьюторства в высшей школе раскрыты в работах А.Б. Вифлеемского, Т.М. Ковалевой, Л.В. Бендовой, Н.В. Юняевой, Т.Я. Шиховой [5]; возможности реализации системы наставничества в дистанционном формате, дошкольном образовании, системе предпрофильной подготовки и профильного обучения описаны в трудах Ю.Л. Деранже, С.А. Щенникова, Г.М. Беспаловой, С.В. Дудчик, С.П. Кузьмина, Т.П. Афанасьевой, В.И. Ерошина, Н.В. Немовой, Т.И. Пуденко, И.Э. Куликовской [6].

Весомый вклад в научное и практическое осмысление содержания тьюторской деятельности внесли зарубежные ученые и практики, раскрывая это понятие в многоаспектной плоскости [7], [8], [9]. Являясь исторически традиционной английской системой преподавания [10], тьюторство в зарубежном образовательном пространстве выступает персональным сопровождением в процессе обучения, обеспечивая условия для раскрытия внутреннего потенциала и адаптации к окружающей среде.

Изучение отечественных и зарубежных исследований по данной проблеме показало универсальность подходов при определении содержательных констант понятия различными исследователями, объединяющимися в одно логическое целое: тьюторство - это педагогическая деятельность, включающая в себя комплекс действий, направленных на индивидуализацию образования, выявление и развитие образовательных мотивов и интересов обучающихся, создание условий оптимального использования ресурсов обучения по индивидуальной образовательной траектории, формирование учебной и образовательной рефлексии [11], [12].

В рамках проведенного исследования тьюторство рассматривается как технология создания системы пролонгированного наставничества, включающая последовательную смену видов деятельности от проектирования содержания обучения, продумывания и реализации индивидуальных образовательных маршрутов до получения развивающего результата, а именно результата самоопределения.

Авторы статьи делятся опытом по организации тьюторского сопровождения в предпрофильной подготовке школьников по иностранным языкам, излагают концепцию интеграции и сетевого взаимодействия образовательных учреждений по обеспечению непрерывности развития одаренных обучающихся.

Стратегической целью Школы является создание условий консультационного сопровождения по изучению иностранных языков, организация системы наставничества (тьюторства) для талантливых учащихся - потенциальных абитуриентов для поступления в Югорский государственный университет по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» с привлечением преподавателей кафедры иностранных языков, студентов лингвистических специальностей, представителей партнерских организаций.

Функционирование Школы направлено на развитие экономики, социальной сферы Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, создание образовательной среды в регионе путем привлечения работодателей и общественных организаций (АУ Ханты-Мансийского автономного округа - Югры «ЮграМегаСпорт», ОО «Немецкая национальная культурная автономия», Ханты-Мансийская окружная ОО «Российский Союз Молодежи», Центры обучения иностранным языкам: ООО «МедиаКО», Частное учреждение дополнительного образования «New Sight» и другие).

Деятельность Школы соответствует требованиям российской образовательной политики, согласно которой обеспечивается доступность качественного образования для любых категорий детей через использование интерактивных образовательных и развивающих курсов, в том числе и с использованием VR-технологий.

Необходимость создания новой формы взаимодействия в системе предпрофильного обучения обусловлена сложностями первичного самоопределения будущей профессии.

Отсутствие собственной индивидуальной позиции или неуверенность в ней подтверждают результаты эмпирического исследования, проведенного среди учащихся 9-11 классов средних образовательных учреждений г. Ханты-Мансийска. Общее количество опрошенных составило 153 человека.

Для выявления факторов, определяющих принятие решения по выбору будущей профессии, была разработана авторская анкета, проведены беседы, анкетирование, обобщены результаты, определены и применены на практике эффективные формы, инструменты, механизмы работы с потенциальными абитуриентами.

Проведенное анкетирование показало следующие результаты.

На вопрос, *определились ли Вы с выбором будущей специальности и местом обучения*, 5% опрошенных дали отрицательный ответ; 63% точно знают, какую специальность и в каком вузе они хотят получить; 32% колеблются в принятии решения.

На вопрос, *что мешает в принятии решения, связанного с выбором будущей специальности и места обучения*, 13% респондентов указали на отсутствие конкретной информации по интересующему направлению подготовки на ресурсных сайтах вузов; 17% анкетированных отметили отсутствие информации о перспективах трудоустройства по интересующей специальности; 35% опрошенных указали на отсутствие или недостаточное сотрудничество вуза со средними общеобразовательными учреждениями и, как следствие, отсутствие информации; 10% сомневаются в достаточности знаний по предметам для успешной сдачи Единого государственного экзамена (ЕГЭ); 16% не имели опыта общения с вузовскими преподавателями, поэтому испытывают неуверенность; 9% респондентов никогда не были в высшем учебном заведении, поэтому сомневаются, смогут ли адаптироваться к новой форме и модели обучения.

Обобщение данных анкетирования позволило определить следующие задачи, которые обусловили в дальнейшем мотивированность при учреждении Школы на базе Югорского государственного университета:

- расширение информирования о направлении подготовки 45.03.02 «Лингвистика», перспективах трудоустройства и карьеры;
- расширение сотрудничества между преподавателями, студентами данного направления и средними общеобразовательными учреждениями;
- определение форм эффективного сотрудничества «школа - вуз»;
- определение механизма и инструментов взаимодействия со средними образовательными учреждениями;
- создание условий для адаптации учащихся в образовательной среде вуза.

Механизм функционирования Школы тьюторства состоял в реализации трехуровневой модели:

- вуз (преподаватели кафедры иностранных языков, студенты направления подготовки «Лингвистика»);
- школа (учителя иностранных языков);
- учащиеся.

В качестве инструмента взаимодействия было выбрано нескольких видов тьюторской поддержки - модульной и индивидуальной (персональной), при которой становится возможным наставничество для талантливых детей как потенциальных абитуриентов.

Являясь системным образованием, Школа соединила активные и дистанционные формы взаимодействия в цепочке «вуз - школа - учащиеся»:

1. Дистанционные формы:

- разработка, трансляция и контроль заданий по иностранным языкам в модульном тематическом формате по видам речевой деятельности: «Чтение», «Аудирование», «Письмо», «Лексика и грамматика» через организационно-информационную среду университета (сайт ЮГУ, учебно-информационная платформа Института дополнительного образования, группа «ВКонтакте»);

- осуществление пролонгированного наставничества в течение выполнения всех модулей в виде дистанционного консультирования по технике выполнения заданий различной направленности в формате Feed-back, а также индивидуальной кооперации.

2. Прямые активные формы:

- организация коучинг-сессий в виде присутственных семинаров;
- проведение мастер-классов по подготовке к выполнению заданий Всероссийской олимпиады школьников по иностранным языкам, сдаче ЕГЭ и обязательного государственного экзамена (ОГЭ);
- проведение преподавателями лекций в аудиторном режиме и режиме онлайн по актуальным вопросам лингвистики, технике выполнения заданий тематических блоков;
- работа мобильных коуч-групп, состоящих из преподавателей и студентов направления подготовки «Лингвистика», для профориентационной работы, консультирования, организации тематических мероприятий внеклассного характера.

Алгоритм взаимодействия включал следующие этапы:

1. Вводно-организационный этап:

- информирование школ города Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского автономного округа, других регионов о создании, программе Школы в виде рассылки информационных писем, их размещение на сайте университета, в группе «Кафедра иностранных языков» «ВКонтакте»;
- установление контактов с учителями иностранных языков для привлечения талантливых обучающихся к участию в интерактивной форме взаимодействия в формате Школы;
- использование ресурсных возможностей университета для организации присутственных сессий, мастер-классов, чтения лекций, согласования и утверждения расписания;
- составление заданий по видам речевой деятельности, их загрузка на учебно-информационную платформу Института дополнительного образования.

2. Концептуально-технологический этап:

- выполнение заданий по видам речевой деятельности на учебно-информационной платформе;
- осуществление контроля за выполнением в виде тьюторской поддержки удаленного типа в форме интерактивных консультаций на образовательной платформе, кооперации в формате Feed-back;
- проведение присутственных коучинг-сессий (мастер-классы, лекции, тренинги);
- проведение тестирования по окончании сроков выполнения заданий тематического модуля.

3. Аналитико-рефлексивный этап:

- ранжирование результатов тестирования;
- анализ отчетных данных дневников тьюторов для определения эффективности/неэффективности проводимой работы.

Проведенное после окончания работы Школы профориентационное анкетирование ее участников показало определенную динамику в вопросах выбора будущей профессии и места обучения. Уменьшилось количество респондентов, не определившихся (2%) и колеблющихся в принятии решения (15%).

В ходе индивидуальных бесед было установлено, что благодаря мастер-классам, индивидуальному консультированию с преподавателями, участию в коучинг-сессиях учащиеся получили представление о будущей специальности, ее специфике, возможностях трудоустройства. Выполнение заданий по видам РД на образовательной платформе, интерактивное консультирование преподавателей способствовали углублению и расширению знаний по иностранным языкам, оказали действенную помощь в подготовке к сдаче ЕГЭ. Участие в тематических мероприятиях внеклассного характера, общение со студентами и преподавателями помогли приобщиться к образовательной среде вуза. Та-

ким образом, деятельность Школы можно считать эффективной формой сотрудничества в системе «школа - вуз», механизмы взаимодействия которой помогли учащимся принять решение о поступлении в ЮГУ по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» как приоритетному.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антилогова Л.Н., Черкевич Е.А. Самоактуализация и смысложизненные ориентации мужчин и женщин зрелого возраста в контексте задач непрерывного образования // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. - 2017. - № 2 (22). - С. 99-106.
2. Забелина А.Б. Проблема самоактуализации личности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. - 2013. - №3 (7). - С. 26-32.
3. Болотов В.А. Система оценки качества российского образования // ка. - 2006. - № 1. - С. 22-31.
4. Мартыненко О.О., Полищук А.И. Проблемы качественного состава абитуриентов российских вузов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. - 2012. - № 5(18). - С. 33-49.
5. Ковалева Т.М. Реализация тьюторской модели в системе дополнительного профессионального образования / Развитие практик тьюторского сопровождения в системе дополнительного профессионального образования: Сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. тьютор. конф. 15-16 октября 2013 г. - Архангельск: Изд-во АО ИОО, 2013. - С. 6-11.
6. Беспалова Г.М. Тьюторское сопровождение: организационные формы и организационные эффекты // Директор школы. - 2007. - № 7.
7. Palfreyman D. The Oxford Tutorial: Sacred Cow or Pedagogical Gem? // The Oxford Tutorial: "Thanks, you taught me how to think". - OxCHEPS, 2001. - Pp. 1-16. 6.
8. Beck R.J. Towards the Pedagogy of the Oxford Tutorial. URL: http://www2.lawrence.edu/fast/beckr/pdfs/OxfordTutorial_7_05_06.pdf (дата обращения: 05.06.2018).
9. Ruan A.A Liberal Education: and that includes the Sciences! / A.A. Ruan // The Oxford Tutorial: "Thanks, you taught me how to think". - OxCHEPS, 2001.
10. Meyer Emily, and Smith Louise Z. 1987. The Practical Tutor. - New York: Oxford University Press. URL: <http://education.stateuniversity.com/pages/2514/Tutoring-HIGHER-EDUCATION.html> (дата обращения: 03.10.2018).
11. Городецкая Н.А. Дидактические условия тьюторского сопровождения дистанционного повышения квалификации педагогов // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. - 2014. - № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-usloviya-tyutorskogo-soprovozhdeniya-distantionnogo-povysheniya-kvalifikatsii-pedagogov> (дата обращения: 05.10.2018).
12. Байбородова Людмила Васильевна, Новикова Елена Васильевна Педагогическое сопровождение предпрофильной подготовки школьников // Ярославский педагогический вестник. - 2016. - № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-soprovozhdenie-predprofilnoy-podgotovki-shkolnikov> (дата обращения: 05.10.2018).

REFERENCES

1. Antilogova L.N., Cherkevich E.A. Samoaktualizaciya i smy'slozhiznennyy'e orientacii muzhchin i zhenshhin zrelogo vozrasta v kontekste zadach nepreryv'nogo obrazovaniya [Self-updating and life meaning orientations of men and women of mature age in the context of continuous education problems]. Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionny'x texnologij = Bulletin of the Siberian institute of business and information technologies. 2017. No. 2 (22). Pp. 99-106 (In Russ.).
2. Zabelina A.B. Problema samoaktualizacii lichnosti [Problem of self-updating of the personality]. Gumanitarnyy'e vedomosti TGPU im.L.N. Tolstogo. = Humanitarian sheets of TGPU of L.N. Tolstoy. 2013. No. 3 (7). Pp. 26-32 (In Russ.).
3. Bolotov V.A. Sistema ocenki kachestva rossijskogo obrazovaniya [System of assessment qualities of Russian education]. Pedagogika. = Pedagogics. 2006. No. 1. Pp. 22-31 (In Russ.).
4. Marty'nenko O.O., Polishhuk A.I. Problemy' kachestvennogo sostava abiturietnov rossijskix vuzov [Qualitative structure problems of recruiting prospective students in Russian higher education in-

- stitutions]. Territoriya novy`x vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i servisa. = Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok state university of economy and service. 2012. No. 5(18). Pp. 33-49 (In Russ.).
5. Kovaleva, T.M. Realizaciya t`yutorskoj modeli v sisteme dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya [Realization of tutors model in the system of additional professional education] / Razvitiye praktik t`yutorskogo soprovozhdeniya v sisteme dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya: sb. materialov Vserossijskoj nauch.-prakt.t`yutorskoj konferencii 15–16 oktyabrya 2013 goda. Arxangel`sk: izd-vo AO IOO. = Arkhangelsk: AO IOO'S publishing house. 2013. Pp. 6-11 (In Russ.).
 6. Bespalova G.M. T`yutorskoe soprovozhdenie: organizacionny`e formy` i organizacionny`e e`ffekty` [Tutoring: forms and effects of the organization]. Direktor shkoly`. = Principal. 2007. No. 7 (In Russ.).
 7. Palfreyman D. The Oxford Tutorial: Sacred Cow or Pedagogical Gem? // The Oxford Tutorial: "Thanks, you taught me how to think". OxCHEPS, 2001. Pp. 1-16. 6. (In English).
 8. Beck R. J. Towards the Pedagogy of the Oxford Tutorial [E`lektronny`j resurs]. — Rezhim dostupa: http://www2.lawrence.edu/fast/beckr/pdfs/OxfordTutorial_7_05_06.pdf (accessed: 05.06.2018). (In English).
 9. Ruan, A.A Liberal Education: and that includes the Sciences! [Text] / A.A. Ruan // The Oxford Tutorial: "Thanks, you taught me how to think". OxCHEPS, 2001. (In English).
 10. Meyer Emily, and Smith Louise Z. 1987. The Practical Tutor. New York: Oxford University Press. Rezhim dostupa: <http://education.stateuniversity.com/pages/2514/Tutoring-HIGHER-EDUCATION.html> (accessed: 03.10.2018). (In English).
 11. Gorodeczkaya N.A. Didakticheskie usloviya t`yutorskogo soprovozhdeniya distancionnogo povy`sheniya kvalifikacii pedagogov [Didactic conditions of tutoring by remote professional development of teachers]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Sociokinetika = Bulletin of the Kostroma state university. Series: Pedagogics. Psychology. Sotsiokinetika. 2014. No. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-usloviya-tyutorskogo-soprovozhdeniya-distantsionnogo-povysheniya-kvalifikatsii-pedagogov> (accessed: 05.10.2018) (In Russ.).
 12. Bajborodova Lyudmila Vasil`evna, Novikova Elena Vasil`evna Pedagogicheskoe soprovozhdenie predprofil`noj podgotovki shkol`nikov [Pedagogical tutoring of school students in pre-profile course]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin. 2016. No. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-soprovozhdenie-predprofilnoy-podgotovki-shkolnikov> (accessed: 05.10.2018). (In Russ.).

Информация об авторах:

Владиминова Светлана Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
vsv6725@mail.ru

Филимонова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
nota1606@mail.ru

Хопияйнен Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
o_hopaiyenen@ugrasu.ru

Получена: 07.10.2018

Information about the authors:

Svetlana V. Vladimirova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Humanitarian Institute, Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
vsv6725@mail.ru

Natalia V. Filimonova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanitarian Institute, Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

Olga A. Hopiaynen, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanitarian Institute, Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
o_hopaiyenen@ugrasu.ru

Received: 07.10.2018

УДК 33

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-72-77

ГРИГОРЬЕВ Олег Вячеславович
Новосибирский военный институт
им. И.К. Яковлева войск национальной
гвардии Российской Федерации
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Oleg V. GRIGORIEV
Novosibirsk Military Institute named
after I.K. Yakovlev Forces of the National Guard
of the Russian Federation
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

ЗАКОННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

LEGALITY, JUSTICE AND DEMOCRACY IN THE COORDINATE SYSTEM OF THE RUSSIAN JUDICIAL POWER

Статья посвящена проблемным вопросам формирования российской судебной системы в ходе проведения реформ в России. В статье представлены суждения автора по вопросам генезиса судебной системы как в Российской Федерации, так и за рубежом. Рассмотрены некоторые исторические аспекты формирования судебной системы в России. Осуществлена попытка раскрыть роль и место судебной власти в построении подлинно демократического, правового государства. Автор анализирует подходы к праву на Западе и в России, приходя к мысли о том, что российское право является неотъемлемой частью западного права, однако обладает целым рядом принципиальных отличий, которые затрагивают и судебную власть. Автор статьи доказывает положение о том, что в любом современном государстве суд имеет функционал, существенно превышающий исконно в нем заложенный. Судебная власть современного государства является символом народного духа, мерилом общей и специальной (правовой) культуры, критерием уровня демократии и социальной ответственности правителей. Судебная власть каждого конкретного государства формирует систему координат, которая придает данному обществу уникальность и целостность. Автор, охарактеризовав взаимоотношения исполнительной и судебной власти в России в разные исторические периоды, приходит к выводу о том, что суд должен стать гарантом демократичности, справедливости и стабильности политико-правовой системы государства. Также в статье отмечается, что судебная власть феноменальна: только суд полномочен выносить приговор и назначать наказание, и только решения судов обладают общеобязательностью для выполнения всеми субъектами правовых отношений на всей территории страны. В заключение высказано мнение автора о том, что защита права должна быть возложена не на законодателя, а на правосудие. Все иные охранительные органы защищают не само право, а субъектов отношений. Субъект может быть защищен, а право нарушено, но если право защищено, то субъект всегда защищен.

Ключевые слова: судебная система в России, исторические аспекты, государственная власть, субъект права, современные подходы

The article is devoted to the problematic issues of the formation of the Russian judicial system in the course of the reforms in Russia. The article presents the author's opinions on the genesis of the judicial system, both in the Russian Federation and abroad. Some historical aspects of the formation of the judicial system in Russia are considered. An attempt was made to reveal the role and place of the judiciary in building a truly democratic, legal state. The author analyzes the approaches to law in the West and in Russia, coming to the conclusion that Russian law is an integral part of Western law, but it has a number of fundamental differences that also affect the judiciary. The author proves the proposition that in any modern state the court has a functionality substantially exceeding the originally laid down in it. The judicial power in the state is a symbol of the national spirit, a measure of general and special (legal) culture, a criterion of the level of democracy and the social responsibility of rulers. With the power of each particular state are defined forms a system of coordinates, which gives this society the uniqueness and integrity. The author, describing the relationship between the executive and the judiciary in Russia in different historical periods, concludes that the court should become the guarantor of democracy, justice and stability of the political and legal system of the state. He observes that the judiciary is phenomenal, that only the court is authorized to impose a sentence and impose a punishment, and only court decisions are generally binding for all subjects of the legal relationship to be implemented throughout the country. In conclusion, the author expressed the opinion that the protection of the right should not be entrusted to the legislator, but to justice. All other security agencies do not protect the right, but the subjects of the relationship. The subject can be protected and the right is violated, but if the right is protected, the subject is always protected.

Key words: judicial system in Russia, historical aspects, state power, subject of law, modern approaches

Для цитирования: Григорьев О.В. Законность, справедливость и демократия в системе координат российской судебной власти. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2. с. 72-77.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-72-77.

For citation: Grigoriev O.V. Legality, justice and democracy in the coordinate system of the Russian judicial power. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 72-77.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-72-77. (in Russ)

История Отечества - постоянный и непрерывный диалог между прошлым и настоящим. Это сложный процесс, в котором насущные проблемы дня нынешнего неизменно требуют анализа аналогичных или сходных проблем прошлого. Если это так, то изучение истории России сегодня нужнее, чем когда-либо прежде. Ведь известно: кто знает прошлое, тот уверенно руководит днем сегодняшним и предвидит будущее. Совсем не случайно автор данной научной публикации обращается к нужной для современного общества теме «Судебная власть в России» (далее по тексту - СВВР), которая функционирует в контексте постоянных государственных преобразований.

СВВР представляет значительный научный интерес как в историческом, так и в правовом аспекте для выяснения степени соотношения знакомого и неизвестного в исследуемой проблеме. Современное научное сообщество заинтересовано в изучении данных вопросов, что обусловлено необходимостью приращения новых знаний, располагая которыми будет возможно учесть положительный опыт реформирования и деятельности СВВР в прошлые исторические периоды и избежать ошибок в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе, что подчеркивает существенную актуальность заявленной темы исследования.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на актуальность, важное теоретическое и прикладное значение исследования деятельности судебной власти в России, фундаментальных разработок по теме проводилось недостаточно и отдельные стороны деятельности судебной власти не освещены в научной литературе должным образом.

Соответственно, актуальность темы предопределила научную задачу аналитического проекта - исследование проблемных вопросов формирования и деятельности судебной власти в России.

При анализе проблемы становления и функционирования СВВР важно учитывать ее особенности. Все потому, что СВВР, в отличие от других государственных институтов, весьма консервативна и совсем не желает менять имеющееся состояние. Именно поэтому любые усилия, направленные на изменение существующего порядка вещей, должны быть связаны с поступательным движением общественности на следующий этап преобразований, то есть реформирование назрело. Модернизация системы должна проводиться комплексно, реформирование должно быть структурным, в русле иных политико-социальных совершенствований и подкрепляться потенциалом и желанием преобразователей довести дело до логического проектного завершения.

Отчасти это происходит и потому, что российское право (по своей сути неотъемлемая часть западного права) обладает рядом принципиальных отличий, которые затрагивают собственно судебную власть. В европейских публичных традициях обращаться к библейским догмам, которые извечно предусматривают компетентную и относительно автономную судебную власть, даже в ранние периоды европейской истории было нормальной практикой [1].

Принято считать, и по большому счету это, наверное, корректно, что право на Западе воспринимается как символ индивидуальности и свободы (*право каждого заканчивается ровно там, где начинается право другого*). Эта свобода становится высшей ценностью, признается и защищается государственным аппаратом легитимного насилия. Само по себе государство становится пропагандистом и гарантом действенности правовых установлений, которые, в свою очередь, часто основаны на судебных решениях. Государство, применяя решения одного уровня к субъектам права различных уровней, на практике реализует принцип равенства всех перед законом, формируя веру в справедливость, действенность права. При этом право остается самостоятельным, целостным, является

безотносительно ценным, а не трансформируется в угоду конъюнктурным политическим решениям.

Необходимо отметить, что идеи верховенства суда как олицетворения демократического государства подтверждаются и тенденциями правового развития суда в современном мире:

1) сохранение судебного правотворчества (прецедентное право) и импичмента (в системе горизонтального социального контракта);

2) создание конституционных судов, проверяющих официальное законодательство на их соответствие конституции (формализованному социальному контракту) и наделение общих судов правом постановки вопроса о неконституционности подлежащей применению нормы законодателя (в системах вертикального социального контракта);

3) судебная система современного демократического государства включает не только систему государственных судов, но и негосударственных форм судебного разрешения правовых споров [3].

Государственная власть в России объективно всегда стремилась к тому, чтобы властвовать безраздельно и абсолютно, всякое умаление ее роли ей невыгодно. Ведь если СВвР подчиняется только закону (именно такой принцип содержится в действующем законодательстве), то вопрос о мере решается не судом, а волей законодателя (законность). СВвР становится обслуживающим элементом политической воли, а не источником правовой воли [4].

В России определяющим фактором степени «огосударствления» судебной власти, а следовательно, и большей / меньшей ее подчиненности или зависимости от административной власти является сложившийся в обществе тип «социального контракта». Исторически сложилось так, что российский тип судебной власти условно можно обозначить в качестве административно-полицейского (наказательно-управляющего).

В то же время нельзя вообразить СВвР без взаимоотношения с общеевропейскими судебными системами: формирования, правового созревания и продолжительного исторического пути, преодоленного правосудием. К тому же многие «загадки» СВвР подсознательно нам ясны, но не могут быть логически обоснованы. В связи с этим нельзя не согласиться с Г.К. Костровым, который заявляет, что «лимитировать власть можно только противопоставлением ей другой власти - власти личности, представленной в первую очередь правами человека и гражданина. Когда судьи добросовестно и высокопрофессионально выполняют свои должностные обязанности, обеспечивая, как это предписано Конституцией, права и свободы человека и гражданина, когда судебные акты соответствуют праву в подлинном его смысле и не обязательно - ожиданиям властных структур, это и есть утверждение судебной власти, торжество правосудия» [5, с. 24].

В России суд является основным органом, гарантирующим права и свободы граждан, а также обеспечивающим взаимответственность личности и государства. Однако в полной мере об этом «можно говорить только тогда, когда суд наделен полномочиями, дающими ему возможность реально защищать «территорию свободы» личности от вторжения законодательной и исполнительной властей» [6].

Судебная власть большинства современных стран основана на правовых отношениях и правовых практиках, существующих в государстве. Чаще всего правовому регулированию подвергаются:

1) отношения, каким-то образом связанные с переходом неких ценностей (как материального, так и нематериального характера). Именно собственность, как правило, и нуждается в судебной защите. Что бы там ни говорили политические и религиозные деятели, человек всегда боролся за возможность обладать и пользоваться частной собственностью;

2) следующий компонент относится к регулированию властных функций, взаимоотношений сюзерена и вассала, хозяина и работника, господина и слуги (раба), статуса, одновременно закрепляющего власть и собственность, а также обязанности беспрекословного подчинения для представителей низших слоев общества;

3) последний компонент обеспечивал правопорядок. Общественные катаклизмы, порожденные покушениями на частную собственность, властные устои, а также обыденный порядок, жизненный уклад народонаселения, с появлением государственно-подобных образований пресекались безапелляционно и решительно. Нарушителей правовых установлений всегда ждал суд, строгий и беспощадный.

Безусловно, то, что мы говорим о прописных истинах, вещах, абсолютно понятных и никем не оспариваемых, но именно от практики применения указанных норм, формата протекающих процессов в конечном счете и зависит то, какой именно будет судебная система в том или ином государстве.

Собственно обстановка, в которой живет население, «бытие», обуславливает и предопределяет систему правил, максимально удобную и оптимальную для конкретного общества. При этом совершенно не обязательно, что именно право будет по иерархии занимать доминирующие позиции. По мнению А.В. Полякова, «...в одних обществах право представляет собой высшую социальную ценность, подчиняя себе остальные ценности, в том числе моральные и религиозные. В других - оттесняется на второй план и играет роль вспомогательную» [7, с. 255].

Необходимо отметить, что суд, судебная власть определенного общества, занимает совершенно уникальную позицию. Суд призван разрешать возникающие споры. И на первом этапе становления и функционирования по большей части суд опирался на моральные и религиозные основы. С развитием права моральные устои и религиозные догмы стали играть в судебных заседаниях менее значимую роль. Судья, применяя нормы права, задавал строгий алгоритм общественных отношений. Порой мораль и религия становились лишь ширмой, за которой скрывался подлинный смысл происходящего.

В любом государстве сегодня суд сам по себе имеет функционал, существенно превышающий изначально в нем заложенный. Судебная власть государства стала символом народного духа, мерилем общей и специальной (правовой) культуры, критерием уровня демократии и социальной ответственности правителей. Судебная власть каждого конкретного современного государства определенно формирует систему координат, которая придает данному обществу уникальность и целостность.

Функционально-структурная характеристика государственной судебной власти обычно построена в зависимости от соотношения правового и политического содержания осуществляемых функций и представлена (как правило) в классической последовательности: уголовный суд; гражданский суд; административный суд; конституционный суд; экономическое правосудие. Оставаясь в системе государственного правосудия, все перечисленные формы правосудия приобретают административно-политическую окраску.

Впрочем, для России основополагающая роль государства неизменно имела имманентно-стабильный режим. Отдельные элементы западной культуры, где априори «недостаточно государственной воли», россиянами отчуждались, были не поняты, а значит, и не приняты.

Развитие российского общества под доминантой татаро-монгольского деспотизма и рецепция византийских правовых установлений стали прочной основой непомерно сильного государства. Для российских правителей суд был административно-вспомогательным органом, который к тому же часто собирался по случаю, личность судьи значения не имела, результат был уже известен. Цари-императоры не могли поверить, что без высочайшей воли кто-либо мог «вершить суд праведный» и решать судьбу подданных.

Однако правосудие не является применением права, это его опора. Правосудие - это то, что реализуется в суде. В этом плане разницы на уровне культур, правовых систем не обнаруживается. Именно потому, что правосудие есть право в действии (и, наоборот, право есть действительность правосудия), его существо и назначение кроется в защите. «Судебная власть, - писал известный юрист С.В. Позднышев, - есть ветвь власти государственной, которая должна быть осуществляема отдельными органами, не несущими

функций административных или законодательных, и которая призвана осуществлять закон, утверждать его господство и бороться с произволом и насилием» [8, с. 46].

Конечно, пока СВВР объективно не может быть освобождена от влияния политического фактора. Политическая независимость судебной власти в современной России пока лишь формальна и не позволяет исключить влияние политического фактора даже в гражданском и экономическом правосудии. Попытки современных российских реформаторов сделать правосудие социально-правовым (защитительно-ограничительным) частенько наталкиваются на нежелание властей предрекать выпускать из своих рук мощный политический инструмент - «басманное» правосудие.

Между тем вектор развития современной СВВР должен быть направлен на то, чтобы суд (в широком смысле) можно было рассматривать как символ новой политико-правовой системы, гарант концепции организации демократического государства. Феноменальность судебной власти в том, что по закону только суд полномочен выносить приговор и назначать наказание, обрекая подсудимого претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное им правонарушение. Только решения судов обладают общеобязательностью для выполнения всеми субъектами правовых отношений на всей территории страны [9].

Современным реформаторам российской судебной системы необходимо осознать, что защита права должна быть возложена не на законодателя, а на правосудие. Все иные охранительные органы защищают не право, а субъектов отношений. Субъект может быть защищен, а право нарушено, но если право защищено, то субъект всегда защищен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. - М.: Хранитель, 2006. - 512 с.
2. Баренбойм П.Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд сьютера. - М.: Росспэн, 2003. - 288 с.
3. Бергель Ж.-Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. - М.: NOTA BENE, 2000. - 576 с.
4. Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. - М.: Кучково поле, 2001. - 484 с.
5. Костров Г.К. Как правосудию стать правосудным? // Журнал российского права. - 2004. - № 10.
6. Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. - М.: Проспект, 2003. - 720 с.
7. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. - СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. - 470 с.
8. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. - 1997. - № 8.
9. Кутафин О.Е. Судебная власть в России. История. Документы: в 6-ти т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. - М.: Мысль, 2003. Т. 1: Начала формирования судебной власти. - 702 с.

REFERENCES

1. Ilyin I.A. Obshcheye uchenie o prave i gosudarstve [The General Theory of Law And the State]. Moscow: Khranitel, 2006. 512 p. (In Russ.).
2. Barenboim P.D. 3000 let doktriny razdeleniya vlastej. Sud s'yutera [3,000 Years of the Doctrine of Separation of Powers. Court Suter]. Moscow: Rosspen, 2003. 288 p. (In Russ.).
3. Bergel J.-L. Obshchaya teoriya prava [The General Theory of Law]. Under total ed. V.I. Danilenko / Trans. from French. Moscow: NOTA BENE. 2000. 576 p. (In Russ.).
4. Zolotarev V.A. Voennaya bezopasnost' Gosudarstva Rossijskogo [Military Security of The Russian State]. Moscow: Kuchkovo Pole, 2001. 484 p. (In Russ.).
5. Kostrov G.K. Kak pravosudiyu stat' pravosudnym? [How Can Justice Become Justice?]. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law. 2004. No. 10. (In Russ.).
6. Sudebnaya vlast' [Judicial Power]. Ed. by I.L. Petrukhin. Moscow: Prospect, 2003. 720 p. (In Russ.).
7. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. Problemy interpretacii v kontekste kommunikativnogo podhoda [The General Theory of Law. Problems of Interpretation in the Context of a Communica-

tive Approach]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. State University, 2004. 470 p. (In Russ.).

8. Dmitriev Yu.A., Cheremnykh G.G. Sudebnaya vlast' v mekhanizme razdeleniya vlastej i zashchite prav i svobod cheloveka [Judicial Power in the Mechanism of Separation of Powers and The Protection of Human Rights and Freedoms]. Gosudarstvo i pravo = State and Law. 1997. No. 8. (In Russ.).
9. Kutafin O.E. Sudebnaya vlast' v Rossii. Istoriya. Dokumenty [Text]: v 6-ti t. [Judicial Power In Russia. History. Documents [Text]: In 6 Vol.]. O.E. Kutafin, V.M. Lebedev, G.Yu. Semigin. Moscow: Thought, 2003. Vol. 1: Beginning Of The Formation Of The Judiciary. 702 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Григорьев Олег Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Получена: 07.10.2018

Information about the author:

Oleg V. Grigoriev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk Military Institute named after I.K. Yakovlev Forces of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

Received: 07.10.2018

УДК 316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-78-84

ГРУШЕВСКИЙ Сергей Павлович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
spg@math.kubsu.ru

Sergey P. GRUSHEVSKIY
Kuban State University
Krasnodar, Russia
spg@math.kubsu.ru

ЛАЗАРЕВ Виктор Андреевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
victor_lazarev@mail.ru

Victor A. LAZAREV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
victor_lazarev@mail.ru

**К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НА КУБАНИ: ЛЮДИ,
СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ**

**TO THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF
MATHEMATICAL EDUCATION IN THE KUBAN:
PEOPLE, EVENTS, TIME**

В статье рассматриваются отдельные проблемы развития математического факультета Кубанского государственного университета (КубГУ) с 1970 по 1991 год, т.е. с момента его вторичного открытия, участие в этом развитии учёных ведущих математических центров СССР. 70-90-е годы были периодом становления Кубанского государственного университета, когда влияние учёных и научных школ других университетов было существенным. Обсуждается кадровая политика, в частности, пополнение преподавательского состава математического факультета выпускниками МГУ, затрагиваются вопросы открытия базовой физико-математической школы университета, летних и зимних физико-математических школах. Перечисленные виды деятельности имеют непосредственное отношение к первым приехавшим в Краснодар математикам, проректору КубГУ по науке, выпускнику механико-математического факультета Московского государственного университета – Игорю Петровичу Митюку (06.01.1928 – 25.09.1995), представителю ростовской школы математиков Н.В. Говорову (05.12.1928– 1981), заведующему кафедры математического анализа Кубанского университета, выпускнику физмата Казанского университета З.Б. Цалюку. 80-ые годы были началом развития на математическом факультете исследований по прикладной математике под руководством В.Г. Лежнева – выпускника мехмата МГУ, а в настоящее время профессора факультета математики и компьютерных наук КубГУ.

The article deals with individual problems of the development of the mathematical faculty of the Kuban State University (KubSU) from 1970 to 1991, i.e. from the moment of its secondary discovery, participation in this development of scientists from leading mathematical centers of the USSR. The 70-90s were the period of the formation of the Kuban State University, when the influence of scientists and scientific schools of other universities was significant. The personnel policy is discussed, in particular, the replenishment of the faculty of the Faculty of Mathematics by graduates of Moscow State University, issues of opening the basic physics and mathematics school of the university, summer and winter physics and mathematics schools are also touched upon. The listed activities are directly related to the first mathematicians who arrived in Krasnodar, Vice-Rector of KubSU for science, a graduate of the Faculty of Mechanics and Mathematics of Moscow State University, Igor P. Mituyk (01/06/1928 – 09/25/1995), a representative of the Rostov school of mathematicians N.V. Govorov (12/05/1928 – 1981), head of the Department of Mathematical Analysis of the Kuban University, a graduate of the Physics Department of the Kazan University Z.B. Tsalyuk. The 80s were the beginning of the Development of Applied Mathematics Research at the Faculty of Mathematics under the direction of V.G. Lezhnev, a graduate of the Faculty of Mechanics and Mathematics of Moscow State University, and now a professor at the Faculty of Mathematics and Computer Science of the Kuban State University.

Ключевые слова: развитие математического факультета, участие выпускников МГУ, влияние учёных и научных школ, кадровая политика, базовая физмат школа университета, летние и зимние физико-математические школы, принцип симметризации, классы аналитических функций, теории плоских и пространственных квазиконформных отображений, обобщение теории целых функций

Key words: development of Faculty of Mathematics, participation of graduates of Moscow State University, influence of scientists and scientific schools, personnel policy, basic physics and mathematics school of university, summer and winter physics and mathematics schools, principle of symmetrization, classes of analytical functions, theory of flat and spatial quasiconformal mappings, generalization of theory of entire functions

Для цитирования: Грушевский С.П., Лазарев В.А. К истории развития математического образования на Кубани: люди, события, время. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2. с. 78-84.
doi 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-78-84.

For citation: Grushevskiy S.ergey P., Lazarev V.A. To the history of the development of mathematical education in the Kuban: people, events, time. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 78-84.
Doi 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-78-84. (in Russ)

В статье речь будет идти о некоторых аспектах развития математического факультета Кубанского государственного университета (КубГУ) с 1970 по 1991 год, т.е. с момента создания Кубанского университета до начала 90-х годов и участие в этом развитии учёных математических центров, таких городов, как Москва, Ростов, Казань и др. 70-90-е годы были периодом становления математики и математического образования на Кубани. Безусловно, будут затронуты только отдельные проблемы, кадровая политика, в частности, пополнение преподавательского состава математического факультета из выпускников МГУ; кратко - открытие базовой физико-математической школы в Краснодаре, летние и зимние физико-математические школ, развитие вычислительной математики.

Все перечисленные виды деятельности имеют непосредственное отношение к первому проректору КубГУ по науке, выпускнику механико-математического факультета Московского государственного университет - Игорю Петровичу Митюку (06.01.1928 – 25.09.1995) [5].

В 1950 году после окончания МГУ Игорю Петровичу не удалось сразу поступить в аспирантуру (один из его родственников был репрессирован) и по распределению он был направлен в Майкопский педагогический (учительский) институт, где работал несколько лет преподавателем, а затем заведовал кафедрой. Игорь Петрович всегда с теплотой вспоминал первые шаги своей педагогической деятельности в Майкопе. Напомним, что в те годы Адыгейская автономная область была в составе Краснодарского края.

В 1958 году И.П. Митюк поступает в аспирантуру Киевского политехнического института. После защиты кандидатской диссертации (1962) а затем и докторской (1966) он приглашается (1969) на должность проректора по научной работе КубГУ. Приглашение делает ректор университета Новиков К.А., с которым они вместе работали в Майкопском педагогическом институте в 50-е годы. Подчеркнём, что здесь напрямую сработал, так называемый, социальный капитал, действия которого, так или иначе, будет просматриваться в этой статье.

Уже в начале педагогической деятельности проявились основные черты И.П. Митюка: профессионализм, целеустремлённость, трудолюбие, честность – необходимые черты характера при формировании научного капитала молодого университета, и его контактность – важная черта при развитии социального капитала. В КубГУ он одновременно занимает должность и заведующего кафедрой теории функций (1970-1995). Впоследствии, уйдя с должности проректора, становится деканом математического факультета (1981-1989). Заработанный им авторитет, приобретённые ещё в студенчестве и первые годы работы интеллектуальный и человеческий капиталы впоследствии сказались на его работе как организатора научных школ и играли важную роль в развитии математики и математического образования на Кубани. О математических работах И.П. Митюка и о нём, как организаторе науки на Кубани достаточно подробно сказано в работах [5].

Параллельно на математическом факультете в эти годы развивались и другие научные исследования. В 1970 году в Кубанский университет был приглашён профессор Н.В. Говоров, который заведовал кафедрой математического анализа с 1970 г. по 1981 г. [1], [2].

Н.В.Говоров уроженец Краснодарского края, вырос в учительской семье. С 1948 года по 1957 год и сам работал учителем, заочно обучаясь в Грозненском учительском институте, который в 1950 году закончил с отличием. В период с 1959 г. по 1963 г. Н.В.Говоров обучался в заочной аспирантуре Ростовского госуниверситета под руководством профессора Ф.Д. Гахова. В 1966 году он защищает кандидатскую диссертацию, а в 1968 в Харь-

ковском университете докторскую диссертацию на тему «Краевая задача Римана с бесконечным индексом».

Во время работы Н.В.Говорова в Кубанском госуниверситете им было подготовлено 12 аспирантов, успешно впоследствии защитивших кандидатские диссертации, двое стали докторами наук. В 2018 мы отмечаем 90-летие со дня рождения профессора, доктора физико-математических наук Говорова Н.В.

Около 50 лет в Кубанском университете заведовал кафедрами, сначала кафедрой математического анализа, а затем – дифференциальных уравнений Зиновий Борисович Цалюк. В 1966 году Зиновий Борисович был приглашен ректором Краснодарского пединститута на должность заведующего кафедрой математического анализа для «активизации научной работы на физико-математическом факультете». Появилась научная школа, в которую «вливались» молодые математики других городов – Ижевск, Воронеж и др.

Исследования доктора физ.-мат. наук, профессора Цалюка З.Б. охватывают многие разделы теории уравнений Вольтерра, ему принадлежат работы по функциональному анализу, дифференциальным уравнениям и уравнениям с запаздывающим аргументом, численным методам. З.Б. Цалюк много сил и энергии потратил на становление и развитие факультета, он воспитал многих кандидатов наук, Зиновий Борисович удостоен звания «Заслуженный деятель Кубани». На кафедре дифференциальных уравнений вырос как математик, доктор физико-математических наук, профессор, в последствии заведующий этой кафедры, заместитель декана Василий Федорович Пуляев, под руководством которого пять выпускников факультета защитили кандидатские диссертации.

Активно работала кафедра высшей алгебры и геометрии в сотрудничестве с Новосибирской и Ленинградской математическими школами.

Подчеркнём, что научные и преподавательские кадры в первое десятилетие после создания университета также формировались с участием И.П. Митюка. Именно он приглашал или «давал добро» на приглашение молодых математиков из университетских центров СССР. Так в Кубанском университете оказался краснодарец, окончивший мехмат МГУ Лежнев Виктор Григорьевич, ныне - доктор физико-математических наук, профессор. Он окончил механико-математический факультет МГУ по кафедре теории функций и функционального анализа в 1962 году. После окончания МГУ Лежнев В.Г. - младший научный сотрудник вычислительного центра Института химфизики АН СССР в течении четырёх лет. В 1966-1969 гг. - аспирант Отдела математической физики Математического института им. Стеклова АН СССР (руководителями отдела были акад. Соболев С.Л. и акад. Владимирова В.С.), занимался исследованием краевых задач математической физики.

С сентября 1971 года начинается его работа в Кубанском государственном университете: старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой прикладной математики (1977-1988). 80-ые годы были началом развития на математическом факультете исследований по прикладной математике под руководством Лежнева В.Г., учебно-научного направления по гидродинамике. В дальнейшем были получены интересные научные результаты, например, общее решение задачи обтекания крыловидного профиля, защищены ряд диссертаций, сделанных под его руководством, создаётся научная школа. Кафедра проводила зимние научные конференции в предгорьях Кавказа, в которых принимали участие ученые из Москвы, Казани, Ростова и других городов. Студенты проходили преддипломную практику и выполняли дипломные работы в крупных НИИ разных городов, в частности, в Объединенном институте ядерных исследований (г. Дубна), в филиале Института океанологии АН СССР (г. Геленджик), продолжали обучение в аспирантуре в городах Ростов, Киев, Ленинград, Новосибирск, Москва. При кафедре и факультете с 1980 года издавался и выходил раз в два года межвузовский сборник научных трудов «Волновые движения жидкости» (гл. редактор - акад. Воронич И.И., выпускающий редактор - Лежнев В. Г.). Всё это способствовало росту авторитета математиков Кубани. Лежнев В.Г. в последующие годы являлся руководителем ряда Минобрнауки России по направлениям «Научно-инновационное сотрудничество», «Разработка теоретических основ и алгоритмов вычисления геопотенциала и гармонической составляющей плотности Земли», «Спутниковые измерения геопотенциала, потенциал Робена и разложение плотности

Земли по полигармоническим функциям», «Метод базисных потенциалов - обоснование, алгоритмы и применение для основных задач математической физики, задач теории потенциала и гидродинамики», конкурсных проектов РФФИ и администрации Краснодарского края, автором и соавтором ряда монографий. Его научная и педагогическая деятельность продолжается.

Приведём тематику научных проблем актуальных для экономики и социальной жизни современной Кубани, которой занимаются студенты и аспиранты В.Г. Лежнева:

1. Гравиаразведка (Определение локальных аномалий поверхностного слоя Земли). Предлагается способ поиска локальных аномалий плотности масс приповерхностного слоя Земли. Технология может применяться для разведки железорудного и углеводородного сырья в исследуемом регионе (на глубину до нескольких километров), в частности, может применяться на шельфе и в труднодоступных районах, а также для предварительной оценки и экспресс-анализа перспективности геологических структур, для решения частных задач оборонного назначения. Алгоритмы данной технологии опираются на математические исследования и численные результаты автора и его коллег.

2. Проблемы Геленджикской бухты.

3. АД-проблема медицины (звуки Короткова)

4. Проблемы анализа и сжатия изображений.

Деятельность профессора В.Г. Лежнева на математическом поприще Кубани заслуживает особого внимания ещё и потому, что три его сына в своё время закончили физмат-классы в Краснодаре, математические факультеты МГУ и КубГУ, защитили кандидатские диссертации в Москве, Ростове и Краснодаре и работают на математическом и физическом факультетах Кубанского университета. Общий стаж их работы на благо математики Кубани – более 70 лет.

Продолжая обсуждение проблемы развития математики и математического образования на Кубани, обратим внимание на действия руководства университета растить кадры из местной талантливой молодёжи, а если приглашать, то, прежде всего, молодых учёных из ведущих математических центров страны.

Гайденок С.В., выпускник МГУ, ныне - заведующий кафедрой вычислительной математики и информатики, начал свою трудовую деятельность в КубГУ с октября 1980 года после окончания мехмата (1977 год) и аспирантуры Математического института АН СССР им. В.А. Стеклова. Научные интересы Гайденок С.В. лежат в области дифференциальных уравнений в частных производных и их приложений (качественная теория, существование и единственность обобщенных решений, их поведение вблизи границы, численные методы для дифференциальных задач в обобщенной постановке, численные методы математической физики, дифференциальные задачи гидро- и аэромеханики, а также связанные с ними интегральные уравнения).

Сформированная на мехмате МГУ математическая культура С.В. Гайденок, университетская культура общения с коллегами и студентами, врожденная интеллигентность справедливо относят его к плеяде лучших представителей московской интеллигенции, успешно развивающих математическое образование на Кубани. В течение ряда лет он является председателем жюри краевых олимпиад школьников. С 2009 года он - заместитель председателя экспертной предметной подкомиссии ГЭК Краснодарского края по математике. Читает лекции для учителей города и края, проводит консультации. С.В. Гайденок - почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2004 г.). С.В. Гайденок выпускник краснодарской школы.

Математикам и преподавателям математики в школах Краснодарского края, студентам матфака в Кубанском университете в 70-80 годы, хорошо известно имя доцента Гусакова Валерия Александровича, прекрасного и требовательного лектора по математическому анализу. Но не многим известно, что он также приглашён в университет после московской аспирантуры профессором И.П. Митюком. В.А. Гусаков обучался в МПГУ им. Н.К. Крупской у профессора И.И. Баврина, который, в свою очередь, был учеником профессора А.А. Темлякова, получившего замечательные результаты по теории интеграль-

ных представлений многомерного комплексного анализа, включая ряд аналогов формулы Коши для одного комплексного переменного. В.А. Гусаков в аспирантуре успешно работал над интегральными представлениями Темлякова – Баврина, что И.П. Митюку показалось интересным для развития теории функций и краевых задач в Кубанском университете и послужило основанием пригласить В.А. Гусакова, который на многие годы стал ведущим лектором факультета по математическому анализу [6].

Приведём пример специальной подготовки молодых учёных для Кубанского университета, осуществляемой учёными МГУ (а их несколько). Так, ныне кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой интеллектуальных и информационных систем Кубанского государственного университета Костенко К.И. был направлен на факультет ВМК МГУ в 80-е годы для завершения обучения и подготовки в аспирантуре, направлен как отличник учёбы и студент с творческим подходом. Перевод в МГУ полностью оправдался.

Традиция приглашать лучших выпускников мехмата и ВМК МГУ им. М.В. Ломоносова в Кубанский университет продолжилась. Сейчас работают на кафедрах ФМиКН КубГУ А.Э. Бирюк, О.К. Тен, М.Е. Щербаков, которые с отличием заканчивали математические кафедры МГУ. После окончания мехмата МГУ на факультет математики и компьютерных наук Кубанского университета пришли А.Э. Бирюк и М.Е. Щербаков. Перед поступлением в МГУ А.Э. Бирюк учился в базовой физико-математической школе Кубанского университета, ныне Лицей №4, был неоднократным победителем Всероссийских олимпиад, серебряный призёр международной математической олимпиады в Турции (1991). В настоящее время А.Э. Бирюк, к.ф.м.н., доцент ведёт активную исследовательскую работу на кафедре теории функций и в Интернет-центре университета, занимается с одарёнными школьниками.

Тен О. К., к.ф.м.н., доцент начал работать на факультете со студентами и школьниками, проявляющими интерес к математике в 1982 году также после окончания мехмата МГУ. Успешно преподаёт и ведёт научную работу в КубГУ выпускник кафедры общей топологии и геометрии мехмата МГУ М.Е. Щербаков. Он также является выпускником спецкласса СШ №4.

Говоря о работе с одарёнными школьниками на Кубани, следует упомянуть предшествовавшую работу математиков в 60-х годах по поиску и развитию математически одарённых школьников через ЮМШ, ВЗМШ, в 80-х годах через кубанские ЛФМШ, ЗФМШ [7] и персонально доцента кафедры теории функций КубГУ Г.К. Антонюка, которого также пригласил на факультет И.П. Митюк. Г.К. Антонюк в 70-80-е годы являлся бессменным председателем жюри краевых математических олимпиад. Названные образовательные структуры и личности в 90-е годы были по настоящему действенными силами всех процессов, на которых был создан и функционирует «Малый матфак» Кубанского университета [3], [4] эта структура в значительной степени сейчас обеспечивает абитуриентами естественно-математические факультеты Кубанского университета.

Ещё одно важное направление работы по развитию математического образования на Кубани, осуществляемое уже совместно учёными Кубанского и Московского университетов началось в 80-е годы и успешно реализовывалось на протяжении многих лет. Это работа с одарёнными школьниками в специализированных физико-математических классах. На Кубани в 1984 г. произошёл первый набор в физико-математические классы в СШ № 4 (ныне лицей №4). Прежде чем взяться за это непростое дело были организованы поездки в Колмогоровскую школу в МГУ в 1983 г. и в СОШ №131 г. Казани в базовую физмат школу Казанского государственного университета [8], где мы пытались перенять наработанный опыт работы с одарёнными школьниками. В 1985 г. была организована первая в Краснодарском крае Летняя физико-математическая школа в Тамани, в 1986 году в Сочи была проведена также первая зимняя физико-математическая школа. Во всех этих начинаниях принимали участие учёные МГУ, профессора и преподаватели мехмата, физического и химического факультетов. Но обсуждение работы сезонных профильных школ это отдельная тема, здесь же заметим, что в 1989 творческий коллектив преподава-

телей Кубанского государственного университета стал Лауреатом премии комсомола Кубани за педагогическую деятельность [6], [7].

Хорошо известен также на Кубани Математический Центр Бернулли. Он создан в 2004 году доцентом И.В. Федоренко на основе достаточно известной и хорошо зарекомендовавшей системы математических кружков в Краснодаре и сезонных профильных школ (ЛФМШ, ЗФМШ). Отметим, что И.В. Федоренко начал работать в КубГУ после окончания аспирантуры по кафедре дифференциальных уравнений МГУ (зав. кафедрой МГУ академик О.А.Олейник, выдающийся специалист в области дифференциальных уравнений, функционального анализа, асимптотических методов).

По форме Центр Бернулли – негосударственное образовательное учреждение. В разные годы в Центре обучались около сотни учащихся 4-11 классов школ Краснодара, а также – Крымского, Северского, Славянского на Кубани, Темрюкского, Тимашевского, Тихорецкого районов Краснодарского края. Работают учебные группы в Новороссийске, Сочи. Центр проводит в Краснодарском крае ряд важных математических мероприятий – Турнир городов, олимпиада Эйлера, олимпиада И.Шарыгина, две устные московские олимпиады – для 6-7 классов, проводится своя устная олимпиада им.П.Л.Чебышёва. Важно заметить, что в Центре Бернулли успешно работают сотрудники матфака Остроушко О.Д., Тен О.К., Тугуз Т.К., Титов Г.Н, вовлекаются в работу с одарёнными способные студенты, достигшие в предыдущие годы успехов в математических олимпиадах.

Комплектование факультета математики, а впоследствии и факультета математики и компьютерных наук выпускниками МГУ продолжается и в последние годы.

На кафедре математических и компьютерных методов ФМиКН КубГУ работает С.В. Усатиков, окончивший в 1982г. мех-мат МГУ им.М.В. Ломоносова, (и выпускник физ.-мат. школы им. А.Н. Колмогорова при МГУ), а в 1985г. – аспирантуру Института высоких температур АН СССР (ИВТАН). За участие в исследованиях, связанных с разработкой лазерных установок для различных технологических процессов, в 1986г. (в соавторстве) присуждена премия Ленинского комсомола в области науки и техники. В 1987г. в ИВТАН защитил диссертацию на степень кандидата, затем (в 2001г.) доктора физ.-мат. наук. Участие в академических разработках заключалось и заключается в построении, исследовании и анализе математических моделей, в основном краевых задач дифференциальных уравнений в частных производных. Компьютер и вычислительный эксперимент при этом – важное, хотя и не первоочередное, средство. Аргументом в пользу хорошего качества результатов является то, что они нашли применение и признаны специалистами конкретных областей приложений в энергетике, а также зерноперерабатывающей промышленности. В арсенале математического моделирования – как прозрения красоты абстракций, так и всё более востребованное обществом извлечение следствий и информации об окружающем мире именно этим инструментом.

С 2015 года на факультете и в сфере математического образования Кубани работает доцент А.В. Бунякин, получивший образование на механико-математическом факультете МГУ (отделение «Механика»), который окончил в 1991 году. Первое его место работы – кафедра дифференциальных уравнений КубГУ, далее аспирантура, защит диссертации на «родном мех-мате» в 1999 году. Работал в различных организациях на Кубани, в одной московской фирме и вновь вернулся в КубГУ, где возглавляет группу молодых исследователей по гидродинамическим проблемам Кубани.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. В.А. Бабешко, И.И. Ворович, Г.С. Литвинчук, И.В. Островский, В.С. Рогожин, С.Г. Самко, И.Б. Симоненко, Б.В. Хведелидзе. Николай Васильевич Говоров (к шестидесятилетию со дня рождения)//УМН, 1989, том 44, выпуск 5(269), страницы 187–190
http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?jrnid=rm&wshow=issue&year=1989&volume=44&volume_alt=&issue=5&issue_alt=269&option_lang=rus
2. Говоров Н.В. Краевая задача с бесконечным индексом. Докторская диссертация. Харьков, 1968 г.

3. Грушевский С.П., Колчанов А.В., Лазарев В.А., Сергеев Э.А. К истории развития юношеских математических школ на Кубани. М. Изд. РУДН 2014.г
4. Грушевский С.П. Лазарев В.А., Сергеев Э.А. О математике и математическом образовании на Кубани // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1. С. 80-86. <https://www.hist-edu.ru/hist/article/view/1404>
5. Кожевников В.В., Лазарев В.А. Преемственность и развитие в математических науках: на примере жизни и деятельности И.П. Митюка. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017;9(4/1):180-187. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-180-187>
6. Лазарев В.А. Педагогическое сопровождение одаренных старшеклассников. Изд. ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, 2005, 272 с.
7. Лазарев В.А., Левицкий Б.Е. «Кубанские ЛФМШ» // «Математика в школе», вып.2, М., 1990.
8. Сверкунова Д.А. Чёрная А.С. Развитие математического образования на Кубани и Казанская математическая школа // Труды математического центра им. Н.И.Лобачевского, Том 55, Казань, 2017, с.129 - 133. https://kpfu.ru/portal/docs/F899552191/Lobach2017_proceedings.pdf

REFERENCES

1. V. A. Babeshko, I. I. Ворович, G. S. Litvinchuk, I. V. Ostrowski, V. S. Rogojine, C. G. Самко, I. B. Simonenko, B. V. Khvedelidze. Nikolai Wassiljewitsch Govorow (zum sechzigsten Geburtstag). UMN, 1989, Vol. 44, Ausgabe 5 (269), Seiten 187-190 http://www.mathnet.ru/php/archive.phtml?jrnid=rm&wshow=issue&year=1989&volume=44&volume_alt=&issue=5&issue_alt=269&option_lang=rus
2. Howard N. B. Randaufgabe mit unendlichem index. Doktorarbeit. Charki, 1968
3. Grushevsky S. P., kolchanov A. V., Lazarev VA, Sergeev E. A. Zur Geschichte der Entwicklung Jugendlicher mathematischer Schulen in Kuban. M. ISD. RUDN 2014.G
4. Grushevsky S., Lazarev V., Sergeyev E. About mathematics and mathematical education on the Kuban. *Historical and social-educational ideas*. 2010;(1):80-86. (In Russ.) <https://www.hist-edu.ru/hist/article/view/1404>
5. Kozhevnikov V.V., Lazarev V.A. Continuity and development in mathematical sciences: on the example of life and activity of I.P. Mityuk. *Historical and social-educational ideas*. 2017;9(4/1):180-187. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-180-187>
6. Lazarev VA Pädagogische Begleitung von begabten Gymnasiasten. Ed. Jargpu. K. D. uschinski, Jaroslawl, 2005, 272 P.
7. Lazarev V. A., Levitsky B. E. "kubanskij LFMSH" / / "Mathematik in der Schule", Vol.2, M., 1990.
8. Sverkynova D.A., Chernaya A.S. DEVELOPMENT OF MATHEMATICAL EDUCATION IN THE KUBAN AND KAZAN MATHEMATICAL SCHOOL / / Werke des mathematischen Zentrums. N. Und.Lobatschewski, Band 55, Kazan, 2017, pp. 129-133 https://kpfu.ru/portal/docs/F899552191/Lobach2017_proceedings.pdf

Информация об авторах:

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
spg@math.kubsu.ru

Лазарев Виктор Андреевич, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории функций, факультет математики и компьютерных наук, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
victor_lazarev@mail.ru

Information about the authors:

Sergey P. Grushevskiy, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of Mathematics and Computer Science Faculty, Kuban State University, Krasnodar, Russia
spg@math.kubsu.ru

Victor A. Lazarev, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Theory of Functions Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia
victor_lazarev@mail.ru

Получена: 09.10.2018

Received: 09.10.2018

УДК 316.77

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-85-101

ДЫБОВСКИЙ Александр Сергеевич
Осакий университет
г. Осака, Япония
aledybo@gmail.com

Alexander S. DYBOVSKY
Osaka University
Osaka, Japan
aledybo@gmail.com

ЛАРИНА Лилия Львовна
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока,
Дальневосточное отделение Российской ака-
демии наук
г. Владивосток, Россия

Lilia L. LARINA
Institute of History, Archeology and Ethnogra-
phy of Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy
of Sciences
Vladivostok, Russia

**О НЕКОТОРЫХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ
ЖИЗНЕННЫХ ПОЗИЦИЙ, УСТРЕМЛЕНИЙ И
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КИТАЙСКИХ
ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК. ПО МАТЕРИАЛАМ
АНКЕТНОГО ОПРОСА 2016 г.**

**ON GENDER SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN
ATTITUDES TOWARDS LIFE POSITIONS,
ASPIRATIONS AND VALUE ORIENTATIONS AMONG
CHINESE YOUTH - BASED ON QUESTIONNAIRE
SURVEY RESULTS, 2016 -**

В этой статье, написанной на основе проведенного в 2016 г. анкетного опроса в пяти городах Китая (Пекин, Шанхай, Харбин, Чанчунь, Далинь), обсуждаются сходства и различия жизненных позиций, устремлений и ценностных ориентаций китайских юношей и девушек. Респондентами анкетного опроса стали 650 этнических китайцев (314 юношей и 336 девушек) преимущественно в возрасте до 25 лет. Анкета состояла из 22 вопросов, сгруппированных в четыре раздела. Ответы на каждый вопрос анкеты представлены в графиках. В первом разделе содержались вопросы, призванные выявить отношение китайских молодых людей к жизни, их наиболее общие устремления и ценности, во втором разделе предметом изучения стали отношения китайских молодых людей с родителями и друзьями. Вопросы третьего раздела были предназначены для выявления отношения китайских молодых людей к вопросам трудоустройства, наконец, четвертый раздел был предназначен для дальнейшей конкретизации социального портрета респондентов этого анкетного опроса. В результате проведенного исследования можно сказать, что жизненные устремления и ценности китайских юношей и девушек во многом оказались сходными. Было выявлено больше сходств, чем различий, и этнический фактор был явно несомненно гендерного. Отличия большей частью состояли в том, что китайские юноши, по всей вероятности, дальше продвинулись по пути вестернизации, они проявили большую готовность к пересмотру многих традиционных ценностей, чем китайские девушки, для которых была характерна большая консервативность в быту и большая склонность к традиционным семейным ценностям. В то же время девушки были более эгоцентричны, чем китайские юноши, когда речь шла о трудоустройстве и выборе условий работы.

The present article, based on a survey conducted in 2016 in five cities of China (Beijing, Shanghai, Harbin, Changchun, Dalian), discusses the similarities and differences in attitudes, aspirations and value orientations of Chinese young people. The survey respondents were 650 ethnic Chinese young people (314 males and 336 females), mostly under the age of 25. The questionnaire was comprised of 22 questions, grouped into four sections. The first section contained questions designed to reveal the attitudes of Chinese young people to life, including their most common aspirations and values; the second section focused on the Chinese young people's relationships with parents and friends. The third section targeted the attitudes of Chinese young people to employment issues, and, finally, the aim of the fourth section was to specify the social portrait of the respondents of the questionnaire. The responses to each question of the questionnaire were statistically analyzed and presented in graphs. The results of the present survey reveal that life aspirations and values of young Chinese males and females are similar in many aspects. More similarities than differences between the two sexes were identified, and the ethnic factor proved to be more important in determining life attitudes and values than the gender factor. Yet, a number of gender differences were detected. The survey results reveal that young Chinese males – in contrast to females – have advanced further along the path of westernization and demonstrate greater willingness to revise many traditional Chinese values. The Chinese females' responses, on the other hand, are characterized by greater conservatism in daily life, and a stronger inclination towards traditional family values. Nevertheless, females demonstrated more egocentric tendencies than males in regard to finding employment and choosing working conditions.

Ключевые слова: китайская молодежь, жизненные позиции, устремления, ценности, гендерные сходства и различия

Key words: Chinese youth, life attitudes, aspirations, values, gender similarities and differences

Для цитирования: Дыбовский А.С., Ларина Л.Л. О некоторых сходствах и различиях жизненных позиций, устремлений и ценностных ориентаций китайских юношей и девушек. По материалам анкетного опроса 2016 г. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5-2. с. 85-101.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-85-101.

For citation: Dybovsky A.S., Larina L.L. On gender similarities and differences in attitudes towards life positions, aspirations and value orientations among chinese youth - Based on questionnaire survey results, 2016 -. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 85-101.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-85-101. (in Russ)

Введение

В последние десятилетия Китай, стремительно идущий по пути модернизации и ставший в 2017 г. второй экономикой мира, привлекает внимание исследователей самых разных специальностей. Однако по сравнению с интересом к китайской экономике, росту производства, участию Китая в международном разделении труда, перспективам дальнейшей экономической экспансии Китая меньше внимания уделяется гуманитарной сфере, в частности, исследованию социально-культурной трансформации, происходящей в китайском обществе. Обратившись к проблеме гендерных сходств и различий жизненных позиций, устремлений и ценностных ориентаций китайской молодежи, мы попытаемся внести свой скромный вклад в исправление вышеуказанной диспропорции.

По интересующей нас проблеме на русском языке работ существует не так много. Из них особенно интересной оказалась для нас статья М.Ю. Леонтьева, позволяющая составить представление о трудах китайских исследователей, связанных с изучением ценностных ориентаций китайских молодых людей [8]. Следует отметить и публикацию аспирантки факультета психологии Санкт-Петербургского университета Ли Цзыхань, в которой гендерные различия в ценностных ориентациях китайских юношей и девушек анализируются в русле теории личных ценностей Ш. Шварца [9]. Исследование Ли Цзыхань показало, что для китайских девушек более важны такие ценности, как *конформизм, доброта, универсализм*, а для юношей – *самостоятельность, стремление к достижениям, безопасность и власть* (при этом популярность ценности «*традиция*» в обеих гендерных группах была минимальной) [9:83]. Ли Цзыхань интерпретировала данные ответов как соответствие «традиционным гендерным ролям, предписывающим женщинам подчинение правилам, доброту в отношениях с близкими и заботу об их благополучии, а мужчинам – активность в достижении своих целей и заботу о безопасности семьи» [9:84]. О важности для китайских молодёжи таких нравственных ценностей, как *доброта, сердечность, честность, скромность, трудолюбие* (правда, без указания гендерных различий) сообщается в статье И.Б. Смирнова [10]. Ценности китайских студентов (без указания гендерных различий), с точки зрения их значимости и достижимости, анализируются в работе О.И. Даниленко и И. Сюй [1]. Авторы приходят к выводу о том, что наиболее значимыми ценностями для китайских студентов являются *благополучие семьи, счастье и обеспеченная жизнь*, а наиболее доступными – *благополучие семьи, свобода и самоуважение* [1:34].

На английском языке по проблеме гендерных различий китайских молодых людей существует немало публикаций самых различных направлений: социокультурных, социально-психологических, психиатрических и прочих, преимущественно прикладных, исследований, проливающих свет на многие общие и частные, порой весьма экзотические стороны проблемы. Например, Е.С. Chang, Н. Yang и Т. Yu, исследуя межличностные источники удовлетворенности жизнью у китайских и американских студентов, выявили гендерные различия факторов-источников удовлетворенности жизнью у китайских юношей и девушек: если для юношей в качестве факторов-источников удовлетворенности жизнью значимость имели сам респондент, родители и преподаватели, то для девушек – только сам респондент и родители [11] (при этом для юношей был более значим фактор собственной личности, а для девушек существенно более значим фактор родителей). Общий уровень удовлетворенности жизнью был выше у американских студентов по сравнению с китайскими [11:420]. В исследовании F. Kong, K. Ding, J. Zhao рассматривалась взаимозависимость (корреляция) между благодарностью, самооценкой, социальной поддержкой и удовлетворенностью жизнью у китайских студентов [15]. Результаты анализа показали, что юноши с высокими баллами благодарности с большей степенью вероятно -

сти получали бóльшую социальную поддержку, чем представители фемининной группы, в то время как девушки с высоким уровнем социальной поддержки, как правило, были в большей степени удовлетворены жизнью, чем юноши [15:77]. В социологическом исследовании L. Wang, J. Mei, L. Tian, H.E. Scott, которое было осуществлено на материалах опроса 2158 китайских школьников 4-11 классов [18], бóльшую степень удовлетворенности своим пребыванием в школе проявили девочки в отличие от мальчиков. В работе Ch. Moon, K. Ohk, Ch. Choi, посвященной изучению финансовой грамотности китайских студентов, было установлено, что студенты женского пола имели меньше возможностей для получения образования в области финансов и меньше опыта финансовой деятельности, чем студенты мужского пола (при этом уровень финансовой грамотности китайских студентов был ниже, чем в Южной Корее и других странах ОЭСР) [19]. Исследование Sh. Ye, L. Yu, K. Li было предпринято для выявления связи между самооценкой и удовлетворенностью жизнью у китайских студентов [21]. Было установлено, что у представителей обоих полов высокая самооценка устойчиво коррелировала с удовлетворенностью жизнью; при этом социально-экономический статус респондентов также оказывал существенное влияние на степень удовлетворенности жизнью; в то же время влияние социально-экономического статуса на самооценку респондентов наблюдалось исключительно у представительниц фемининной группы [21:546]. В статье R. X. Liu, рассматривающей асоциальное поведение подростков в свете общей теории деформации личности и гендерного неравенства в социокультурном контексте материкового Китая на материале опроса более 500 школьников, было выяснено, что у мальчиков асоциальное поведение связано с семейными финансовыми трудностями, нестабильностью семейных отношений родителей, а также с любовными разочарованиями, а у девочек – только с любовными разочарованиями и проблемами со здоровьем [17]. В исследовании X. Zuo, Ch. Lou, E. Gao, Y. Cheng, H. Niu, L.S. Zabin на основании опроса 16554 респондентов в трех азиатских городах – Ханое, Шанхае и Тайбэе рассматриваются гендерные различия в отношении подростков к добрачным сексуальным связям [23]. Авторы приходят к выводу о том, что мальчики более терпимо относятся к добрачным половым связям, чем девочки. Первые также проявили более традиционное отношение к гендерным ролям, основывающимся на конфуцианских ценностях и предполагающих неравенство полов [23:1-2]. В статье X. Chi и S.T. Hawk рассматриваются результаты опроса китайских студентов по поводу их отношения к однополым связям [13]. Исследование показало, что большинство китайских студентов относится к однополым связям отрицательно, причем с более негативным отношением в маскулинной группе по сравнению с фемининной, в которой более терпимое отношение к однополым связям отмечалось по мере роста уровня обучения (в мужской группе такой корреляции не наблюдалось) [13:1]. В работе Q. Chao и X. Yang, Ch. Luo рассматривались гендерные различия при изучении случаев самотравмирования среди китайских студентов первого и второго курсов (всего 960 чел.) одного из университетов провинции Шаньси [12]. Было установлено, что случаи самотравмирования (и особенно самотравмирования с тяжелыми последствиями) чаще наблюдаются у юношей, чем у девушек, хотя в специальной литературе (как отмечают авторы) самотравмирование обычно характеризуется как специфическое фемининное поведение. Основными причинами самотравмирования у юношей были гендерные ролевые конфликты, а также вербальное насилие, в то время как у девушек к двум названным факторам добавлялись еще два – визуальное и сексуальное насилие [12:1]. В исследовании X. Zhang, Y. Ren, J. You, Ch. Huang и Y. Jiang, M. Lin, F. Leung рассматривалось, как у китайских подростков проявлялась связь отрицательных эмоций с мыслями о самоубийстве и попытками самоубийства на материале опроса 3600 респондентов [22]. В ходе анализа результатов исследования проверялась гипотеза о том, что несуицидальное самотравмирование является медиатором между негативными эмоциями и попытками самоубийства у китайских подростков [22:1609]. Гендерные различия при этом состояли в том, что у девочек связь между негативными эмоциями и мыслями о самоубийстве была сильнее, и медиаторами процесса перехода от негативных эмоций к попыткам самоубийства были несуицидальное самотравмирование и мысли о самоубийстве, в то время как у мальчиков медиатором перехода от негативных эмоций к попыткам самоубийства были только мысли о самоубийстве [22:1615]. В коллективном исследовании I.M. Newman, D.F. Shell, Zh. Huang и L. Qia рассматривалась реакция китайских молодых людей на покраснение лица в результате алкогольного опьянения участ-

ников студенческих вечеринок [20]. Было установлено, что окружающие ведут себя по-разному в отношении юношей и девушек: их стремление к тому, чтобы заставить проблемное лицо воздержаться от употребления алкоголя проявлялось сильнее в отношении девушек, чем в отношении юношей [20:57], что объяснялось наличием культурных ценностей, в соответствии с которыми женщины больше нуждаются в защите, чем мужчины [20:58]. В 2004 г. в Японии было опубликовано исследование по истории гендерного вопроса в Китае, представившее богатый материал о положении женщины в китайской семье в разные эпохи по различным источникам, исключая анкетные опросы [24]. Как видим, усилиями исследователей гендерные различия обнаруживаются в самых разных сферах жизни и деятельности людей.

В 2015-2016 гг. мы также осуществили анкетное исследование в нескольких вузах Японии, Кореи, Китая и российского Дальнего Востока с целью сопоставления мировоззрения, жизненных устремлений и ценностных ориентаций молодых людей указанных стран¹. В этой статье будут кратко рассмотрены результаты китайской части этого исследования с точки зрения гендерных сходств и различий у китайских юношей и девушек, ставших респондентами нашего анкетного опроса. Анкетирование проводилось в пяти городах – Пекине, Шанхае, Чанчуне, Даляне и Харбине². Среди 650 респондентов (этнических китайцев) было 336 юношей и 314 девушек. Анкета состояла из четырех разделов, содержащих в общей сложности 22 вопроса. Рассмотрим их по порядку, фиксируя наше внимание на основных сходствах и различиях мировоззрения, жизненных устремлений и ценностных ориентаций двух вышеуказанных гендерных групп китайской молодежи.

Цели, позиции, приоритеты

В первом разделе анкеты было 6 вопросов. Его назначение состояло в том, чтобы выявить основные жизненные позиции и цели респондентов, их интересы и стремления, отношение к деньгам, взгляд на природу человека и некоторые прочие аспекты мировоззрения

молодых людей. В ответах китайских молодых людей на вопросы рассматриваемого раздела между юношами и девушками наблюдается большое сходство.

Наиболее контрастными были ответы на первый вопрос анкеты – «Что более всего доставляет вам радость?» (Рис. 1-1). Ответы на этот вопрос показали, что китайские девушки в большей степени, чем юноши, ценят время в кругу семьи (45% упоминаний против 32% в мужской группе), путешествия (43% упоминаний против 36%), самосовершенствование (38% упоминаний против 28%) и вкусную еду (32% упоминаний против 17%), а юноши больше радости находят в получении денег (33% упоминаний против 26%), занятиях спортом (27% упоминаний против 10%) и в учебе (15% упоминаний против 7%).

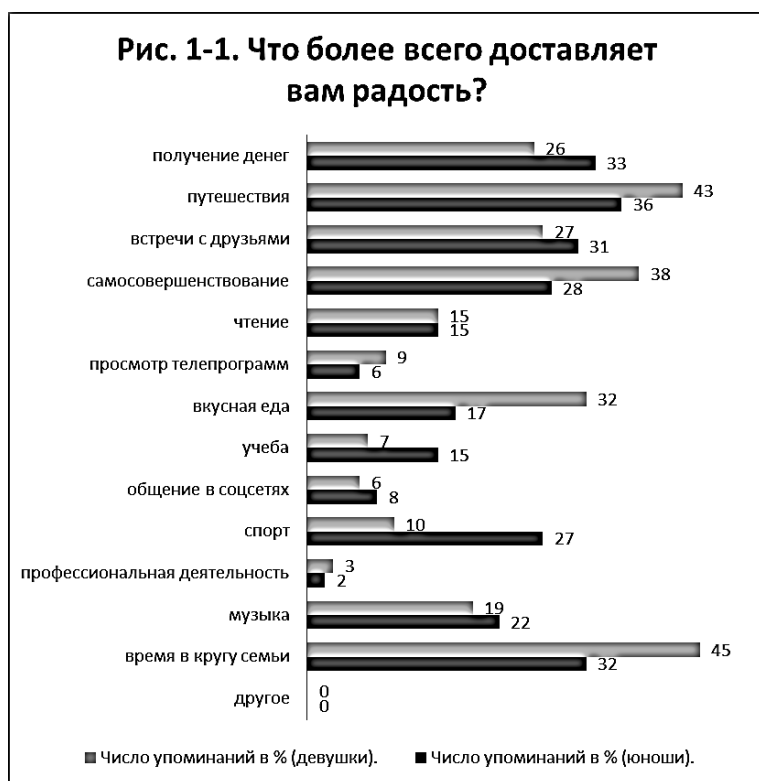

Рис. 1-1 What gives you the most joy?

¹ См. описание корпуса исследования и его основных результатов в [16].

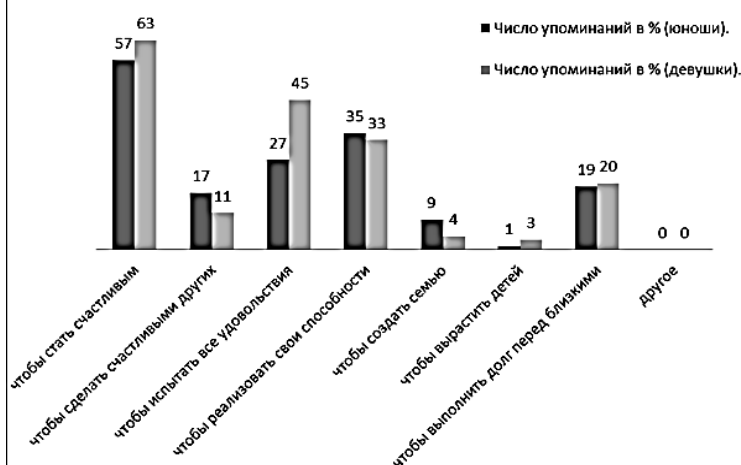
² Обзор литературы и историю вопроса см. в [2, 4, 7].

Некоторые расхождения в ценностных ориентациях между китайскими юношами и девушками проявились и в ответах на второй вопрос анкеты – «*Ради чего, по вашему мнению, стоит жить на свете?*» (Рис. 1-2). Девушки существенно преобладали в стремлении испытать все удовольствия (45% против 27% в мужской группе), их также было больше среди желающих стать счастливыми (63% против 57%), а юноши преобладали в стремлении осчастливить других людей (17% и 11%)¹ и создать семью (9% и 4%).

Третий вопрос первого раздела анкеты – «*Является ли зарабатывание денег приоритетной целью для вас?*» (Рис. 1-3) – предназначался для того, чтобы выявить отношение китайских респондентов к зарабатыванию денег. При общем небольшом преобладании в обеих группах лиц, для которых зарабатывание денег приоритетной задачей не является, юноши незначительно преобладали и среди тех, для кого зарабатывание денег приоритетной задачей «скорее является» (38% и 33%), и среди тех, для кого зарабатывание денег приоритетной задачей «скорее не является» (40% и 37%). Такие ответы наших респондентов, по всей вероятности, можно связать с большей социальной активностью представителей мужского пола в свете традиционного ролевого разделения труда в китайской семье. Обращает на себя внимание заметное преобладание в женской группе лиц, не определившихся с ответом (30% против 22% в мужской группе).

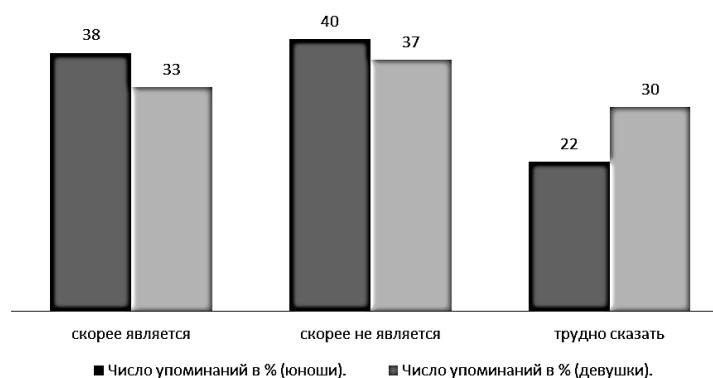
Следующий вопрос анкеты – «*Какие из перечисленных ниже явлений кажутся вам абсолютно неприемлемыми?*» (Рис. 1-4) – предназначался для того, чтобы

Рис. 1-2. Ради чего, по вашему мнению, стоит жить на свете?

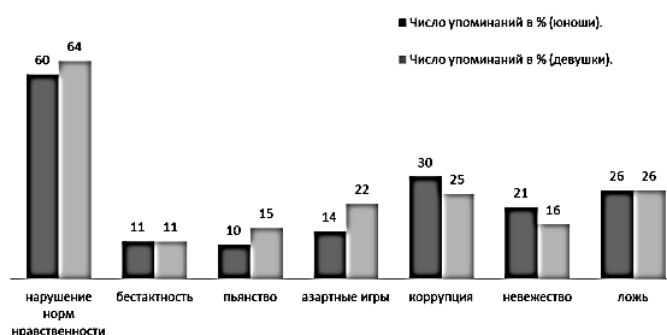
Puc. 1-2 For what, in your opinion, is it worth living in the world?

Рис. 1-3. Является ли зарабатывание денег приоритетной целью для вас?

Puc. 1-3 Is making money a priority for you?

Рис. 1-4. Какие из перечисленных ниже явлений кажутся вам абсолютно неприемлемыми?

Puc. 1-4 Which of the following phenomena seem to you completely unacceptable?

¹ При введении данных в виде цифровой последовательности сначала приводятся сведения, касающиеся мужской группы, затем – женской.

выявить отношение респондентов к негативным явлениям современности. Из ответов на этот вопрос можно заключить, что подавляющее большинство представителей обеих гендерных групп (с небольшим преобладанием в женской группе – 64% против 60%) негативно относится в первую очередь к нарушению норм нравственности, что показывает большую важность последних для китайской молодежи. Это, по всей вероятности, свидетельствует об актуальности для китайской молодежи этических начал китайской культурной традиции.

Рис. 1-5 What qualities, from your point of view, prevail in human nature?

Рис. 1-6 Are you trying to make all possible efforts for your future or is it more important for you to live a full life now?

Пятый вопрос первого раздела нашей анкеты – «Какие качества, с вашей точки зрения, преобладают в природе человека?» (Рис. 1-5) – был заимствован из подхода к типологии культур при помощи метода ценностных ориентаций (Value Orientations Method), разработанного в 1940-е гг. американскими антропологами Флоренс и Клайдом Клаксонами, а также Фредериком Стродтбеком¹. Ответы на этот вопрос в мужской и женской группах были почти тождественными (добро – 59% и 58%; зло – в обеих группах по

14%; затрудняюсь ответить – 27% и 28%). По всей вероятности, за этими ответами можно увидеть созидательную мощь китайской культурной традиции в плане позитивного отношения к человеку, а также важность ее вышеупомянутых этических начал.

Последний вопрос первого раздела анкеты – «Вы стараетесь прилагать все возможные усилия для вашего будущего или вам важнее жить полноценной жизнью сейчас?» (Рис. 1-6) – был предназначен для того, чтобы выявить временную ориентацию деятельности наших респондентов. Он показал, что абсолютное большинство китайских молодых людей (71% и 76%) склонны жертвовать настоящим во имя будущего, на основании чего, вероятно, можно сказать, что временной фокус жизнедеятельности по-

¹ См., например, [14].

давящего большинства китайских молодых людей ориентирован на будущее, и по уровню вестернизации сознания молодежи Китай находится далеко позади Японии и Кореи, большая часть молодых людей которых считает важным жить полноценной жизнью в настоящем а не класть все силы на борьбу за место под солнцем в будущем¹. Движение в этом направлении, по всей вероятности, можно считать тенденцией в смене ценностных ориентаций молодежи стран Восточной Азии. С этой точки зрения в ответах на этот вопрос можно отметить большую консервативность фемининной группы и большую ориентированность на настоящее в маскулинной группе (29% и 24%).

Таким образом, в первой части анкетного опроса китайской молодежи нами было выявлено больше сходств во взглядах юношей и девушек, чем различий. Подавляющее большинство китайских молодых людей видит смысл жизни в достижении счастья, нетерпимо относится к нарушению норм нравственности и готово жертвовать настоящим ради будущего. В соответствии с конфуцианскими воззрениями около 60% молодых китайцев считает, что в природе человека преобладает добро. Многие молодые люди стремятся к самореализации и не считают, что смысл жизни состоит в зарабатывании денег. Гендерные различия в этой части анкеты имели частный характер, а именно: китайские девушки проявили большую склонность к семейным ценностям, а также и большее стремление к гедонизму. Китайские юноши были более склонны к инновации: среди них было больше тех, кто стремится жить полноценной жизнью в настоящий момент, а не жертвовать настоящим во имя будущего; кроме того, среди них было больше лиц, стремящихся сделать счастливыми других людей.

Семья, друзья

Второй раздел анкеты предназначался для того, чтобы более предметно рассмотреть отношения наших респондентов с родителями, их взгляды на проблемы семьи и брака, а также на характер их отношений с близкими людьми – родственниками и друзьями. В этом разделе анкеты было пять вопросов. Первый вопрос – «Важно ли для вас мнение родителей при принятии какого-либо решения?» (Рис. 2-1) – показал большую привязанность и близость к родителям китайских девушек (31% против 22%) и несколько большую отстраненность от родителей китайских юношей: 21% из них редко интересуется мнением родителей при принятии жизненных решений (15% в женской группе). При этом количество эгоцентричных молодых людей, спрашивающих мнение родителей только для проформы и поступающих по-своему, в обеих группах составило по 56%, что, по всей вероятности, показывает общую тенденцию роста эмансипации китайских молодых людей по мере повышения уровня экономического благосостояния китайского народа, а также свидетельствует о нарастании кризисных явлений в семейных отношениях в процессе модернизации китайского общества.

Рис. 2-1 Does parental opinion matter to you when making a decision?

¹ Ср. с ответами на этот вопрос японских и корейских респондентов [6:142].

Рис. 2-2 When you have problems, who do you ask for help?

Рис. 2-3 What do you think is first necessary to create your own family?

Рис. 2-4 How do you feel about inter-ethnic marriages?

В ответах на следующий вопрос – «Когда у вас возникают проблемы, к кому вы обращаетесь за помощью?» (Рис. 2-2) – выявились большее стремление китайских девушек полагаться в решении своих жизненных проблем на родителей (65% против 51% в мужской группе) и друзей (60% против 54%), а у юношей – большая готовность справляться со своими проблемами самостоятельно (46% против 37% в женской группе). Обращает на себя внимание заметное и примерно равное участие кровных родственников одного поколения – братьев и сестер (соответственно 11% и 10% в мужской и женской группах) – в решении проблем молодых людей обоих полов.

Небольшие гендерные различия проявились в ответах на вопрос «Что, по вашему мнению, в первую очередь необходимо для создания собственной семьи?» (Рис. 2-3). Мнения существенно разошлись только в отношении согласия родителей на брак сына или дочери: 45% девушек (против 28% юношей) назвали его вслед за любовью (76% упоминаний в обеих группах) в качестве условия заключения брака. Для юношей согласие родителей было на четвер-

том месте – после любви, постоянной работы (42% упоминаний) и стабильного дохода (40% упоминаний). За этими различиями в результатах опроса китайских юношей и девушек, вероятно, можно увидеть более крепкую привязанность китайских девушек к родителям (по сравнению с китайскими юношами), а также более прочную связь с традицией семейных отношений и с семейными ценностями.

В ответах на вопрос – «Как вы относитесь к межнациональным бракам?» (Рис. 2-4) –

китайские юноши преобладали среди тех, кто относится к международным бракам положительно (48% против 39%), а китайские девушки – среди тех, кто считает, что национальность при заключении брака не имеет значения (53% упоминаний против 42%). Число лиц, относящихся к международным бракам отрицательно и, по всей вероятности, имеющих националистические предрассудки, составило в мужской и женской группах соответственно 10% и 8%.

Незначительные гендерные различия были выявлены и в ответах на следующий вопрос анкеты – «Какие качества вы цените в людях больше всего?» (Рис. 2-5). При том, что на первых двух местах в обеих группах оказались такие традиционные ценности, как *правдивость* (60% и 62% упоминаний) и *верность* (40% и 43% упоминаний), для женской группы существенно большее значение имели *интеллект* (33% упоминаний против 24%) и *чувство юмора* (28% упоминаний против 22%), а для мужской – *скромность* (25% упоминаний против 18%).

В заключение можно сказать, что ответы двух гендерных групп китайской молодежи на пять вопросов второго раздела анкеты выявили больше сходств, чем различий. В семейных отношениях, а также в оценке положительных качеств личности проявилась известная консервативность китайских молодых людей, вероятно, связанная с конфуцианской культурной традицией. Однако налицо и явное выхолащивание традиционных семейных отношений, например, в том, что молодые люди считают любовь важнейшим фактором создания собственной семьи, а мнение родителей при принятии жизненных решений спрашивают исключительно для проформы. Гендерные различия в ответах на вопросы этого раздела проявились в несколько большей склонности китайских юношей к самостоятельности, а также в заметно более прочной связи китайских девушек с традицией, особенно в сфере семейных отношений.

Карьера, работа

В третьем разделе анкеты наше внимание было сосредоточено на вопросах, связанных с трудоустройством и будущей профессиональной деятельностью респондентов. Раздел состоял из трех вопросов. В ответах на первый вопрос – «Что, по вашему мнению, необходимо для достижения успеха в обществе, в котором вы живете?» (Рис. 3-1) – расхождения были незначительные: и в мужской, и в жен-

Рис. 2-5. Какие качества вы цените в людях больше всего?

Рис. 2-5 What qualities do you value most in people?

Рис. 3-1. Что, по вашему мнению, необходимо для достижения успеха в обществе, в котором вы живете?

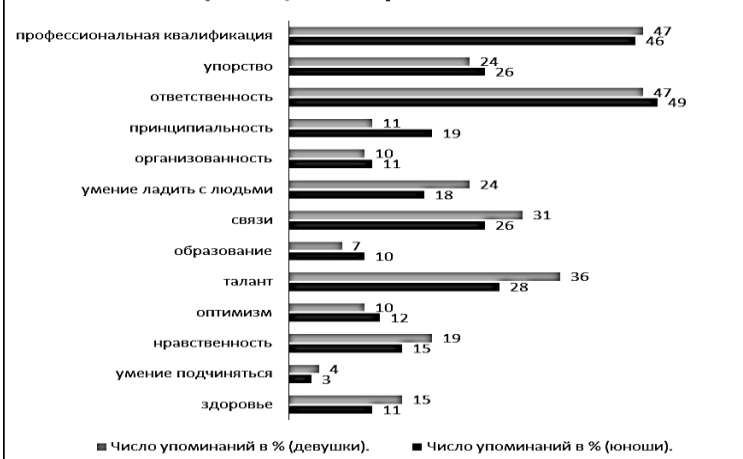

Рис. 3-1 What do you think is necessary for success in the society in which you live?

ской группах преобладали *ответственность* (49% и 47% упоминаний), *профессиональная квалификация*; (46% и 47% упоминаний) и *талант* (28% и 36% упоминаний). Далее, для девушек были более важны *связи* (31% упоминаний против 26%) и *умение ладить с людьми* (24% упоминаний против 18%), а для юношей – следовавшая вслед за «связями» *принципиальность* (19% упоминаний против 11%) .

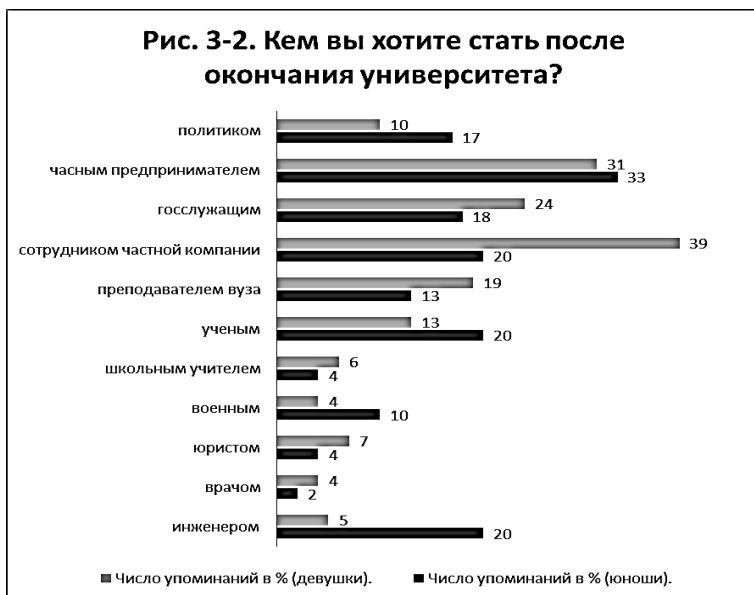

Рис. 3-2 What do you want to be after graduation?

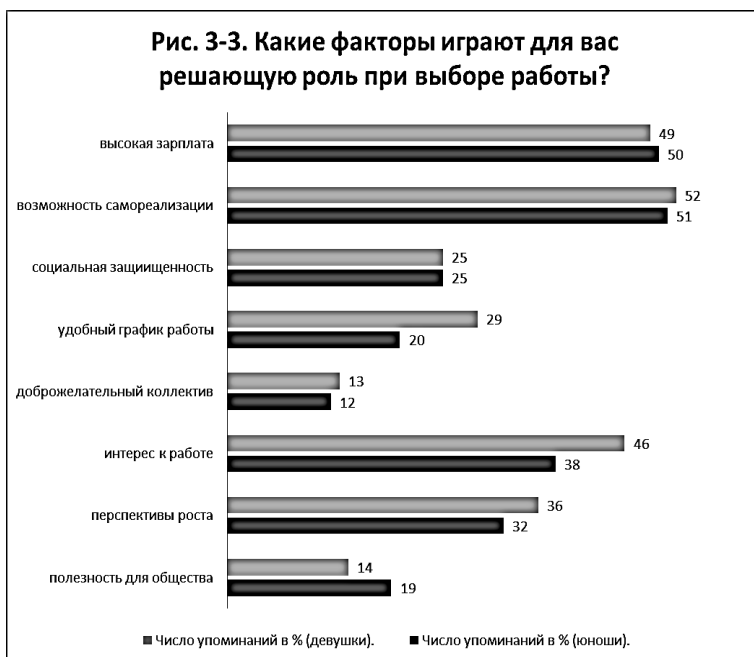

Рис. 3-3 What factors play a decisive role for you when choosing a job?

существенно бóльшую ценность имели удобный график (29% упоминаний против 20%) и интерес к работе (46% против 38%), а в мужской – полезность для общества (19% упоминаний против 14%). Как видим, в нашем опросе китайские девушки чуть большее значение, чем юноши, придавали личным предпочтениям (удобный график работы) и склонностям (интерес к работе). В этом разделе они стали акторами новаций, а для юношей было характерно более традиционное поведение. В остальном различия были несущественны.

Ответы на следующий вопрос третьего раздела анкеты – «Кем вы хотите стать после окончания университета?» (Рис. 3-2) – показали бóльшую предпочтительность для женской группы респондентов трудоустройства в качестве сотрудника частной компании (39% упоминаний против 20%), в то время как для представителей мужской группы были заметно более привлекательны профессии инженера (20% и 5% упоминаний), ученого (20% и 13% упоминаний), политика (17% и 10% упоминаний), военного (10% и 4% упоминаний).

В последнем вопросе этого раздела анкеты – «Какие факторы играют для вас решающую роль при выборе работы?» (Рис. 3-3) – мы пытались выяснить сходства и различия мотивации наших респондентов при трудоустройстве и, соответственно, ценности, на которые эта мотивация опирается.

И в мужской, и в женской группах респондентов на первых четырех местах оказались возможность самореализации (51% и 52% упоминаний), высокая зарплата (50% и 49% упоминаний), интерес к работе (38% и 46% упоминаний), перспективы роста (32% и 36% упоминаний). В женской группе

Портрет респондента

Последний раздел нашей анкеты состоял из 8 вопросов. Собирая общие сведения о наших респондентах, мы продолжали выявлять гендерные сходства и различия китайских юношей и девушек, обращая особое внимание на их жизненные позиции и устремления, а также отношение к окружающей действительности. Ответы на первый вопрос – «Вы удовлетворены вашей жизнью в настоящее время?» (Рис. 4-1) – не показали существенных различий. В мужской группе незначительно преобладали лица, давшие на этот вопрос утвердительный ответ (57% и 52%), в женской группе было чуть больше лиц, не определившихся с ответом, – 33% против 26% в мужской группе. Весьма сходным оказалось и отношение китайских молодых людей обоих полов к актуальным проблемам современности (Рис. 4-2). В мужской группе на первых трех позициях оказались инфляция, дороговизна образования и безработица; в женской группе – те же явления, оказавшиеся в иной последовательности: инфляция, безработица и дороговизна образования. Далее по всем позициям наблюдались сходные ответы. В качестве основного гендерного различия в этом пункте анкеты можно отметить более отчетливое единство в обозначении трех социальных проблем современности в женской группе – инфляции (58% против 50% в мужской группе), безработицы (46% против 33% в мужской группе) и высокой стоимости жизни (33% против 22% в мужской группе). Возможно, эти различия обусловлены неравенством мужчин и женщин на китайском рынке труда, в результате чего вышеуказанные социальные проблемы китайские девушки переживают острее.

Рис. 4-1. Вы удовлетворены вашей жизнью в настоящее время?

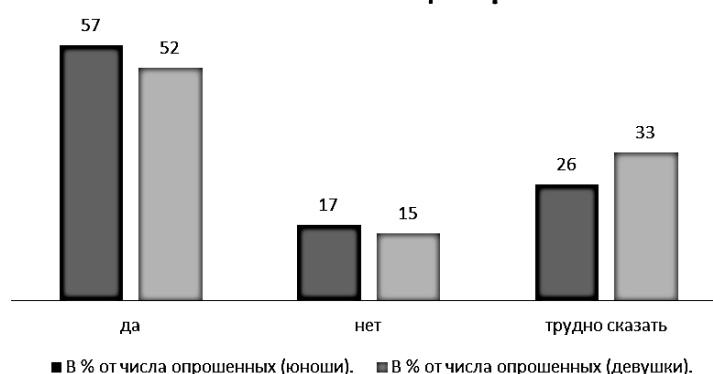

Рис. 4-1 Are you satisfied with your life now?

Рис. 4-2. Какие проблемы современности волнуют вас более всего?

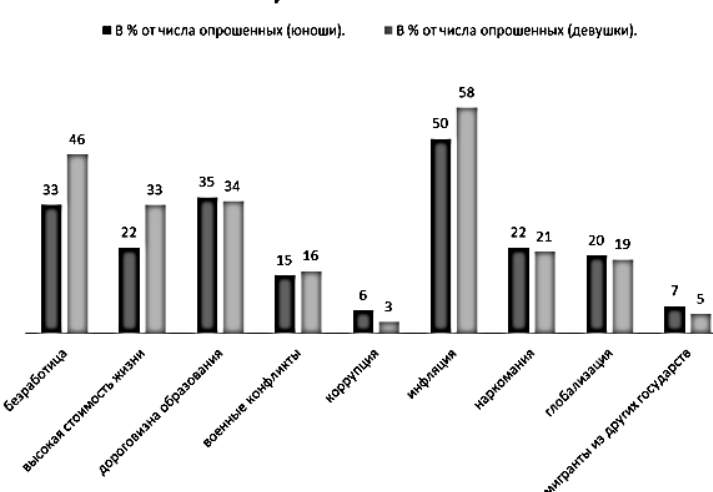

Рис. 4-2 What problems of modern times worry you most?

Рис. 4-3. Чувствуете ли вы уверенность в будущем?

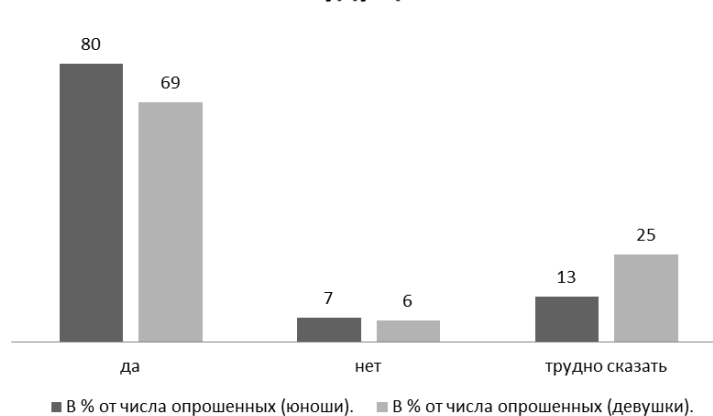

Рис. 4-3 Do you feel confident about the future?

Рис. 4-4 Do you feel discomfort when dealing with foreigners?

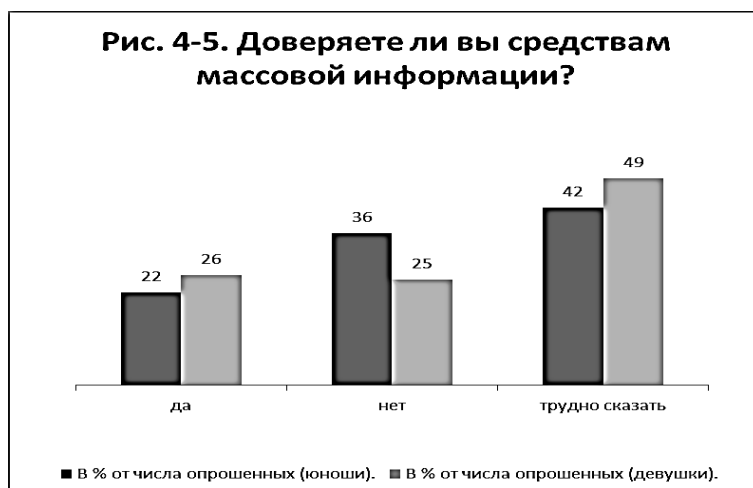

Рис. 4-5 What is most significant for your self-identification?

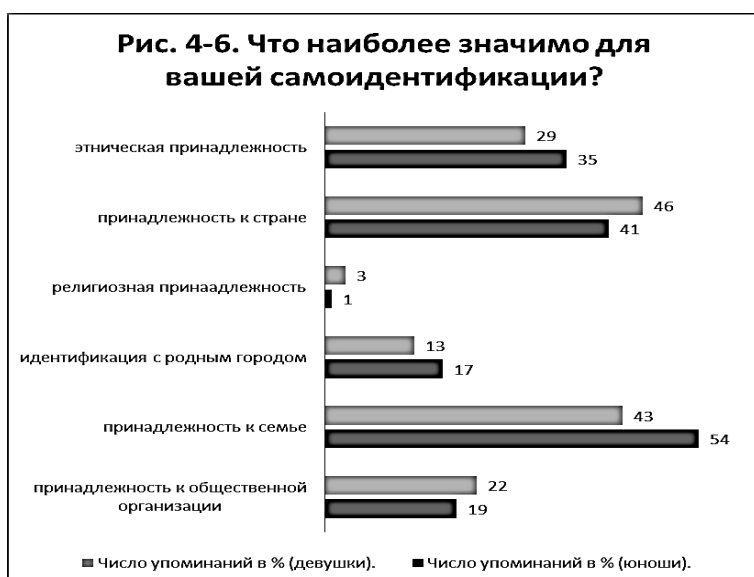

Рис. 4-6 Do you trust the media?

Сходные ответы были получены в обеих группах на вопрос «Чувствуете ли вы уверенность в будущем?» (Рис. 4-3). Подавляющее большинство респондентов обеих групп ответило на этот вопрос положительно (80% в мужской и 69% в женской группе). При этом в женской группе было заметно больше лиц, не определившихся с ответом (25% против 13% в мужской группе).

Незначительные различия выявились в ответах на вопрос – «Ощущаете ли вы дискомфорт при общении с иностранцами?» (Рис. 4-4). 31% юношей и 24 % девушек ответили на этот вопрос утвердительно, что можно расценивать как проявление ксенофобии у части китайских молодых людей. В то же время 50% представителей мужской группы и 51% женской ответили, что они не ощущают дискомфорта при общении с иностранцами. Думается, что в ответах на этот вопрос можно усмотреть динамику интернационализации китайского общества, около половины молодых людей которого свободны от ксенофобии. И в ответах на этот вопрос в женской группе было больше лиц, не определившихся с ответом – 25% против 19% в мужской группе. Ответы на следующий вопрос – «Доверяете ли вы средствам массовой информации?» (Рис. 4-5) – показали, что более трети юношей (36% опрошенных), относятся к средствам массовой информации с недоверием, и лишь 22% ответило на этот вопрос утвердительно. В женской группе число лиц, доверяющих средствам массовой информации, составило чуть более одной четверти (26%), в то время как отрицательный ответ о доверии средствам массовой информации дали 25% опрошенных. Как видим, во мнениях мужской группы в отношении средств

массовой информации было больше негатива, а в женской – больше неопределенности.

При высоком сходстве идентификационных особенностей китайских юношей и девушек некоторые различия идентичностей мужской и женской групп выявил вопрос «Что наиболее значимо для вашей самоидентификации?» (Рис. 4-6). Для китайских юношей основными были семейная, национальная и этническая идентичности. Те же три идентичности были важны и для китайских девушек, однако на первом месте с небольшим отрывом от принадлежности к семье, которая занимала второе место, была названа принадлежность к государству. А этническая идентичность, как и у юношей, занимала третье место.

Максимальный разрыв между юношами и девушками наблюдался в принадлежности к семье (54% и 43%), что, по всей вероятности, можно объяснить культурно-этническими особенностями китайского народа: при большей прочности связи девушек с семьей родителей, что было установлено выше, юноши по традиции являются наследниками, и они в первую очередь призваны заботиться о родителях в старости. Кроме семейной идентичности, важное значение для наших китайских респондентов имела принадлежность к большим группам – национальная идентичность (54% и 43%) и этническая идентичность (35% и 29%). Обращает на себя внимание абсолютно маргинальное место в обеих гендерных группах религиозной идентичности (1% и 3%).

Как следует из графика (Рис. 4-7), члены фемининной группы наших респондентов, в среднем, были немного старше представителей маскулинной группы, хотя основная масса опрошенных принадлежала к возрастной категории 18-20 лет (69% и 73%). Существовала еще одна серьезная диспропорция (Рис. 4-8): в женской группе абсолютно преобладали лица, получающие гуманитарное образование (75% против 44%), а в мужской группе было заметно больше лиц, обучающихся техническим специальностям (36% против 10% в женской группе).

По результатам анализа данных четвертого раздела нашей анкеты можно сказать, что более половины наших респондентов удовлетворены своей жизнью, около половины не ощущает дискомфорта при общении с иностранцами и только около четверти молодых китайцев доверяет средствам массовой информации. Гендерные различия проявились в том, что, как и в предыдущих разделах, в ответах девушек преобладали лица, не определившиеся с ответом, они с большей остротой ощущали

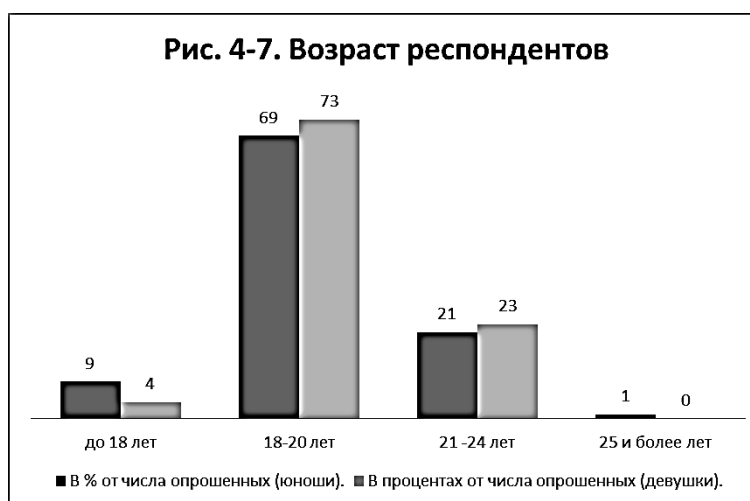

Рис. 4-7 How old are you?

Рис. 4-8 What kind of education do you get?

такие социальные проблемы современности, как инфляция, безработица, высокая стоимость жизни и были менее оптимистичны в отношении своего будущего, чем китайские юноши. Эта часть опроса также показала, что китайские девушки чувствуют себя более комфортно, чем юноши, при общении с иностранцами, и они с большим доверием относятся к средствам массовой информации. В отличие от китайских юношей, для которых важнейшей идентичностью оказалась принадлежность к семье, китайские девушки на первое место поставили принадлежность к стране; принадлежность к семье у них заняла второе место.

Заключение

Таким образом, проведенный нами сопоставительный анализ выявил больше сходств, чем различий – этнокультурный фактор оказался влиятельнее гендерного. В жизненных позициях, устремлениях и ценностных ориентациях китайских юношей и девушек, ставших предметом рассмотрения в этой статье, обнаружилась глубокая фундаментальная общность. Это проявилось и в оптимистическом отношении к будущему, и в сходной оценке человеческих качеств, и в отношении к иностранцам, зарабатыванию денег, оценке негативных явлений современности, и в общем представлении о преобладании доброго начала в природе человека, и в стремлении прилагать усилия для достижения успеха и комфорта в будущем, жертвуя радостями жизни в настоящем времени. Различия, как правило, имели частный характер. Однако же нельзя не заметить большее стремление китайских юношей к новому, их лидерство в движении по пути вестернизации и, с другой стороны, большую склонность китайских девушек следовать традиционным культурным нормам в семейных отношениях, иметь более прочную связь с родителями. Впрочем, в ряде ситуаций китайские девушки вели себя даже более эгоцентрично, чем юноши (ср. отношение к выбору работы, рассмотренное в третьем разделе нашей статьи). Именно инновационное поведение китайской молодежи, ее социальные девиации и мутации в процессе социально-политических трансформаций китайского общества заслуживают внимания исследователей современного Китая и китайской диаспоры в разных странах мира, поскольку по этим параметрам социального развития в какой-то мере можно предвидеть дальнейшие пути развития китайской цивилизации, набирающей все большую мощь и влияние в мире. К этим проблемам мы и хотели бы обратиться в наших дальнейших исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Даниленко О. И., Сюй И. Ценности китайских студентов: значимость и доступность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 34–46.
2. Дыбовский А. С. О некоторых сходствах и различиях ценностных ориентаций российской и японской молодежи (По результатам социологического опроса среди студентов Владивостока и Осака в 2008 году) // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 131–140.
3. Дыбовский, А.С. О некоторых сходствах и различиях ценностных ориентаций японских юношей и девушек. По материалам анкетирования в 2015-2016 гг. // 表象と文化 XIV, 言語文化共同研究プロジェクト2016, 大阪大学言語文化研究科, 2017, pp. 15–21. (// Культура и образ. Вып. XIV. Проект совместных исследований по языку и культуре 2016. Осака: Школа языка и культуры Осацкого университета, 2017. С. 15–21).
4. Дыбовский А.С. О ценностных ориентациях японской молодежи (по данным социологического опроса среди студентов Осацкого государственного университета) // Материалы 23 российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). Владивосток, 2008. С. 135–163.
5. Дыбовский А. С., Ларина Л. Л. О некоторых сходствах и различиях жизненных позиций, устремлений и ценностных ориентаций японской и китайской студенческой молодежи (On some similarities and differences of Japanese and Chinese students' life positions, aspirations and value orientations). Известия Восточного института 2018 № 2 (38) С. 57–84.

6. Дыбовский А. С., Ларина Л. Л. О некоторых сходствах и различиях ценностных ориентаций японской и южно-корейской молодежи // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 134—156.
7. Дыбовский А. С., Ларина Л. Л. О ценностных ориентациях российской и японской молодежи (опыт сопоставительного анализа опроса студентов Владивостока и Осака) // Россия и АТР. 2008. № 1. С. 120—142.
8. Леонтьев М. Ю. Жизненные ценности китайских студентов как предмет социологических исследований в КНР // Вестник ТОГУ. 2017. № 1 (44). С. 187—194.
9. Ли Цзыхань. Личные ценности китайских студентов: межполовые различия // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 80—84.
10. Смирнов Б. И. Нравственные ценности в восприятии современных китайских студентов // Система ценностей современного общества. 2015. № 39. С. 146—152.
11. Chang Edward C., Yang Hongfei & Yu Tina. Perceived interpersonal sources of life satisfaction in Chinese and American students: Cultural or gender differences // The Journal of Positive Psychology Dedicated to furthering research and promoting good practice. 2017. Vol. 12. № 4. P. 414—424.
12. Chao Qiuling, Yang Xueyan and Luo Cheng. Boy Crisis? Sex Differences in Self-Injurious Behaviors and the Effects of Gender Role Conflicts Among College Students in China [Электронный ресурс] // American Journal of Men's Health. 2016. Vol. 10(6) E1–E10. P. 1—10. Режим доступа: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1557988315579096> (дата обращения: 4.07.2018).
13. Chi Xinli and Hawk Skyler T. Attitudes toward Same-Sex Attraction and Behavior among Chinese University Students: Tendencies, Correlates, and Gender Differences [Электронный ресурс] // Front. Psychol. 2016. 13 October. P.1-9. Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01592> (дата обращения: 2.07.2018).
14. Hills D. Michael. Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory [Электронный ресурс] // Online Readings in Psychology and Culture. Режим доступа: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol4/iss4/3/> (дата обращения: 6.07.2018).
15. Kong Feng, Ding Ke, Zha Jingjing. The Relationships Among Gratitude, Self-esteem, Social Support and Life Satisfaction Among Undergraduate Students. // Happiness Stud. 2015. Vol.16. P. 477–489.
16. Larin V., Larina L. Similarities and differences in life aspirations and value orientations of the young people in North East Asia region (Pacific Russia, China, Japan and South Korea) // East Asian Review 2017. Vol. 17. P. 101-133.
17. Liu Ruth X. Life Events and Delinquency: An Assessment of Event-Based Stressors and Gender Differences among Adolescents in Mainland China // Sociological Inquiry. 2016. Vol. 86, No. 3, August. P. 400—426.
18. Liu Wang, Mei Jie, Tian Lili, Huebner E. Scott. Age and Gender Differences in the Relation Between School-Related Social Support and Subjective Well-Being in School Among Students // Social Indicators Research. 2015. Vol. 125. Issue 3. P. 1065—1083.
19. Moon Chung-Sook, Ohk Kyungyoung, Choi Chul. Gender Differences in Financial Literacy among Chinese University Students and the Influential Factors // Asian Women. 2014. Vol. 30 No. 2. P. 3—25.
20. Newman Ian M., Shell Duane F., Huang Zhaoqing & Qia Ling. The educational potential of alcohol-related flushing among Chinese young people [Электронный ресурс] // Drugs: education, prevention and policy. 2014. Vol. 22, iss.1. P. 52—59. Режим доступа: <https://doi.org/10.3109/09687637.2014.979764> (дата обращения: 4.07.2018).
21. Ye Shengquan, Yu Lu, Li Kin-Kit. A cross-lagged model of self-esteem and life satisfaction: Gender differences among Chinese university students // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 52. Issue 4, March. P. 546—551.
22. Zhang Xu, Ren Yaxuan, You Jianing, Huang Chao, Jiang Yongqiang, Lin Min-Pei, Leung Freedom. Distinguishing Pathways from Negative Emotions to Suicide Ideation and to Suicide Attempt: the Differential Mediating Effects of Nonsuicidal Self-Injury // Abnorm Child Psychol. 2017. Vol. 45. P. 1609—1619.
23. Zuo Xiayuna, Lou Chaohuaa, Gao Ershenga, Cheng Yana, Niu Hongfengc, and Laurie S. Zabind. Gender Differences in Adolescent Premarital Sexual Permissiveness in Three Asian Cities: Effects of Gender-Role Attitude // Adolesc Health. 2012. March. Vol. 50 (3 Suppl.):S18-25. P.1—17.

24. ジェンダーからみた中国の家と女 // 関西中国女性史研究会編 / 東宝書店 2004 372頁
(Китайская семья и женщина с точки зрения гендера // Составитель: Кансайское общество
изучения истории женщины в Китае / Книжный Дом Тоху, 2004. 372 стр.).

REFERENCES

1. Danilenko O. I., Xu Y. Values of Chinese students: significance and accessibility. Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and pedagogy. 2018. Vol. 8. Issue. 1. P. 34–46.
2. Dybovsky A. S. On some similarities and differences in the value orientations of Russian and Japanese youth (According to the results of a sociological survey among students of Vladivostok and Osaka in 2008). Russia and the Asia-Pacific Region. 2010. No. 4. P. 131–140.
3. Dybovsky A. S. On some similarities and differences in the value orientations of Japanese boys and girls. According to the survey in 2015–2016. Culture and image. Issue XV. Collaborative Language and Culture Research Project 2016. Osaka University School of Language and Culture, 2017. P. 15–21.
4. Dybovsky A. S. On the value orientations of Japanese youth (according to a sociological survey among students at Osaka State University). Materials of the 23rd Russian-Japanese symposium of historians and economists of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences and the Kansai region (Japan). Vladivostok, 2008. P. 135–163.
5. Dybovsky A. S., Larina L. L. On some similarities and differences in life attitudes, aspirations and value orientations of Japanese and Chinese students. Bulletin of the Eastern Institute. 2018 No. 2 (38) P. 57–84.
6. Dybovsky A. S., Larina L. L. On some similarities and differences of value orientations of Japanese and South Korean youth. Russia and the Asia-Pacific Region. 2016. No. 3. P. 134–156.
7. Dybovsky A. S., Larina L. L. On value orientations of Russian and Japanese youth (the experience of a comparative analysis of a survey of students of Vladivostok and Osaka). Russia and the Asia-Pacific Region. 2008. No. 1. P. 120–142.
8. Leontiev M. Yu. Vital values of Chinese students as a subject of sociological research in the PRC. Bulletin of Pacific national university. 2017. No. 1 (44). Pp. 187–194.
9. Li Zihan. Personal values of Chinese students: gender differences. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. No. 4. P. 80–84.
10. Smirnov B. I. Moral values in the perception of modern Chinese students. The value system of modern society. 2015. No. 39. P. 146–152.
11. Chang Edward C., Yang Hongfei & Yu Tina. Perceived interpersonal sources of life satisfaction in Chinese and American students: Cultural or gender differences. The Journal of Positive Psychology Dedicated to furthering research and promoting good practice. 2017. Vol. 12. № 4. P. 414–424.
12. Chao Qiuling, Yang Xueyan and Luo Cheng, Boy Crisis? Sex Differences in Self-Injurious Behaviors and the Effects of Gender Role Conflicts Among College Students in China. American Journal of Men's Health. 2016. Vol. 10(6) E1–E10. P. 1–10. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1557988315579096> (accessed: 4.07.2018).
13. Chi Xinli and Hawk Skyler T. Attitudes toward Same-Sex Attraction and Behavior among Chinese University Students: Tendencies, Correlates, and Gender Differences. Front. Psychol. 2016. 13 October. P.1–9. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01592> (accessed 2.07.2018).
14. Hills D. Michael. Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory. Online Readings in Psychology and Culture. Available at: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol4/iss4/3/> (accessed: 6.07.2018).
15. Kong Feng, Ding Ke, Zha Jingjing. The Relationships Among Gratitude, Self-esteem, Social Support and Life Satisfaction Among Undergraduate Students. Happiness Stud. 2015. Vol.16. P. 477–489.
16. Larin V., Larina L. Similarities and differences in life aspirations and value orientations of the young people in North East Asia region (Pacific Russia, China, Japan and South Korea). East Asian Review 2017. Vol. 17. P. 101–133.
17. Liu Ruth X. Life Events and Delinquency: An Assessment of Event-Based Stressors and Gender Differences among Adolescents in Mainland China. Sociological Inquiry. 2016. Vol. 86, No. 3, August. P. 400–426.

18. Liu Wang, Mei Jie, Tian Lili, Huebner E. Scott. Age and Gender Differences in the Relation Between School-Related Social Support and Subjective Well-Being in School Among Students. *Social Indicators Research*. 2015. Vol. 125. Issue 3. P. 1065 – 1083.
19. Moon Chung-Sook, Ohk Kyungyoung, Choi Chul. Gender Differences in Financial Literacy among Chinese University Students and the Influential Factors. *Asian Women*. 2014. Vol. 30 No. 2. P. 3 – 25.
20. Newman Ian M., Shell Duane F., Huang Zhaoqing & Qia Ling. The educational potential of alcohol-related flushing among Chinese young people. *Drugs: education, prevention and policy*. 2014. Vol. 22, iss.1. P. 52 – 59. Available at: <https://doi.org/10.3109/09687637.2014.979764> (accessed 4.07.2018).
21. Ye Shengquan, Yu Lu, Li Kin-Kit. A cross-lagged model of self-esteem and life satisfaction: Gender differences among Chinese university students. *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 52. Issue 4, March. P. 546 – 551.
22. Zhang Xu, Ren Yaxuan, You Jianing, Huang Chao, Jiang Yongqiang, Lin Min-Pei, Leung Freedom. Distinguishing Pathways from Negative Emotions to Suicide Ideation and to Suicide Attempt: the Differential Mediating Effects of Nonsuicidal Self-Injury. *Abnorm Child Psychol*. 2017. Vol. 45. P. 1609 – 1619.
23. Zuo Xiayuna, Lou Chaohuaa, Gao Ershenga, Cheng Yana, Niu Hongfengc, and Laurie S. Zabind. Gender Differences in Adolescent Premarital Sexual Permissiveness in Three Asian Cities: Effects of Gender-Role Attitude. *Adolesc Health*. 2012. March. Vol. 50 (3 Suppl.): S18 – 25. P.1 – 17.
24. Chinese house and woman seen from gender. Compiled by: Kansai Society for the Study of the History of Women in China. Toho Book House, 2004. 372 p. (In Japanese).

Информация об авторах:

Дыбовский Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, профессор, Школа языка и культуры аспирантуры, Осакий университет, г. Осака, Япония
aledybo@gmail.com

Ларина Лилия Львовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией изучения общественного мнения, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, г. Владивосток. Россия

Information about the authors:

Alexander S. Dybovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, School of Language and Culture, Graduate School, Osaka University, Osaka, Japan
aledybo@gmail.com

Lilia L. Larina, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of Laboratory for Public Opinion Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

Получена: 21.09.2018

Received: 21.09.2018

УДК 01

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-102-109

КОДОЛА Валерий Григорьевич
Международная академии проблем человека
в авиации и космонавтике
Московская область, Россия
vkodola@mail.ru

Valery G. KODOLA
International Academy of Human Problems in
Aviation and Cosmonautics
Moscow Region, Russia
vkodola@mail.ru

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМА ПОНЯТИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

TRANSCENDENTAL MATERIALISM OF THE CONCEPT OF EXISTENCE

Понятие существования в классической философии рассматривается ассоциированно с феноменом осознания «существом мыслящим» своего Я в состоянии бытия и наличия в этом состоянии бытия неопределенно большого множества других предметов, находящихся во взаимодействии с ощущениями и мышлением этого конкретного Я. На основании этого понятия создаются условия для проявления признаков заблуждения в суждениях относительно определения самих понятий бытия и мышления, противоречия между представлениями о которых создают проблему предоставления приоритета одному или другому понятию в их месте для определения понятия существования. Хотя сами понятия бытия и мышления не имеют отчетливого определения в терминах языка мышления существ мыслящих и носят характер предметов «чистой абстракции». В связи с этим представления существ мыслящих о существовании «заикливаются» на понятиях области предметов конкретного существования, доступных им в опыте ощущений и мышления. Эти ограничения не создают условий для выхода представлений существ мыслящих за «пределы опыта», из-за доступности наблюдения конкретного им недоступно наблюдение «чистой абстракции». Границы опыта конкретного существования предоставляют все существующее конкретно в форме неотчетливых представлений о смысле самого существования, что вводит в заблуждение самих существ мыслящих относительно смысла их существования и способствует искажению в понимании «истинных» значений понятий о морали, нравственности и совести. Поэтому, выбирая путь, присущий трансцендентальному материализму, существа мыслящие смогли бы реализовать свое стремление к пониманию «истины» морали, нравственности и совести на основании «знания», которое можно раскрыть только не на этапе «одного жизненного цикла» существования существ мыслящих, а через неопределенно большое множество перевоплощений «жизненных циклов» из одной области существования в другую.

The concept of existence in classical philosophy is considered to be associated with the phenomenon of awareness by the “thinking creature” of one’s self in a state of being and the presence in this state of being of an indefinitely large number of other objects interacting with the sensations and thinking of this particular self. On the basis of this concept, conditions are created for the manifestation of signs of delusion in judgments regarding the definition of the very concepts of being and thinking, the contradictions between the ideas about which create the problem of giving priority to one or the other concept in their place to define the concept of existence. Although the concepts of existence and thinking themselves do not have a clear definition in terms of the language of thinking of creatures that think and have the character of objects of “pure abstraction”. In this regard, the notions of existence thinking about existence “get stuck” on the concepts of the field of objects of concrete existence, sensations and thinking available to them in the experience. These restrictions do not create the conditions for the release of representations of beings who think outside the “limits of experience”, because of the availability of observation of a particular one, observation of “pure abstraction” is not available to them. The boundaries of experience of concrete existence provide everything that exists concretely in the form of vague ideas about the meaning of existence itself, which misleads beings themselves who think about the meaning of their existence, and contributes to distortions in understanding the “true” meanings of concepts of morality and conscience. Therefore, choosing the path inherent in transcendental materialism, thinking beings would be able to realize their desire to understand the “truth” of morality and conscience, based on “knowledge”, which can be revealed not only during “one life cycle” of the existence of thinking beings, but through indefinitely a great many reincarnations of “life cycles” from one area of existence to another.

Ключевые слова: существование, предмет, существо мыслящее, жизненный цикл, конкретное, абстракция, материализм, трансцендентальный, перевоплощение, область существования

Key words: existence, object, creature thinking, life cycle, concrete, abstraction, materialism, transcendental, reincarnation, domain of existence

Для цитирования: Кодола В.Г. Трансцендентального материализма понятие существования. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2. с. 102-109.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-102-109.

For citation: Kodola V.G. Transcendental materialism of the concept of existence. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 102-109.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-102-109. (in Russ)

Несмотря на многовековой опыт проникновения в «тайны» взаимосвязи предметов и явлений и существенный вклад науки в развитие мировоззренческих взглядов философии, и науке, и философии не удавалось «опуститься» до глубин «чистой абстракции». Как и в «глубокой древности», так и в современном мире, в представлениях и науки, и философии существование всего существующего рассматривалось через взаимосвязь бытия и мышления. Однако сами понятия бытия и мышления в представлениях науки и философии определяются в неконкретных, чисто отвлеченных образах, присущих самим существам мыслящим, и поэтому всякие попытки дать им определения конкретного создают условия для противоречия между понятиями о материи и сознании. При этом не учитывается факт того, что понятия «бытие» и «мышление» составляют две неразрывно сосуществующие формы, создающие условия для последовательного «раскрывания» признаков предмета конкретного существования в данной области конкретного существования [1] [3, с. 22-40] [7, с. 10-50] [11, с. 13-26, 155-220] [12, с. 44-55] [14, с. 43-73, 135-180] [15, с. 23-50, 88-100] [16, с. 84-90] [20] [22, с. 20-27] [23, с. 6, 31-36, 82-96]. Хотя сами факты проявления признаков закономерности во взаимодействии изменений состояний и свойств предметов в формах, известных для науки как механические, химические, электрические, «атомные», «квантовые», биологические, психологические и даже «математические», демонстрируют такие феномены, на основании которых можно представить, что в самих признаках изменений состояний и свойств всего существующего «заложены программы» их такого взаимодействия с изменениями состояний и свойств «предмета живого», при котором они «сами демонстрируют» ему «свои закономерности» изменения состояний и свойств [2, с. 9, 78, 115, 141] [4, с. 51-77, 297-330] [5, с. 16-25, 214-228] [6, с. 10, 13, 15, 22, 34, 50, 60, 94, 111, 126, 132, 150, 155, 160] [8, с. 72-120] [9, с. 16-24, 30-31] [10] [13, с. 87-116] [17] [18] [19, с. 9-57] [21].

В понятиях трансцендентального материализма феномен существования представляется как проявление признаков изменений состояний и свойств предмета «чистой абстракции». А в понятиях «предмета живого», известного как существа мыслящего, представление о существовании неразрывно связано с понятием «есть», чем-либо имеющемся в наличии «теперь» или «в прошлом». При этом представление о существовании мыслится как наличие чего-либо на протяжении некоторого периода, обеспечивающего «предмету живого» ощутить и осмыслить факт этого существования. Поэтому основным отличием трансцендентального представления о понятии существования от его конкретного представления состоит в том, что понятие «существует» само «демонстрирует» наличие чего-нибудь в мгновение его перехода из состояния существования «в прошлом» в состояние существования «в будущем», признаками которого являются изменения состояний и свойств этого чего-то.

Для «предмета живого», в конкретной области его существования, признаки изменения состояний и свойств наблюдаемых предметов могут быть наблюдаемыми, как имеющиеся в наличии, только как существующие «в будущем», поэтому признаки изменений состояний и свойств конкретного предмета, как существовавшего «в прошлом», становятся ненаблюдаемыми. И в понятии о существовании конкретного предмета раскрывается факт его наличия как бы «в будущем». В связи с этим в представлении трансцендентального материализма может возникнуть «иллюзорное мнение» о том, что «конкретный предмет» одновременно и «не существует», и «существует». Однако в случае «отсутствия наблюдающего» признаки изменения состояний и свойств существования должны быть «ненаблюдаемыми», то можно представить, что в «среде» «чистой абстракции» может быть в наличии что-то, обладающее способностью некоего «абстрактного наблюдающего». В этом случае «абстрактные признаки» изменения состояний и свойств

некого предмета «чистой абстракции» смогут «наблюдать» «свои собственные» признаки изменения своих состояний и свойств в мгновения «вспоминания» этих изменений в интеллектуальной форме существования, которые были «запомнены» в физической форме существования.

«Абстрактные признаки» наличия изменений состояний и свойств всего существующего должны быть наблюдаемыми, потому что в ином случае не будет смысла самого факта существования всего существующего. Данный вывод может означать то, что все неопределенно большое множество предметов «чистой абстракции», представляемое как «все существующее», должно обладать способностью «наблюдать» признаки своего существования как циклическое изменение своих состояний и свойств из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности, и наоборот. Циклическое «запоминание» и «вспоминание» признаков изменения своих состояний и свойств может создавать условия для того, чтобы «предмет чистой» абстракции начал проявлять признаки изменения состояний и свойств некоего конкретного предмета. Акт «запоминания» признаков изменений состояний и свойств существования может «фиксировать» «ощущения» наличия предмета «чистой абстракции», а акт «вспоминания» признаков «прошлого» изменений состояний и свойств существования может «фиксировать» «представление» о наличии предмета «чистой абстракции». Неопределенно большое множество предметов «чистой абстракции» в неопределенно большом множестве циклов «запоминания» и «вспоминания» «совершенствуют» способности «наблюдения» признаков изменения своих состояний и свойств, что создает условия для того, чтобы у них сформировались «способности» к наблюдению признаков изменений состояний и свойств других предметов. В связи с этим можно рассматривать как факт то, что основным свойством «всего существующего» является свойство быть в наличии независимо от того, наблюдаемо или не наблюдаемо это наличие в форме существования как предметов «чистой абстракции» или в форме существования как предметов «конкретного». При этом, если представить, что факт «наблюдения» всего существующего может отсутствовать, то в данном случае проявляются признаки «чистого парадокса», заключающегося в том, что, кроме предмета «чистой абстракции», может быть в наличии и предмет «чистой пустоты», для которого не может быть проявление признаков изменения состояний и свойств существования, понятие о котором выходит даже за рамки представления трансцендентального материализма.

Согласно представлению трансцендентального материализма, способом существования предмета «чистой абстракции» может быть проявление признаков изменения свойств существования из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности, и наоборот. Однако само понятие свойств предмета «чистой абстракции» должно иметь отличие от определения понятия свойств предмета «конкретного», существующего в данной области существования, представления, о свойствах которого определялись в понятиях целого ряда определенных «акциденций». Хотя понятие о «чистой пустоте» представляется как парадокс, но оно предоставляет повод для того, чтобы представить возможным перевоплощение признака «состояния в наличии» в признак «свойства наличия». При этом признаки «состояния в наличии» могут проявляться в состоянии признака существования предмета «чистой абстракции», как в действительности, в физической форме существования, в которой может происходить запоминание изменений свойств существования, а признаки «свойства наличия» могут проявляться в состоянии существования, как в возможности, в интеллектуальной форме существования, в которой может происходить вспоминание изменений свойств существования. Поэтому свойства и состояния существования предмета могут проявляться в способности их изменений оказывать определенные воздействия на изменения состояний и свойств других предметов.

По аналогии с условиями существования «предметов живого» в данной области существования можно представить, что наблюдение признаков взаимодействия изменений состояний и свойств предметов «чистой абстракции» должно основываться на «восприятии» неких признаков «ощущений» взаимодействия этих изменений в виде «представле-

ний» об их физической и интеллектуальной формах существования. Однако признаки таких «представлений» должны отличаться от тех «ощущений» и «мышления», которые относятся к конкретным «предметам живого», существующим в данной области, и наличие предмета «чистой абстракции» может «ощущаться» только самим «предметом чистой абстракции». Поскольку существование предмета «чистой абстракции» не имеет конкретного признака, то наличие предмета «чистой абстракции» самим этим предметом может наблюдаться только как существующим «в будущем», у его существования не может быть «прошлого». В мгновение «запоминания» признаков изменения состояний свойств, присущих самому «предмету живого», и признаков изменения состояний и свойств других взаимодействующих с ним предметов, он же, как «предмет чистой абстракции», в это же мгновение «вспоминает» признаки изменений состояний и свойств других взаимодействующих с ним «предметов чистой абстракции». Причем в мгновение «вспоминания» признаков своего существования «предметом живого», признаки своего существования «запоминает» «предмет чистой абстракции». При этом состояние предмета «чистой абстракции» представляется как наблюдаемое при условии проявления признаков его существования в конкретных физической и интеллектуальной формах существования и как ненаблюдаемое - при условии проявления признаков его существования в форме «чистой абстракции». Причем в данном случае существование предмета в форме «чистой абстракции» противопоставляется существованию «предмета живого» тем, что оно проявляет признаки существования как «в будущем» для конкретного состояния данного «предмета живого».

Можно представить, что состояние свойств существования как «в будущем» в мгновение его «запоминания» перевоплощается в состояние свойств существования как «в прошлом», изменения которых становятся доступными для акта «вспоминания». В связи с этим можно представить, что признаки существования предмета «чистой абстракции» не могут быть наблюдаемыми, а признаки существования «предмета живого» могут быть наблюдаемыми только в состоянии изменения их свойств, которые проявились «в прошлом». Поэтому наблюдать незапомненное будущее невозможно. А «образы» предметов, которые воспринимаются «предметом живого» как мыслимые, также могут проявлять признаки своего существования «в прошлом» в интеллектуальной форме их существования. При этом признаки их интеллектуальной формы существования могут быть перевоплощены в признаки изменения состояний и свойств предмета в физической форме существования в результате проявления признаков «творческой активности» «предмета живого».

В представлениях классической философии в понятии существования проявляется «историческое» понимание факта наличия предмета в данной области всего существующего в возможности и действительности. Признаки существования конкретного предмета неразрывно связываются с его «жизненным циклом», включающим акты зарождения, развития, совершенствования, деградации, разложения. Однако факт существования предмета конкретного, рассматриваемый в его «исторической» последовательности в «жизненном цикле», не предоставляет возможности понять состояние изменений его свойств «до и после его жизненного цикла», которые не могут быть представлены в опыте существ мыслящих. В связи с этим в понятиях трансцендентального материализма факт существования предмета не основывается на конкретной области его наличия, вместо понятия упорядоченного и оформленного «жизненного цикла» конкретного данного предмета рассматривается неупорядоченное и неоформленное изменение состояний и свойств предмета «чистой абстракции», для которого не может быть дано представление о каком-либо «начале» или «завершении» существования. В представлении о существовании «предмета конкретного» всегда неотъемлемо присутствует представление о его «жизненном цикле», для которого всегда имеется определенная размерность в его продолжительности и месте пребывания в наличии среди других предметов. В отличие от «предмета конкретного», для предмета «чистой абстракции» факт его наличия не может быть ни опровергнут, ни доказан в «терминах» существующего конкретно «предмета живого». Способный к осмыслению «предмет живого», проявляющий признаки существа

мыслящего, осознает как имеющееся в наличии только то, что воспринимает в своих ощущениях и мыслях. Однако число сформировавшихся за период генезиса рода существ мыслящих понятий о признаках изменений состояний и свойств неопределенно большого множества предметов данной области всего существующего ограничено и может быть выражено конечным числом символов и слов. Кроме того, в представлениях трансцендентального материализма «исторический» период наличия существ мыслящих, да и самой области их существования, может составлять лишь мгновение.

Феномен существования всего существующего, рассматриваемый как наличие признаков изменений состояний и свойств всего существующего, которые могут проявляться в физической и интеллектуальной формах существования, в терминах конкретного, свойственных для существа мыслящего, можно представить как признак некой «борьбы и единства» противоположностей, в качестве которых выступают изменения состояний и свойств существования предмета «чистой абстракции». При этом неопределенно большое множество циклов перевоплощения изменений состояний и свойств существования из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности, и наоборот, могут создавать условия для упорядоченно направленного изменения этих состояний и свойств. Причем направленность признаков изменений состояний и свойств существования предмета «чистой абстракции» может проявляться в «количественном накоплении» признаков этих изменений путем их «запоминания» в физической форме существования предмета «чистой абстракции» и преобразования их в «качественные признаки» путем их «вспоминания» в интеллектуальной форме существования предмета «чистой абстракции». Это может быть гипотетическим путем перехода «количественных» изменений состояний и свойств существования в «качественные», создающего условия для «скачкообразного» перевоплощения признаков изменения состояний и свойств предмета «чистой абстракции» в некий предмет «конкретного» существования.

Основным свойством существования всего существующего может быть свойство, связанное с изменением состояний существования из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности, и наоборот. При этом изменяются сами свойства существующего, связанные с феноменами «запоминания» и «вспоминания» изменений состояний и самих свойств. На основании признаков изменения свойств существования, связанных с «запоминанием» и «вспоминанием», признаки этих феноменов могут проявляться в физической и интеллектуальной формах существования. Кроме того, в терминах существующего конкретно понятие свойства представляется как восприятие ощущений и мыслей о признаках взаимодействия изменений состояний и свойств «предмета живого» с признаками изменений состояний и свойств других предметов данной области существования конкретного. Поэтому «прямой перенос» термина «свойство» на признаки, характеризующие существование предмета «чистой абстракции», может быть заблуждением. Потому что предмету «чистой абстракции» не может быть свойственно ни восприятие, ни ощущение, ни мышление, существующие в понятиях конкретного существования.

Из основного свойства всего существующего можно вывести свойство существования предмета «чистой абстракции». Свойством предмета «чистой абстракции» может быть изменение состояний и свойств из состояния существования в возможности в состояние существования в действительности в неупорядоченном и неоформленном виде. Для предмета «чистой абстракции» представления о понятиях «неограниченно малого» и «неограниченно большого» не имеют смысла. Потому что для качественных понятий «малого» и «большого» необходимо проявление признаков существования конкретного. На этом основании для предмета «чистой абстракции» не может быть определено понятие существования «в прошлом» или «в будущем». А «возможность» и «действительность» в существовании предмета «чистой абстракции» могут быть представлены только как «единый» одномоментный акт существования всего существующего. В связи с этим понятия свойств и состояний существования могут быть только конкретными представлениями конкретных «предметов живого», осуществляющих свой «жизненный цикл» в конкретных условиях конкретной области их существования в возможности и действи-

тельности. Поэтому «основной вопрос» трансцендентального материализма может заключаться в том, чтобы понять, могут ли признаки изменений состояний и свойств конкретного «предмета живого», сформированные и «запомненные» в его «жизненном цикле», в период существования в данной области, быть «перенесенными» в некую «новую» область их существования, в «новом» периоде «жизненного цикла», с сохранением признаков их «количественных» и «качественных» показателей. Однако неоспоримым фактом является то, что предоставить обоснованное решение данной проблемы в данной области существования невозможно. Это связано с тем, что представления о «перенесении» «предмета живого» из некой одной области существования в некую другую область существования можно получить только «вне опыта», когда факт этого события проявится как существующий «в будущем» в мгновение «разложения» признаков состояний и свойств существования «предмета живого» как «в прошлом». Кроме того, можно представить, что если при «завершении жизненного цикла» признаки изменений состояний и свойств «предмета живого» не подверглись разложению, то эти признаки не могут осуществить «переход» в иную область существования. Тогда признаки, «бывшие» признаками изменений состояний и свойств «предмета живого», перевоплощаются в признаки изменений состояний и свойств «предмета неживого».

Можно представить, что в акте «вспоминания» изменений состояний и свойств физической формы существования, изменения состояний и свойств интеллектуальной формы существования «способны» осуществлять «программирование будущих» изменений состояний и свойств в физической форме существования. На основании такой «программы будущих» изменений могут формулироваться «закономерные повторения» изменений состояний и свойств конкретных предметов, которые в физической форме их существования проявляют признаки «физических законов». Признаки существования предмета «чистой абстракции» не могут проявляться в его «жизненном цикле», потому что изменения состояний и свойств интеллектуальной и физической формы его существования не упорядочены и не оформлены в соответствующую «программу жизненного цикла». Поэтому можно представить, что представления существ, мыслящих о «Вселенной», существующей в данной области существования в виде неопределенно большого множества взаимодействующих состояний и свойств неопределенно большого множества конкретных предметов, проявляются на основании их «программ жизненного цикла», формулируемых в интеллектуальной форме существования и реализуемых в физической форме существования.

Можно представить, что признаками существования предмета являются изменения его состояний и свойств, показатели которых в период его «жизненного цикла» развиваются и совершенствуются на основании «программы жизненного цикла», свойственной данному предмету, которая создает для него условия осуществления определенного способа для взаимодействия с признаками изменения состояний и свойств других предметов. При этом «предмет живого» может обладать способностью «регулировать» направленность изменений своих состояний и свойств существования в данном «жизненном цикле». Данная способность может быть сформирована на основании его конкретной «программы жизненного цикла», на основе которой в интеллектуальной форме существования формулируется некий «смысл существования» данного конкретного предмета. Можно представить, что сам факт существования всего существующего демонстрирует некий смысл существования. Раз все существующее существует, значит, это существование имеет конкретно направленный смысл существования. А для каждого конкретного «предмета живого» конкретный смысл существования «изложен» в его «программе жизненного цикла». Представление о том, что смысл существования заключается в самом факте существования, может быть заблуждением. Потому что смысл существования может быть в целенаправленном развитии и совершенствовании признаков изменений состояний и свойств предмета конкретного, основанном на «программе жизненного цикла» каждого данного предмета конкретного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авенариус Рихард. Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. Prolegomena к критике чистого опыта / Пер. с нем.; под ред. М.М. Филиппова. - Изд. 2-е, стереотип. - М.: КомКнига, 2007. - 56 с.
2. Адам Д. Восприятие, сознание, память. Размышления биолога / Пер. с англ. Н.Ю. Алексеенко; под ред. и с предисл. Е.Н. Соколова. - М.: Мир, 1983. - 152 с.
3. Брентано Ф. Избранные работы / Сост., пер. с нем. В. Анашвили. - М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. - 176 с.
4. Бунге М. Философия физики. - М.: Прогресс, 1975. - 348 с.
5. Вайнберг С. Открытие субатомных частиц / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. Е.М. Лейкина. - М.: Мир, 1986. - 285 с.
6. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. Т. 1 / Пер. с нем. С.Д. Латушкина; под ред. В.В. Анашвили. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. - 192 с.
7. Гагинский А.М. Философия беспредпосылочных начал / Рос. акад. наук. Ин-т философии; А.М. Гагинский. - М.: ИФ РАН, 2018. - 193 с.
8. Гейзенберг Вернер. Философские проблемы атомной физики / Пер. с англ.; предисл. Н.Ф. Овчинникова; вступ. ст. И.В. Кузнецова. - Изд. 3-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 192 с.
9. Даламбер Ж. Динамика. - М.-Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1950. - 360 с.
10. Джейми Дейвис. Онтогенез. От клетки до человека. - СПб.: Питер, 2017. - 214 с.
11. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). - М., 2002. - 321 с.
12. Лосев А.Ф. Личность и Абсолют / Сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. - М.: Мысль, 1999. - 719 с.
13. Мах Эрнст. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. - М.: Территория будущего, 2005. - 304 с.
14. Мид Дж.Г. Философия настоящего / Под ред. А.И. Мерфи; предисл., введ. А.И. Мерфи; вступ. слово Дж. Дьюи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьминова (доп. очерк IV); под науч. ред. В.Г. Николаева; закл. ст. В.Г. Николаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 272 с.
15. Патнэм Х. Философия сознания / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, О.А. Назаровой, А.Л. Никифорова; предисл. Л.Б. Макеевой. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. - 240 с.
16. Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум / Пер. с англ. - М.: Мир, 2004. - 191 с.
17. Происхождение предбиологических систем / Пер. с англ., под ред. А.И. Опарина. - М.: Мир, 1966. - 464 с.
18. Революция в микромире. Планк. Квантовая теория. - М.: Де Агостини, 2012. - 170 с.
19. Фарадей М. Избранные работы по электричеству / Ред. З.А. Цеплина. - М.-Л.: ОНТИ Редакция технико-теоретической литературы, 1939. - 306 с.
20. Франц М.-Л. фон. Психэ и материя. - М.: Клуб Касталия, 2013. - 324 с.
21. Франк-Каменецкий М. Самая главная молекула. От структуры ДНК к биомедицине XXI века. - М.: Альпина нон-фикшн, 2017. - 72 с.
22. Чжуанцзы. Путь полноты свойств / Ред. В. Татаринцов. - М.: ЭКСМО, 2005. - 432 с.
23. Шредингер Э. Разум и материя. - Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000, - 96 с.

REFERENCES

1. Avenarius Rihard. Filosofiya kak myshlenie o mire soobrazno principu naimen'shej mery sil. Prolegomena k kritike chistogo opyta / Per. s nem.; pod red. M.M. Filippova. Izd. 2-e, stereotip [Avenarius Richard. Philosophy as thinking about the world according to the principle of least measure of forces. Prolegomena to the critique of pure experience / Ed. with it; ed. by M. Filippov. Ed. 2nd ed.] M.:Komkniga, 2007. 56 PP.
2. Adam D. Vospriyatie, soznanie, pamyat'. Razmyshleniya biologa / Per. s angl. N.YU. Alekseenko; pod red. i s predisl. E.N. Sokolova. [Perception, consciousness, memory. Reflections of a biologist. Ed. from English. N. Yu. Alekseenko; ed. and with Foreword. E. N. Sokolov]. M.: Mir, 1983. 152 p.
3. Brentano F. Izbrannye raboty. Sost., per. s nem. V. Anashvili. [Works are Selected. with him. V. Anashvili]. M.: intellectual book House, Russian phenomenological society, 1996. 176 p.
4. Bunge M. Filosofiya fiziki. [Philosophy of physics]. M.: Progress, 1975. 348 p.

5. Vajnberg S. Otkrytie subatomnykh chastic. Per. s angl.; pod red. i s predisl. E.M. Lejkina. [The Discovery of subatomic particles. Per. from English.; ed. and C Preface. E. M. Leykin]. M.: Mir, 1986. 285 p.
6. Vitgenshtejn L. Zametki o filosofii psilogologii. T. 1. Per. s nem. S.D. Latushkina; pod red. V.V. Anashvili. [Notes on the philosophy of psychology. Vol. 1. Per. him. S. D. Latushkina; under the editorship of V. V. Anashvili]. M: House of intellectual books, 2001. 192 P.
7. Gaginskaya A. M. Filosofiya bespredposylochnykh nachal. Ros. akad. nauk. In-t filosofii; A.M. Gagin-skij. [Philosophy pure began. Grew. Akad. sciences'. In-t of philosophy; M. A. Gaginskaya]. M.: if RAS, 2018. 193 p.
8. Heisenberg Werner. Philosophical problems of atomic physics. Per. with English.; Preface. N. F. Ovchinnikov; introd. art. I. V. Kuznetsova. Ed. 3. M.: Publishing house LKI, 2008. 192 P.
9. Dalamber Zh. Dinamika. [Dynam]. M-L.: State publishing house of technical and theoretical literature, 1950. 360 p.
10. Jamie Davis. Ontogenez. Ot kletki do cheloveka. [Ontogenesis. From cell to human.] SPb.: Peter, 2017. 214 p.
11. Zinoviev, A. A. Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu (na materiale «Kapitala» K. Marksa). [The Ascent from the abstract to the concrete (by the material of K. Marx's capital)]. M., 2002. 321 p.
12. Losev A. F. Lichnost' i Absolyut. Sost. i obshch. red. A.A. Taho-Godi [Personality and absolute. Comp. and the General editorship of A. A. Takho-godi]. Moscow: Mysl', 1999. 719 p.
13. Max Ernst. Analiz oshchushchenij i otnoshenie fizicheskogo k psicheskemu [The analysis of sensations and the relation of the physical to the mental]. M.: territory of the future, 2005. 304 p.
14. Mid Dzh.G. Filosofiya nastoyashchego. Pod red. A.I. Merfi; predisl., vved. A.I. Merfi; vstup. slovo Dzh. D'yui; per. s angl. V.G. Nikolaeva, V.YA. Kuz'minova (dop. ocherk IV); pod nauch. red. V.G. Nikolaeva; zakl. st. V.G. Nikolaeva; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ehkonomiki». [Philosophy of present. ed. by A. I. Murphy; Foreword., enter. Murphy, Intro. the word John. Dewey; translated from English. V. G. Nikolaeva, V. ya. Kuzminova (additional essay IV); pod nauch. ed. V. G. Nikolaev; zakl. V. G. Nikolaev; National. research. University "Higher school of Economics"]. M.: Izd. house of Higher school of Economics, 2014. 272 p.
15. Putnam H. Filosofiya soznaniya / Per. s angl. L.B. Makeevoj, O.A. Nazarovo, A.L. Nikiforova; predisl. L.B. Makeevoj [Philosophy of consciousness. Per. with English. L. B. Makeeva, O. Nazarova, A. L. Nikiforova. L. B. Makeeva]. M: House of intellectual books, 1999. 240 p.
16. Penrose, R., Shimoni, A., Cartwright N., Hawking S. Bol'shoe, maloe i chelovecheskij razum. Per. s angl. [Large, the small and the human mind. Ed. from English]. M.: Mir, 2004. 191 p.
17. The origin of pre-biological systems / Ed. from English. under the editorship of A. I. Oparin. M.: Mir, 1966. 464 p.
18. Revolution in the microcosm. Planck. Quantum theory. M.: De Agostini, 2012. 170 p.
19. Faraday M., Selected works on electricity, Ed. Z. A. Tsaplina. M-L.:ONTI Edition of technical and theoretical literature, 1939. 306 p.
20. Franc M.-L. fon. Psiheh i materiya. [Psyche and matter]. M.: Club Kastalia, 2013. 324 p.
21. Frank-Kamenetsky M. Samaya glavnaya molekula. Ot struktury DNK k biomedicine XXI veka. [The most important molecule. From DNA structure to Biomedicine of the XXI century]. M.: Alpina non-fiction, 2017. 72 p.
22. Chuang Tzu. Path completeness properties. Ed. V. Tatarinov. M.: EKSMO, 2005. 432 p.
23. Schrödinger E. Mind and matter. Izhevsk: SIC "Regular and chaotic dynamics", 2000, 96 p.

Информация об авторе:

Кодола Валерий Григорьевич, доктор педагогических наук, академик Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике,
Московская область, Россия
vkodola@mail.ru

Получена: 23.09.2018

Information about the author:

Valery G. Kodola, Doctor of Pedagogical Sciences, Academician of the International Academy of Human Problems in Aviation and Cosmonautics,
Moscow Region, Russia
vkodola@mail.ru

Received: 23.09.2018

УДК 316.35

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-110-118

КОМОРНИКОВА Ольга Михайловна
Шадринский государственный
педагогический университет
г. Шадринск, Россия
olya.orexovo@yandex.ru

Olga M. KOMORNIKOVA
Shadrinsk State Pedagogical University
Shadrinsk, Russia
olya.orexovo@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**THE PROBLEM OF YOUTH INCLUSION IN THE
ACTIVITIES OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN
CONTEMPORARY RUSSIA**

В статье анализируются факторы, определяющие процесс включения молодежи в деятельность общественных организаций в современном российском обществе. Влияние отношения общества к таким объединениям достаточно противоречно - наряду с признанием их положительной роли и значимости для социума отмечается и недоверие в связи с несоответствием их деятельности заявленным целям и ожиданиям людей, а также невысокая ориентированность на участие в инициативных группах. В целом, общий социальный фон нельзя назвать благоприятным для включения населения в деятельность общественных объединений. Особенности группы молодежи, обусловленные спецификой социального статуса и опыта, способствуют более высокой активности ее представителей: объективная потребность в самореализации, расширении социального опыта ориентируют на включение в различные формы общественной деятельности. При этом прослеживается переориентация интересов молодых людей с политической на другие виды социокультурной активности. На современном этапе одной из проблем развития добровольчества среди молодежи является поиск баланса альтруистических и инструментальных, карьерных мотивов, формирование гражданского сознания и социальной ответственности. Кроме того, молодежное движение нуждается в организационной и финансовой поддержке. В заключении выделены противоречия, которые затрудняют включение российской молодежи в общественные организации.

The article analyzes the factors that determine the process of inclusion of young people in the activities of public organizations in contemporary Russian society. The influence of society's attitude to such associations is quite contradictory – along with the recognition of their positive role and importance for society, there is also distrust in connection with the discrepancy of their activities to the stated goals and expectations of people, as well as a low focus on participation in initiative groups. As a whole, the general social background cannot be called favorable for the inclusion of the population in the activities of public associations. Features of the youth group, due to the specifics of social status and experience, contribute to a higher activity of its representatives: the objective need for self-realization, the expansion of social experience focused on the inclusion in various forms of social activity. At the same time, there is a reorientation of young people's interests from political to other types of socio-cultural activity. At the present stage, one of the problems of the development of volunteerism among young people is the search for a balance of altruistic and instrumental, career motives, the formation of civic consciousness and social responsibility. In addition, the youth movement needs organizational and financial support. In conclusion, the contradictions that complicate the inclusion of Russian youth in public organizations are highlighted.

Ключевые слова: молодежь, общественные организации, включение, социальное доверие, волонтерство, система ценностей, мотивация, альтруизм, социальная ответственность.

Key words: youth, public organizations, inclusion, social trust, volunteering, value system, motivation, altruism, social responsibility

Для цитирования: Коморникова О.М. Проблемы включения молодежи в деятельность общественных организаций в современной России. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 110-118. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-110-118.

For citation: Komornikova O.M. The problem of youth inclusion in the activities of public organizations in contemporary Russia. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 110-118. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-110-118. (in Russ)

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта Шадринского государственного педагогического университета «Молодежные движения: история и современность (к столетию образования ВЛКСМ)» приказ №378А от 22 декабря 2017 г.

Acknowledgement. Research is performed under the grant Shadrinsk State Pedagogical University «Youth movement: history and modernity (the centenary of the founding of the Komsomol)» order № 378A of 22 December 2017.

Актуальность включения молодежи в деятельность общественных организаций обусловлена рядом обстоятельств. С одной стороны, этот процесс создает условия для социализации молодежи, трансляции социально значимых ценностей и практик, расширения социальных связей, способствует минимизации рисков, связываемых с этой группой. С другой стороны, включение молодежи в различные формы социальной активности рассматривается как один из ресурсов решения насущных задач современного общества, поскольку с ней связывается реализация перспектив его успешного и динамичного развития. Здесь особую значимость приобретает инновационный потенциал молодежи, поскольку она обладает способностью «чувствовать, познавать и осваивать новые нарождающиеся социальные образцы» [1, с. 4]. И хотя общественные организации как социальный институт нельзя назвать чем-то новым для российского общества, тем не менее в современных условиях происходит его трансформация, обусловленная качественными изменениями межличностной и межгрупповой коммуникации, иерархии ценностей, отношения ко многим социальным явлениям.

Значимость поставленной в работе проблемы обусловлена и тем, что современное российское общество настоятельно нуждается в активизации механизмов включения всех групп населения в социально значимую деятельность, поскольку после распада СССР внимание людей было переключено на личные интересы, задачи выживания в новых условиях, а общественные - оказались на втором плане.

В социологии общественную организацию трактуют как «организация, добровольное объединение, представляющее интересы определенных групп населения, основанное на самоуправлении» [2, с. 223-224]. В основе ее деятельности лежит осознание социальными субъектами интересов (как личных, так и общесоциальных) и готовность принять участие в их реализации.

Процесс включения молодежи в деятельность общественных организаций зависит от ряда факторов. Во-первых, это доминирующее в обществе отношение к таким организациям и осуществляемой ими деятельности, в том числе волонтерской. Во-вторых, особенности группы молодежи, обусловленные спецификой социализации на данном этапе развития общества. В-третьих, необходимо учитывать тенденции развития молодежного движения на современном этапе, мотивацию его активистов.

Масштабы вовлеченности населения в различные формы общественной деятельности оцениваются исследователями как незначительные - лишь четверть респондентов по данным всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в июле 2014 г. (N=1600 человек), имели опыт участия в работе инициативных групп, организаций и объединений [3]. При этом отмечается, что возможности роста участия россиян, по данным всероссийского опроса населения (N=1200), в волонтерской деятельности в некоммерческих организациях или инициативных группах невелики: только 4% выразили самые серьезные намерения начать или активизировать свою волонтерскую деятельность [4, с. 10].

Среди обстоятельств, которые обуславливают невысокую мотивацию на участие в различных формах общественных объединений, отметим социально-экономическую ситуацию в стране. Падение уровня жизни населения стимулирует распространение негативных настроений относительно всего происходящего вокруг. Также мы наблюдаем трансформацию иерархии жизненных ценностей, отношения к окружающим людям и миру, снижение позитивной мотивации к труду как таковому. Еще сильнее это сказывается на безвозмездной деятельности для решения социально значимых задач: «в системе

ценностных ориентаций, сформировавшейся в современном российском обществе, такие элементы, как помогающее поведение, бескорыстный труд, направленный на улучшение социальной среды, жизнь и здоровье людей, далеки от приоритетных позиций» [5]. Трансформировался и тип социальных связей между отдельными членами общества (в рабочих коллективах, сообществах соседей). Исследователи отмечают, что россиянам более характерен «конкретный» альтруизм по отношению к близким людям, чем «абстрактный» по отношению к окружающим в целом [6, с. 155].

Эти процессы негативно сказываются на уровне социального доверия в обществе. Опрос россиян, проведенный в сентябре 2018 г. Левада-Центром по репрезентативной всероссийской выборке объемом 1600 человек в возрасте от 16 лет и старше, показал невысокий уровень доверия к таким институтам, как благотворительные организации - 38%, региональные органы власти - 29%, местные органы власти 27%, профсоюзы - 24%, чуть больше доверяют церкви и религиозным организациям - 48% [7]. Между тем социальное доверие рассматривается как условие эффективности функционирования добровольческих организаций: «...доверие в гражданском обществе инициирует совместные действия, служит воспроизводству отношений взаимопомощи, действий индивидуального и коллективного характера для решения проблем, касающихся широких социальных общностей и т.д. Оно выступает основой самоорганизации, совместной деятельности людей, служит поддержанию моральных основ и социальных норм; обеспечивает социальную интеграцию» [8, с. 150]. При этом социальное доверие, по своей сути, довольно сложное многоуровневое явление, и его глубокий анализ показывает, что более важным фактором, способствующим участию россиян в денежных пожертвованиях и добровольческой работе, является наличие доверия к негосударственным некоммерческим организациям, по сравнению с обобщенным и межличностным доверием [9, с. 156]. Следовательно, масштабы включенности россиян в деятельность общественных организаций зависят от отношения непосредственно к ним.

Данные всероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ в 2007 и 2014 гг., выявили противоречивость изменения отношения россиян к институту общественных организаций и их роли в жизни общества. С одной стороны, выросло число считающих, что такие организации защищают права граждан и способствуют проявлению общественных инициатив, осуществляют независимый контроль над деятельностью государственных органов. С другой стороны, увеличилось и число тех, кто склонен думать, что подобные объединения создаются только для удовлетворения личных потребностей их руководителей. Немалая часть опрошенных считает, что общественные организации помогают лишь членам данных образований - 39% [10]. Невысоко и доверие молодых людей к общественно молодежным организациям - 8% [11, с. 115].

Таким образом, отношение к общественным организациям в современном варианте их функционирования достаточно противоречиво - наряду с признанием их положительной роли и значимости для общества отмечается и недоверие в связи с несоответствием их деятельности заявленным целям и ожиданиям людей. В целом, общий социальный фон нельзя назвать благоприятным для включения населения в деятельность общественных объединений, хотя и есть отдельные положительные тенденции изменения отношения россиян к их деятельности.

Далее обратимся к рассмотрению вопроса о влиянии характеристик группы молодежи на возможность ее включения в деятельность общественных организаций. Исследователи отмечают наличие зависимости реализации декларируемой готовности к социальной активности от социального статуса и опыта молодежи [12, с. 30]. Также внимание акцентируется на специфических социальных характеристиках молодежи, обусловленных современным этапом развития российского общества, и их влиянии на социальную активность.

Высказывается мнение, что в условиях постсоветских трансформаций сформировалось новое поколение. Его особенности объясняются тем, что молодежь долгое время была объектом воздействия со стороны власти, а в 2000-е годы сформировалось новое поколение, не имеющее «системы политических ценностей» [13]. Если с первым утвер-

ждением можно согласиться, то относительно второго нужно заметить, что, на наш взгляд, молодое поколение имеет систему ценностей, в том числе и политических. Более точным для характеристики сложившейся ситуации является вывод о том, что молодежь стала менее политизированной. По мнению Е. Омельченко, за годы перестройки молодежный активизм перекочевал из пространства политики в пространство культуры. Политические движения малопривлекательны, чистое волонтерство практически исключается, что во многом обусловлено общей коммерциализацией политической сферы [14, с. 152-154]. Следовательно, маловероятно, что современная молодежь будет стремиться проявлять активность, самореализовываться в деятельности организаций и движений политического характера в силу сконцентрированности интересов на других сферах жизни общества. Активно хотят участвовать в политической жизни страны 6,7% молодых людей, более 62% готовы участвовать формально, когда в этом будет необходимость [15, с. 114].

Имеющиеся эмпирические данные подтверждают тенденцию изменения направленности интересов молодежи. Среди направлений социальной активности по данным опроса волонтеров (N=800) по частоте участия на первых местах стоят филантропические организации и группы, занимающиеся поддержкой социально незащищенных слоев населения и уязвимых групп - 21% и 14%, третьими идут неполитические молодежные объединения - 11% [16, с. 8]. В целом группа молодежи демонстрирует наибольшую информированность и одобрение в отношении экологических организаций (40%) [17, с. 35].

Таким образом, молодежь более положительно настроена по отношению к организациям неполитического толка. Наличие какой-либо связи общественных организаций с органами власти зачастую приводит к трансляции на них негативных стереотипов, существующих относительно властных структур. Особенно остро это воспринимается молодежью, которая в силу специфики социального опыта склонна к противопоставлению и крайним оценкам.

Реалии жизни российского общества способствуют формированию у молодых людей особого мироощущения. Как отмечают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, современная социально-классовая структура российского общества породила распределительные отношения, благодаря которым у молодежи формируется иждивенческая психология, ориентированная на попечительскую роль государства [18, с. 588]. Нельзя сказать, что такие настроения свойственны только молодежи. Исследование ВЦИОМ 2014 г. показало, что треть россиян (34%) склонна думать, что общественные организации не нужны, а их задачи должно решать государство, причем чаще об этом говорят малообеспеченные респонденты (46%) [19]. Результаты, полученные Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, показывают, что более двух пятых жителей страны считают, что решение всех проблем должно брать на себя правительство [20, с. 10]. Присутствие у значительной части общества таких ориентаций негативно влияет на перспективы вовлечения молодых людей в деятельность общественных организаций.

Приведем также данные относительно оценок молодежи своей способности создать собственные общественно-политические организации - примерно половина считает, что это вполне возможно, и около трети думают иначе [21, с. 115]. Конечно, это в значительной мере декларируемая позиция, и даже те, кто позитивно оценивает перспективы молодежных организаций, не всегда по объективным причинам могут принять непосредственное участие в их деятельности. С другой стороны, охват такими организациями членов общества никогда не будет стопроцентным. Тем не менее можно говорить о наличии ориентированности и потребности именно в такой форме выразить свои интересы.

Это обстоятельство важно, поскольку именно молодые люди в возрасте 18-24 лет относятся к одной из самых активных социальных групп, и, например, ее представители называются в качестве наиболее готовых мобилизоваться на активные социальные действия [22, с. 30]. По данным всероссийских опросов, проведенных Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в рамках проекта «Мониторинг состояния гражданского общества» в 2017 г. (объем выборки - 4000 человек и телефонный опрос - 2412 человек), они чаще идентифицируют себя как волонтеров 27% (в

целом 18% россиян) [23]. Всероссийский опрос, проведенный в октябре 2018 г. среди россиян старше 18 лет (N=1600), показал, что за последний год волонтерами работали 22% молодых людей этого возраста, в целом по выборке - 8% россиян [24]. Отмечается, что наиболее высока доля состоящих в молодежных организациях среди студентов вузов и техникумов [25, с. 138]. Более высокие показатели молодежи обусловлены ее особым социальным статусом - необремененностью семьей, работой, стремлением самореализоваться.

Таким образом, условия социализации современной молодежи выдвигают на первый план индивидуальные интересы, распространяют иждивенческие настроения, формируют противоречивые представления относительно целесообразности участия в деятельности общественных организаций. Однако ее социальный статус, объективная потребность в самореализации, расширении социального опыта ориентируют ее на включение в различные формы общественной деятельности.

Характеризуя состояние современного молодежного движения, приведем результаты исследований, проведенных ИСПИ РАН. Они показывают, что доля молодежи, вовлеченной в различные движения, не превышает 1,4% [26, с. 35]. Конечно, далеко не все молодые люди в силу своих индивидуальных характеристик, жизненных обстоятельств потенциально могут участвовать в общественной деятельности, тем не менее такие показатели являются незначительными, особенно учитывая, что данная группа обладает, как уже отмечалось, значительным потенциалом.

Имеющиеся данные показывают, что набор жизненных ценностей активистов молодежных объединений и их менее активных ровесников не отличаются [27, с. 57]. В то же время включение в любые социальные институты приводит к формированию специфических молодежных идентичностей [28, с. 12]. Соответственно мироощущению участников общественных организаций свойственны отличительные жизненные установки.

Выводы исследователей позволяют говорить о сложности мотивации добровольческой деятельности. Она «далеко не всегда включает исключительно альтруистические мотивы, связанные с осознанием ценности солидарности... не всегда сообщество добровольцев - это солидарное сообщество... в некоторых ситуациях... могут доминировать конкурентные отношения» [29, с. 31]. Отмечается и специфика структуры мотивации волонтеров из числа молодежи. По сравнению с другими возрастными группами у них наиболее выражены карьерные мотивы и наименее альтруистические [30]. В зарубежных исследованиях также отмечается сочетание инструментальных и карьерных мотиваций с альтруистическими мотивами [31, с. 77].

В связи с этим особо подчеркивается необходимость «соотносить и регулировать процессы формирования и укрепления человеческого капитала молодежи и их гражданских позиций и социальной ответственности. Односторонняя актуализация проблемы получения новых знаний, развития способностей, навыков и практических умений молодежи вне их увязки с усилением социальной ответственности за происходящее в стране может привести к перерождению молодежных движений в институты рыночного типа, игнорирующие гражданские обязательства и связанные с ними институты» [32, с. 57]. Зарубежные исследователи также отмечают, что воспитание социальной ответственности должно являться основой добровольчества и условием его дальнейшего расширения [33, с. 885].

Нужно отметить, что традиционно в российской культуре ярко выражены мотивы альтруизма, бескорыстной помощи. Стереотипы о «тимуровцах», пионерах и других общественных подвижниках воспроизводятся в сознании части населения, что можно проследить и в приведенных выше высказываниях российских авторов. Поэтому общественная деятельность, в которой присутствуют корыстные мотивы, вызывает негативное отношение. Зарубежные исследователи менее категоричны. В частности высказывается мнение, что, набирая новых волонтеров, учебные заведения должны стремиться увязывать добровольчество с возможностями карьерного роста, то есть подчеркивать его инструментальные преимущества. Важен сам факт вовлечения в такого рода деятельность,

поскольку опыт, полученный в университетах, иных учреждениях, может стать базой для дальнейшего участия в волонтерстве [34, с. 77-78].

Современное молодежное движение приобретает все более тесные связи с другими социальными институтами, что позволяет молодежи строить траектории социальной мобильности, использовать добровольческую деятельность для решения собственных задач, поэтому актуализируется вопрос баланса альтруистических и инструментальных, карьерных мотивов. Этот вопрос имеет особую остроту в контексте традиционных ценностей, образцов поведения российской культуры, в связи с тем, что они воспроизводятся все меньшей частью молодежи. Исследование в рамках проекта «Европейское социальное исследование» 2008 г. (28 стран) выявило: молодые люди в нашей стране менее альтруистичны не только по сравнению со старшими поколениями, но и сверстниками в других европейских странах [35, с. 155]. Конечно, в современных социальных реалиях сложно в той или иной форме оказывать безвозмездную помощь, но объективно сокращение масштабов этого явления оказывает негативное влияние на развитие общества.

Зарубежный опыт показывает, что эффективность добровольческого движения зависит от наличия финансовой поддержки, а также помощи со стороны образовательных организаций [36]. Результатом этого является то, что волонтеры, поддерживаемые университетом, наиболее удовлетворены организацией волонтерства [37, с. 172]. В современных российских условиях этот аспект развития добровольческих организаций также актуален, поскольку, освободившись от влияния со стороны государства, они все же нуждаются в организационной и финансовой поддержке и сами по себе развиваться не всегда могут. Особенно это касается чисто молодежных объединений, члены которых не обладают достаточным жизненным опытом, значимым статусом.

Таким образом, в современной России вовлеченность молодежи в общественные организации невелика. И хотя отношение общества к деятельности таких организаций становится более положительным, а группа молодежи обладает здесь хорошим потенциалом, можно отметить ряд противоречий, которые затрудняют ее включение в деятельность общественных объединений:

- потребность российского общества в социально активных гражданах, которые могли бы принять участие в решении общесоциальных задач, и сконцентрированность жизненных ресурсов на достижении индивидуальных целей;
- наличие в российском обществе настроений, отражающих недоверие к властным структурам, и ожидание действий со стороны власти для решения насущных социальных проблем (потребность в проявлении политической воли), распространение иждивенческих настроений;
- несовпадение ожидаемых результатов деятельности общественных организаций с реальными, что подкрепляет негативные стереотипы, в частности, о корыстных намерениях их активистов;
- традиционная ориентированность русской культуры на бескорыстную помощь, подвижничество и рост инструментальных мотиваций добровольческой деятельности в условиях рыночной экономики.

Противоречия носят системный характер, их решение возможно при наличии инициатив как сверху, так и снизу. Нельзя сказать, что россияне, и молодежь в том числе, не ориентированы на деятельность в рамках общественных организаций, но сложившаяся социальная ситуация не позволяет реализовать имеющиеся ориентации в конкретных действиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. - М.: Перспектива, 2016. - 166 с.
2. Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор Г.В. Осипов. - М.: Издательская группа Инфра-М-Норма, 1998. - 488 с.

3. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации»: Фонд Общественное Мнение. URL: <http://opuo.ru/wp-content/uploads/2016/04/Resurs-dobrovolcheskogo-dvizheniya.pdf> (дата обращения: 25.08.2018).
4. Мерсиянова И. Вовлеченность россиян в добровольчество // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. - 2015. - Декабрь, № 4(8). - С. 6-10. URL: https://grans.hse.ru/data/2016/03/24/1127955802/Bulleten%208_web.pdf (дата обращения: 03.09.2018).
5. Отчет по проекту...Указ. соч.
6. Синельников А.Б. Ценностные ориентации российской и европейской молодежи // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. - 2011. - № 1. - С. 145-158.
7. Институциональное доверие. Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (дата обращения: 25.09.2018).
8. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные ны. - 2017. - № 2. - С. 145-159. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2017/138/2017_138_09_Mersianova.pdf (дата обращения: 23.08.2018) DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.09.
9. Там же.
10. Нужны ли нашему обществу - общественные организации? Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=743> (дата обращения: 24.08.2018).
11. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Указ. соч.
12. Отчет по проекту...Указ. соч.
13. Давыдов А.В., Коряковцева О.А. Молодежные организации и движения в России: история и современность // PolitBook. - 2014. - № 3. - С. 41-54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezhnye-organizatsii-i-dvizheniya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 7.09.2018).
14. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. - 2006. - Т. 4. - № 2. - С. 151-182.
15. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Указ. соч.
16. Мерсиянова И. Указ. соч.
17. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Указ. соч.
18. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. - М.: Институт социологии РАН, 2010. - 592 с. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17983581_82850015.pdf (дата обращения: 3.10.2018).
19. Нужны ли нашему обществу общественные организации? Указ. соч.
20. Мерсиянова И. Указ. соч.
21. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Указ. соч.
22. Отчет по проекту...Указ. соч.
23. Мерсиянова И.В. Тенденции развития волонтерства в России: Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. - М., 2018. URL: <http://igur.urfu.ru/index.php/article/archive/3412/> (дата обращения: 25.08.2018).
24. Добровольчество и волонтерство: как мы помогаем друг другу. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9380> (дата обращения: 07.10.2018).
25. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Указ. соч.
26. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Указ. соч.
27. Темницкий А.И. Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодежных объединений (на примере форума «Селигер-2008») // Социологические исследования. - 2009. - № 9. - С. 48-58.
28. Луков Вал.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. - 2012. - № 1. - С. 5-16.
29. Отчет по проекту...Указ. соч.
30. Мерсиянова И.В. Тенденции....Указ. соч.

31. Cnaan R.A., Smith K.A., Holmes K., Haski-Leventhal D., Handy F. Motivations and Benefits of Student Volunteering: Comparing Regular, Occasional, and Non-Volunteers in Five Countries. Available at: http://repository.upenn.edu/spp_papers/153/ (accessed 3 October 2018).
32. Темницкий А.И. Указ. соч.
33. Cheung C.-K., Lo T.W., Liu S.-C. Relationships Between Volunteerism and Social Responsibility in Young Volunteers // *Voluntas*. - 2015. - Vol. 26. - No. 3. - Pp. 872-889. DOI: 10.1007/s11266-014-9486-6.
34. Cnaan R.A., Smith K.A., Holmes K., Haski-Leventhal D., Handy F. Decree. ed.
35. Синельников А.Б. Указ. соч.
36. Brewis G., Holdsworth C. University Support for Student Volunteering in England: Historical Development and Contemporary Value // *Journal of Academic Ethics*. - June 2011. - Vol. 9. I. 2. - Pp. 165-176. DOI: 10.1007/s10805-011-9129-0; Darwen J., Rannard A.G. Student volunteering in England: A critical moment // *Education and Training*. - March 2011. - Vol. 53. I. 2. - Pp. 177-190. DOI: 10.1108/00400911111115717.
37. Brewis G., Holdsworth C. Decree. ed.

REFERENCES

1. Zubok, Yu. A., Rostovskaya K. T., Smakotina N. L. *Molodez i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshestve* [Youth and youth policy in contemporary Russian society]. M: Perspective, 2016. P. 166. (in Russian)
2. *Sotsiologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Sociological encyclopedic dictionary] / editor-coordinator G. V. Osipov. M., Publishing group of INFRA-M-NORMA, 1998. 488 p. (in Russian)
3. Otchet po proectu «Resurs dobrovolcheskogo dvizheniya avangardnykh grupp dlya rossiyskoy modernizatsii» [Report on the project «Resource of the volunteer movement of avant-garde groups for Russian modernization»]: Public Opinion Foundation. Available at: <http://opuo.ru/wp-content/uploads/2016/04/Resurs-dobrovolcheskogo-dvizheniya.pdf>. (accessed 25 August 2018). (in Russian)
4. Mersyanova I. Vovlechnost rossiyan v dobrovolchestvo [Involvement of Russians in volunteering]. Information and analytical Bulletin on the development of civil society and the non-profit sector in RF. 2015. December, № 4(8). Pp. 6-10. Available at: <https://grans.hse.ru/data/2016/03/24/1127955802/Bulleten%20web.pdf> (accessed 3 September 2018) (in Russian)
5. Otchet po proectu. Decree. ed. Available at: <http://opuo.ru/wp-content/uploads/2016/04/Resurs-dobrovolcheskogo-dvizheniya.pdf>. (accessed 25 August 2018). (in Russian)
6. Sinel'nikov A. B. Value orientations of Russian and European youth. Bulletin of Moscow University. Episode 18. Sociology and political science. 2011. No. 1. Pp. 145-158. (in Russian)
7. *Institutsionalnoe doverie* [Institutional confidence]. The Levada Center. Yuri Levada analytical center. Available at: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (accessed 3 September 2018) (in Russian)
8. Mersyanova I. V., Korneeva I. E. Vliyaniye doveriya na uchastie rossiyan v blagotvoritelnost [The impact of trust on Russians' participation in charities]. Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes. 2017. № 2. Pp. 145-159. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2017/138/2017_138_09_Mersyanova.pdf. (accessed 23 August 2018). DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.09. (in Russian)
9. Ibid. (in Russian)
10. Nuzny li nashemu obshestvu - obshestvenniye organizatsii [Do our society need public organizations?]. Russian public opinion research center.. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=743> (accessed 24 August 2018). (in Russian)
11. Zubok, Yu. A., Rostovskaya K. T., Smakotina N. L. Decree. ed. (In Russian)
12. Report on the project. Decree. ed. (In Russian)
13. Davydov A., Koryakovtseva O. *Molodezhnye organizatsii i dvizheniya v Rossii: istoriya i sovremennost* [The youth organizations and the movements in Russia: history and present]. PolitBook. 2014. № 3. Pp. 41-54. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezhnye-organizatsii-i-dvizheniya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (accessed 7 September 2018). (in Russian)
14. Omelchenko, E. L. Nachalo molodezhnoy eri ili smert molodezhnoy kultury? «Molodost» v publicnom prostranstve sovremennosti [The beginning of the youth era or the death of youth culture?]

- «Youth» in the public space of modernity]. Journal of social policy studies. 2006. Vol. 4. № 2. Pp. 151-182. (in Russian)
15. Zubok, Yu. A., Rostovskaya K. T., Smakotina N. L. Decree. ed. (In Russian)
16. Mersiyanova I. Decree. ed. (In Russian)
17. Zubok, Yu. A., Rostovskaya K. T., Smakotina N. L. Decree. ed. (In Russian)
18. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodez Rossii: sotsiologicheskiy portret [Youth of Russia: sociological portrait]. - M., Institute of sociology, RAS, 2010. - p. 592. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17983581_82850015.pdf (accessed 3 October 2018). (in Russian)
19. Do our society need.... Decree. ed. (In Russian)
20. Mersiyanova I. Decree. ed. (In Russian)
21. Zubok, Yu. A., Rostovskaya K. T., Smakotina N. L. Decree. ed. (In Russian)
22. Report on the project... Decree. ed. (In Russian)
23. Mersiyanova I. V. Tendentsii razvitiya volonterstva v Rossii [Trends in the development of volunteerism in Russia]: Center for civil society and non-profit sector research, NRU HSE, M., 2018. Available at: <http://igup.urfu.ru/index.php/article/archive/3412/> (accessed 25 August 2018). (in Russian)
24. Dobrovolchestvo I volonterstvo: kak my pomogaem drug drugu [Help at will and volunteering: how we help each other]. Russian public opinion research center. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9380> (accessed 07 October 2018). (in Russian)
25. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Decree. ed. (In Russian)
26. Zubok, Yu. A., Rostovskaya K. T., Smakotina N. L. Decree. ed. (In Russian)
27. Temnitskiy A. L. Chelovecheskiy potentsial I grazdanskiye pozitsii aktivistov molodezhnykh obshchestvennykh soyuzov (na primere foruma «Seliger-2008») [Human potential and civic positions of activists of the youth associations (on the example of the forum «Seliger-2008»)]. Sociological studies. 2009. № 9. Pp. 48-58. (in Russian)
28. Lukov Val. A. Kontseptualizatsiya molodezi v XXI veke: noviye idei I podhodi [Conceptualizing of youth in 21st century: new ideas and approaches]. Sociological studies. 2012. № 1. Pp. 5-16. (in Russian)
29. Report on the project... Decree. ed. (In Russian)
30. Mersiyanova I. V. Trends... Decree. ed. (In Russian)
31. Cnaan R. A., Smith K. A., Holmes K., Haski-Leventhal, D., Handy, F. Motivations and Benefits of Student Volunteering: Comparing Regular, Occasional, and Non-Volunteers in Five Countries. Available at: http://repository.upenn.edu/spp_papers/153/ (accessed 3 October 2018) (in English)
32. Temnitskiy A. L. Decree. ed. (In Russian)
33. Cheung C.-K., Lo T. W., Liu S.-C. Relationships Between Volunteerism and Social Responsibility in Young Volunteers. Voluntas. Vol. 26. No. 3. 2015. Pp. 872-889. DOI: 10.1007/s11266-014-9486-6. (in English)
34. Cnaan R. A., Smith K. A., Holmes K., Haski-Leventhal, D., Handy, F. Decree. ed. (in English)
35. Sinel'nikov A. B. Decree. ed. (In Russian)
36. Brewis G., Holdsworth C. University Support for Student Volunteering in England: Historical Development and Contemporary Value. Journal of Academic Ethics. Vol. 9. I. 2. June 2011. Pp. 165-176. DOI: 10.1007/s10805-011-9129-0; Darwen J., Rannard A. G. Student volunteering in England: A critical moment. Education and Training. Vol. 53. I. 2. March 2011. Pp. 177-190. DOI: 10.1108/004009111111115717. (in English)
37. Brewis G., Holdsworth C. Decree. ed. (in English)

Информация об авторе:

Коморникова Ольга Михайловна, кандидат социологических наук, кафедра филологии и социогуманитарных дисциплин, Шадринский государственный педагогический университет, г. Шадринск, Россия
olya.orexovo@yandex.ru

Получена: 09.10.2018.

Information about the author:

Olga M. Komornikova, Candidate of Sociological Sciences, Department of Philology and Social Sciences and the Humanities, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia
olya.orexovo@yandex.ru

Received: 09.10.2018.

УДК 316.6; 327

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-119-129

КУЗЬМИНА Виолетта Михайловна
Юго-Западный государственный
университет
г. Курск, Россия
kuzmina-violetta@yandex.ru

Violetta M. KUZMINA
South-West State University
Kursk, Russia
kuzmina-violetta@yandex.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПАНСКОГО
РЕГИОНАЛИЗМА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО
ДАННОМУ ВОПРОСУ**

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF
SPANISH REGIONALISM AND RUSSIA'S POSITION
ON THIS ISSUE**

Вступление Испании в Европейский союз поспособствовало и продолжает способствовать изменению системы автономий, установленной в Конституции страны. Оно спровоцировало двойной эффект в отношении автономных сообществ. С одной стороны, произошло полное или частичное поглощение автономных компетенций со стороны ЕС. С другой стороны, оно значительно уменьшило способности принимать решения автономными сообществами в пользу центральной власти в рамках процесса европейской интеграции. В результате этого автономные сообщества в лице Страны Басков, Галисии и Каталонии старались ослабить этот процесс потери полномочий путем различных мер и инструментов. Как следствие этого, появилось множество конфликтов, связанных с желанием некоторых автономных сообществ осуществлять внешнеполитическую деятельность. Каталония, Страна Басков и Галисия - это не единственные регионы Европы, желающие добиться независимости. Некоторые регионы борются не за полную независимость, а за большую автономию, другие, как Шотландия или Каталония, хотят стать независимыми государствами. В случае углубления противоречий между автономными сообществами и правительством Испании существует высокая вероятность подъема националистического движения в других регионах. Данное исследование имеет актуальность и для России, так как в случае оптимизации испанского опыта «государства автономий» данная модель может быть модифицирована применительно к российским условиям.

Ключевые слова: автономные сообщества, Испания, Страна Басков, Галисия, Каталония, Россия, независимость, автономность, регионалистские тенденции, еврорегионы

Для цитирования: Кузьмина В.М. Перспективы развития испанского регионализма и позиция России по данному вопросу. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 119-129.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-119-129.

Spain's accession to the European Union has contributed to and continues to contribute to changes in the system of autonomy established in the country's Constitution. It provoked a double effect on Autonomous communities. On the one hand, there has been a complete or partial absorption of Autonomous competences by the EU. On the other hand, it has significantly reduced the ability of Autonomous communities to make decisions in favor of the Central government within the framework of the European integration process. As a result, the Autonomous communities of the Basque Country, Galicia and Catalonia have tried to weaken this process of losing power through various measures and instruments. As a result, there are many conflicts associated with the desire of some Autonomous communities to carry out foreign policy activities. Catalonia, the Basque Country and Galicia are not the only regions of Europe that want to achieve independence. Some regions are not fighting for full independence, but for greater autonomy, others, like Scotland or Catalonia, want to become independent States. In the case of deepening contradictions between the Autonomous communities and the Spanish government, there is a high probability of the rise of nationalist movements in other regions. This study is also relevant for Russia, as in the case of optimization of the Spanish experience of the "state of autonomies" this model can be modified in relation to Russian conditions.

Key words: autonomous communities, Spain, Basque Country, Galicia, Catalonia, Russia, independence, autonomy, regionalist tendencies, Euroregions

For citation: Kuzmina V.M. Prospects for the development of Spanish regionalism and Russia's position on this issue. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 119-129.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-119-129.
(in Russ)

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена усилением международной деятельности регионов, а также возрастанием масштабов процессов регионализма в Европейском союзе. Обозначенная проблема стоит достаточно остро для государств, в частности для Испании, которая является фокусным государством для данного исследования. Вопрос обострился из-за активной позиции политических сил Каталонии по данному во-

просу. Но это не единственный регион в составе Испании, стремящийся к самоопределению. К ним также относятся Страна Басков и Галисия. В случае углубления противоречий между автономными сообществами и правительством Испании существует высокая вероятность подъема националистических движений в других регионах. Данное исследование актуально и для России, так как в случае оптимизации испанского опыта «государства автономий» данная модель может быть модифицирована применительно к российским условиям.

Теоретические основы исследования испанского регионализма

В настоящее время многочисленные специализированные институты трудятся не только над трактованием концепта «Европы регионов», но и продвигают процесс регионализации на практике. Среди них Конгресс местных и региональных властей Европы, Ассамблея европейских регионов, Комитет регионов ЕС [1, с. 24].

В научной литературе, посвященной этой проблеме, выделяют пять подходов.

Первый сосредоточен на развитии и применении различных индикаторов регионализма. Основная задача исследователей заключалась в том, чтобы выяснить, в какой степени возможно совпадение экономической, социальной, культурной и политической составляющих при выделении международных регионов. Примером такого исследования является труд Б. Рассета «Регионы и международная система: исследование в сфере политической экологии», где он использовал количественную методологию. Б. Рассет выделял пять типов регионов: 1) регионы, однородные в социокультурном плане; 2) регионы, в рамках которых государства придерживаются одинаковых политических позиций (основной критерий определения - позиции голосования в ООН); 3) регионы политической взаимозависимости, в рамках которых существуют межгосударственные или надгосударственные органы; 4) регионы экономической взаимозависимости; 5) географические регионы [2].

Второй подход к регионализму заключается в описании динамики интеграции. Особую роль в формировании данной теории сыграла школа неофункционалистов (Э. Хаас). Они считали, что потребность государств в объединении в экономической, социальной, культурной сферах может привести к созданию наднациональных институтов и ускорению процессов политической интеграции. Динамика интеграции стала внушать опасения чрезмерного усиления общеевропейских институтов в ущерб интересам национальных государств [3].

Авторы третьего подхода к феномену регионализма аргументировали его происхождение с мотивацией политических элит, участвующих в ходе принятия решений. Дж. Най, американский представитель этого направления, утверждал, что в ходе евроинтеграции не только были созданы наднациональные политические институты, но и функции национальных подверглись изменениям, что стало следствием возникновения вопроса разграничения полномочий. Он говорил о недостаточной роли государства и о необходимости признания роли альтернативных политических сил. Тем не менее он отвергал возможность передачи полномочий регионам, так как лидеры не пойдут на ограничение собственных свобод с усилением новых политических акторов [4].

Четвертый подход к регионализму основан на попытках спрогнозировать и дать рекомендации относительно развития процесса региональной интеграции. Представители данного течения видели решение проблемы в реформировании институтов и механизма работы Европейского союза, акцентируя внимание на том, что региональные объединения не должны создавать новых разделительных линий в международном сообществе [5].

Представители пятого направления считали возможным создание мультиблоковой международной системы. Р. Мастер в своей работе «Мультиблоковая модель международной системы» подчеркивал, что регионы могут выделяться без анализа их состояния и уточнения индикаторов процесса регионализации [6].

В свою очередь, испанский исследователь, Ксавьер Арбос Марин в своей статье «Отношения между государством и автономными сообществами» приводит ряд доказательств того, что Испанию можно считать федеративным государством: «В первом случае Испанская Конституция признает право на автономию; и сообщества, которые создаются на основе этой статьи, определяют свои компетенции в статутах автономий, основываясь на компетенциях, оговоренных в ст. 148 и ст. 149, которые допускают существование са-

моуправления. Кроме того, список компетенций может быть расширен посредством законов испанского парламента, предусмотренных ст. 150.1 и 2 Конституции» [7].

Среди отечественных исследователей вопросами испанского регионализма занимались Т.В. Базаренко [8], А.С. Гомелаури [9], А.Е. Сайко [10], Ю.Н. Фролова [11] и др.

Таким образом, существует множество мнений относительно формы государственного устройства Испании. В силу либеральной Конституции, допускающей передачу полномочий от центра регионам, в стране очень сильны проявления регионализма. Некоторые полагают, что страна находится на переходном этапе от централизма к федеративному устройству. Но даже в случае перехода Испании к федеративному государственному устройству на первом этапе будут наблюдаться элементы асимметрии (политической, социально-экономической, культурной и этнолингвистической).

Источники и методы анализа

В качестве источников изучаемой проблемы рассмотрены основополагающие документы автономных сообществ Испании, подразумевающих регионализацию как основное перспективное направление развития Испании. Например, стратегия «Каталония 2020» также уделяет особое внимание евроинтеграции, а согласно Плану внешнего действия 2018-2020 гг. можно выделить стратегические приоритеты для Страны Басков в последующие три года в области международных отношений. В Стратегическом плане Галисии 2015-2020 гг. отмечено, что главный потенциал региона нужно сосредоточить на единстве между самой Испанией и Португалией, Бразилией и другими ибероамериканскими нациями.

Методы исследования подразумевают анализ данных программных документов с точки зрения перспективы реализации интересов автономных сообществ.

Результаты исследования

На сегодняшний день трудно ответить на вопрос, как будут распределяться полномочия между двумя предполагаемыми полюсами власти: Мадридом и Испанскими автономными сообществами. Многочисленные проблемы, некоторые из которых все еще на рассмотрении, остаются нерешенными. Тем не менее Каталония, Страна Басков и Галисия уже наметили определенные перспективы развития своих внешних связей.

Цели и задачи Страны Басков отражены на рисунке 1.

Рис. 1. Направления действия Страны Басков согласно Плану внешнего действия 2018-2020 гг.

Fig. 1. Directions of the Basque Country According to the External Action Plan 2018-2020

PAE 2018-2020	
OBJETIVO	LÍNEA DE ACCIÓN
1. POSICIONAR A EUSKADI COMO ACTOR GLOBAL	L.1.1 Difundir la marca Euskadi Basque Country
	L.1.2 Promover la implementación de la Agenda 2030 en Euskadi
	L.1.3 Fomentar la inteligencia competitiva y el conocimiento en materia de internacionalización
2. FORTALECER LA PRESENCIA DE EUSKADI EN EUROPA	L.2.1 Potenciar la participación de Euskadi en los procesos de decisión de la UE
	L.2.2 Facilitar la participación de agentes vascos en proyectos e iniciativas de la UE
3. PROMOVER LOS INTERESES VASCOS EN EL MUNDO	L.3.1 Impulsar los intereses sectoriales vascos en el exterior
	L.3.2 Desarrollar y consolidar alianzas estratégicas
	L.3.3 Diasporizar la sociedad vasca y fortalecer la comunidad vasca en el exterior

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of a scientific article.

Согласно Плану внешнего действия 2018-2020 гг. стратегическими приоритетами для Страны Басков в последующие три года в области международных отношений являются.

1. *Позиционирование Страны Басков как глобального актора.* Это должно способствовать росту международного влияния региона и росту проектов, инвестиций, турпотока, человеческого капитала.

Первым шагом для достижения этой цели является пропаганда образа страны, который предполагает прочность, особенности, ценности и позитивные атрибуты баскского общества как конкурентоспособного преимущества Эускади в международном контексте.

Следующим шагом для оптимизации позиционирования Страны Басков в мире является международная проекция компромисса баскского общества с Программой 2030 Организации Объединенных Наций. Эта программа, принятая в сентябре 2015 г., включает 17 целей устойчивого развития с 169 задачами, касающимися сферы экономики, общества и окружающей среды. Данные задачи будут направлять политику в следующие десятилетия в тех правительствах, которые решат принять их и возьмут на себя обязательства развивать стратегии защиты планеты для будущих поколений. Страна Басков будет выступать за международное представление для интеграции Целей устойчивого развития на всех институциональных уровнях.

2. *Усиление присутствия Эускади в Европе.* Европейский проект традиционно был одним из главных направлений баскской внешней политики. Эускади будет продолжать позиционировать себя не только как участник Европейского проекта, но и ответственный за этот процесс, что и будет являться приоритетом политики на ближайшую перспективу.

Европейский союз как спланирующий элемент и платформа для социального и экономического развития европейских регионов будет переживать в следующее десятилетие период интенсивных изменений. Эти перемены в общеевропейском проекте будут связаны с уходом Соединенного Королевства Великобритании, который потребует установления механизмов, смягчающих возможные последствия в торговом, институциональном, бюджетном или социальном плане в остальных странах ЕС.

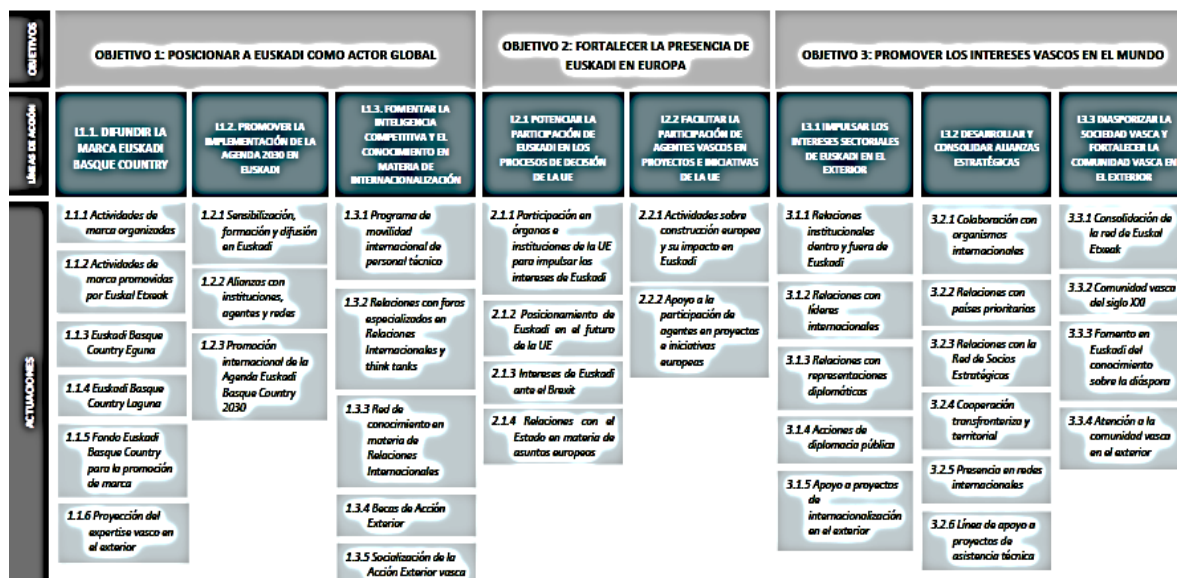
3. *Продвижение баскских интересов в мире.* Для достижения этого стратегического горизонта запланирована серия мер, которые поспособствуют улучшению международного позиционирования образа Страны Басков, активизации трансграничных, двусторонних и многосторонних отношений, укреплению и развитию стратегических альянсов и построению глобального баскского общества.

Конечной целью для Страны Басков является позиционирование Эускади как глобального актора, с собственным пространством в построении европейского проекта, сплоченной, привлекательной и конкурентоспособной страны, известной своей исключительностью, своими высокими целями в устойчивом человеческом развитии, солидарностью и открытостью миру и тесно связанной с баскским сообществом за рубежом.

Связи с баскским сообществом за рубежом, в свою очередь, продолжают оставаться одним из главных направлений для построения баскской внешней политики. В этом отношении важен концепт двунаправленности, причем не только путем поддержки баскских сообществ в странах, где они представлены, но и путем развития знаний о баскской

диаспоре в Эускади. Полная структура Плана внешнего действия 2018-2020 гг. продемонстрирована на рисунке 2.

Рис. 2. Полная структура Плана внешнего действия 2018-2020 гг.
Fig. 2. Full Structure of the External Action Plan 2018-2020

Источник: составлено автором научной статьи.
Source: compiled by the author of a scientific article.

Трансграничное и территориальное сотрудничество Страны Басков может развиваться по линии еврорегиона Акитания-Эускади-Наварра. Деятельность данного еврорегиона осуществляется в рамках четырех приоритетов: еврорегиональное население, экономика, устойчивая территория и открытое управление [12].

В Стратегическом плане Галисии 2015-2020 гг. отмечено, что главный потенциал региона нужно сосредоточить на единстве между самой Испанией и Португалией, Бразилией и другими ибероамериканскими нациями. Эта цель должна быть достигнута следующим путем: Испания должна увидеть в Португалии нацию, заслуживающую лидерства в области институционального сотрудничества; должен произойти шаг вперед в процессе интеграции со стороны Европейского союза.

В настоящее время Галисия должна разработать собственную стратегию действий в ЕС. Кризис, ударивший по Европе, изменил многие парадигмы и сценарии, прежде всего, это связано с BREXIT, так как Великобритания вносит значительный вклад в бюджеты ЕС. Поэтому регион должен проявить инициативу, чтобы после 2020 г. получить дополнительное финансирование.

Защита автономии по-прежнему остается приоритетом для Галисии, причем это как в интересах самого региона, так и Испании в целом. Галисия должна сформировать собственную стратегию действий в Европе, считающуюся целесообразной региона, должна участвовать в формировании государственной воли и ее представления, в случае необходимости разработать внешние действия для взаимодействия с ЕС, которые ранее не были предприняты на государственном уровне.

Цели региона на ближайшую перспективу сформулированы следующим образом:

- создать положительный образ региона на международной арене;
- установить партнерские отношения с Португалией;
- усилить галисийское участие во внутренних органах испанской европейской интеграции и содействовать ему ;
- способствовать созданию благоприятного климата для следующей реформы договоров ЕС с регионами.

Более того, в рамках сотрудничества с ЕС действует Стратегия отраслевой специализации Еврорегиона «Галисия-Север Португалии», призванная способствовать эконо-

мическому росту, количеству рабочих мест, повышению социального благосостояния регионов [13].

Стратегия «Каталония 2020» также уделяет особое внимание евроинтеграции. «Стратегия Европы 2020», принятая Европейским Советом 17 июня 2010 г., направлена на преодоление последствий кризиса в европейской экономике, повышение ее конкурентоспособности. В рамках Стратегии государства-члены выдвинули инициативы, способствующие росту экономики и занятости. Национальные программы реформ ежегодно разрабатываются каждой из стран совместно с центральными, областными и местными органами власти. Каталония также принимает участие в реализации данной стратегии, что способствует формированию имиджа региона как динамичного, открытого и приверженного европейскому проекту [14].

По результатам реализации данной Стратегии ожидается решение семи задач в различных областях: занятости - работа для 75% людей в возрасте 20-64 лет; инвестиций и развития - инвестиции в размере 3% ВВП от ЕС; климатических изменений и энергии - снижение выбросов газов парникового эффекта на 20% к уровню 1990 г., на 20% - возобновляемой энергии, рост энергетической обеспеченности на 20%; образования - 40% людей от 30 до 34 лет с законченным высшим образованием; проблем бедности и социальной изоляции - уменьшение количества находящихся в ситуации или группе риска бедности или социальной изоляции на 20 млн человек [15].

«Стратегический план (2017-2020), принятый в январе 2017 г. Женералитатом Каталонии отмечает, что развитие Каталонии идет по пути достижения все большей независимости в целях обмена информацией напрямую, автономно и независимо с другими национальными сообществами и европейскими институтами.

Также установлены следующие стратегические линии:

- превращение в независимого субъекта - достижение полной независимости в вопросе экономики и человеческих ресурсов, что позволит развить форму автономии;

- международное присутствие в главных организациях в сфере защиты конкурентоспособности региона - Каталонии необходимо участвовать в форумах и международных конгрессах, устанавливать отношения для реализации проектов с определенными властями и располагать механизмами прямой коммуникации с Европейской комиссией.

В пределах этой линии важно (при согласовании с испанским правительством):

- присутствовать в Европейском союзе и конкретно в Европейской сети конкурентности, Организации экономического сотрудничества и развития, ВТО, ЮНКТАД и Иbero-американском сообществе наций;

- установить механизмы двусторонних отношений в различных направлениях ЕС;

- заключить соглашения о сотрудничестве с властями международных структур;

- участвовать в форумах и международных конгрессах [16].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на все регионалистские тенденции, в программных документах Каталонии, Страны Басков и Галисии не прописано стремления отделиться и выйти из состава Испании. Большая часть положений связана с сотрудничеством с ЕС и участием в европейском проекте. Испанские автономные сообщества образуют еврорегионы, реализуют различные проекты в рамках Европейского союза и подчеркивают свою готовность согласовывать свои действия с испанским правительством. Они слишком интегрированы в ЕС в составе Испании, и в случае их выхода из него вряд ли им будут предоставлены такие возможности для сотрудничества с европейскими структурами и институтами.

Для России и Испании характерно сходство направлений политического развития. Оба государства проходили похожие этапы институционального становления, являются многонациональными и состоят из большого количества территориальных единиц. Но в последнее время в Испании начали проявляться регионалистские настроения [17].

Официальная позиция РФ по вопросу обретения Каталонией независимости заключается в поддержке официального Мадрида и признании каталонского вопроса исключительно внутренним делом Испании. Тем не менее, рассматривая взаимосвязь проявлений испанского регионализма с национальными интересами России, можно выделить две стороны.

Во-первых, каталонские события в случае отделения региона станут прецедентом не только для стран Европейского союза, но и для всего мира. На настоящий момент

насчитывается более 60 националистически настроенных регионов - возможных очагов конфликтности.

Отрицательным примером это может стать и для Российской Федерации. Националистические призывы звучат на Кавказе, в Ичкерии, Абазинской Республике, Татарстане, Карелии. Признаки территориального сепаратизма наблюдаются в Калининградской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Мурманской области, в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке.

С другой стороны, проблемы в такой ключевой для Европейского союза стране, как Испания, - это проблемы для всего Евросоюза. России выгодна сильная, но не сверхсильная Европа. В процессе евроинтеграции важно помнить, что Россия с Европой являются одновременно и соседями, и конкурентами. Европа - это пока еще часть Запада. Англосаксонские страны, США и Великобритания, фактически управляют ЕС через НАТО и атлантические элиты. Но процесс евроинтеграции Европейского союза неизбежно приводит к обострению противоречий внутри Запада, и ухудшение отношений США и ЕС становится вполне вероятным сценарием уже в среднесрочной перспективе. Укреплять современную Европу означает укреплять совокупную мощь атлантического Запада, геополитического противника России. В случае дестабилизации ЕС Россия может рассчитывать на смягчение режима санкций и возможное разрешение украинской проблемы.

В октябре 2017 г. испанская газета «El Pais» даже обвиняла российские государственные СМИ в проведении кампании в пользу независимости Каталонии и в использовании аккаунтов в социальных сетях для распространения негативного имиджа Испании. Позднее это было опровергнуто на основе экспертных заключений из материалов британского парламента. Экс-глава Женералитета Каталонии Карлес Пучдемон также опроверг вероятность влияния России на итоги референдума в автономии.

19 октября 2017 г. Президент России В.В. Путин в ходе пленарной сессии международного клуба «Валдай», высказываясь о Каталонии, заявил, что Европейские страны, признав референдум в Косово в 90-х годах, «выпустили джина из бутылки. Европейские страны, поддержавшие независимость Косово ранее, в данный момент пожинают плоды своей непоследовательной политики. Центробежные силы в Европе и по всему миру могут иметь прямое отношение к событиям в Косово» [18].

Мнения о произошедшем в Каталонии со стороны российских политиков сводятся к осуждению испанских властей в их нежелании прислушиваться к волеизъявлению граждан и применении политики двойных стандартов со стороны Европейского союза.

По заявлению заместителя главы международного комитета Совфеда Андрея Климова, ЕС и испанское правительство сделают все, чтобы не признать итоги референдума в Каталонии, и жители региона не имеют серьезных шансов на обретение реальной государственности. По его словам, в случае Каталонии не будет применяться та логика, которой страны Европы придерживались при признании Республики Косово, «поскольку двойные стандарты в Европе никто не отменял».

О политике двойных стандартов в ЕС заявил и глава комитета Госдумы по международным делам Леонид Слуцкий. По его словам, реакция ЕС на итоги референдума в Каталонии станет «лакмусовой бумажкой на проявление двойных стандартов». Происходящее в Каталонии является отчасти «следствием политики Запада в бывшей Югославии».

Как считает глава комитета Госдумы, нынешняя ситуация покажет, «согласится ли Брюссель с правом наций на самоопределение, как это было выгодно с Косово, или продолжит отстаивать принцип территориальной целостности, как это было в случаях с другими народами, когда политические векторы были разнонаправленны по отношению к общей линии Запада».

По мнению главы комитета Совета Федерации по международным делам Константина Косачева, Каталония по итогам референдума может остаться в составе Испании, но на условиях более широкой автономии. «Поскольку и Мадрид, и мятежная Барселона все же обозначили готовность к диалогу, наиболее вероятны долгие переговоры с итоговым сохранением Каталонии в составе Испании, но на новых условиях более широкой автономии».

Первый зампред комитета Совета Федерации по международным делам Владимир Джабаров заявил, что взрывоопасную ситуацию в Испании могут спасти только переговоры, отметив, что итоги референдума вряд ли могут быть признаны властью.

По мнению члена исполкома Российской Ассоциации международного права Анатолия Капустина, отношения между властями Каталонии и центральным правительством Испании после состоявшегося референдума о независимости еще сильнее осложнятся. Он отметил, что, несмотря на неотъемлемое право каждого народа на самоопределение, нельзя сказать, что каталонский референдум состоялся юридически. Действующее законодательство Испании предполагает, что референдум даже в рамках одной области должен проводиться с согласия центральных властей.

Тем не менее России не нужна ни единая, ни раздробленная Европа, ей нужна Европа дружественная и самостоятельная. Поэтому в отношении референдума в Каталонии Россия должна руководствоваться своими стратегическими интересами, рассчитывая на десятилетия вперед. В настоящее время взаимоотношения России и Испании активно развиваются в русле многоформатного сотрудничества. Участие Испании в крупных международных экономических форумах в России будет иметь ключевое значение в контексте наращивания двусторонних деловых связей. Прежде всего, это такие мероприятия, как Петербургский международный экономический форум, Восточный экономический форум, Российский инвестиционный форум, Международный арктический форум и «Российская энергетическая неделя».

Несмотря на относительный мир в Каталонии, этносоциальная ситуация в Испании остается достаточно напряженной [19]. Осмысление исторического опыта взаимоотношений Мадрида и автономных сообществ Испании является полезным как для специалистов данной сферы, так и для законотворческой и административной деятельности органов представительной и исполнительной власти России. Испанский опыт при условии его модификации для российского общества может поспособствовать усовершенствованию институтов федерализма и регионализма, а также деятельности государственных, общественных, религиозных учреждений, занимающихся проблемами национальной и региональной безопасности.

Выводы

На основании изученного этнополитического конфликта в Испании можно выделить следующие рекомендации по совершенствованию инструментов политики в сфере этнонациональных отношений в России.

1. Опыт международного сообщества доказывает, что одним из главных направлений эффективного урегулирования этнополитических конфликтов является комплексное проведение политики идентичности, политики памяти, символической политики, образовательной и языковой политики. При этом основную ответственность за исполнение должны взять на себя не только государственные, но и негосударственные организации, обладающие авторитетом в обществе и доверием национальных меньшинств.

2. Для снижения уровня межэтнической напряженности в обществе следует направить усилия на формирование гражданской идентичности на основе социальной солидарности, общих ценностей и ориентиров. Формирование гражданской идентичности в России и других странах постсоветского пространства сопряжено с рядом трудностей, а именно разницей в уровне жизни между регионами. Преодолеть эту проблему поможет внедрение проектов развития, учитывающих особенности российских регионов, неравенство в их экономическом, культурном и социальном развитии.

3. Развитие новых сфер экономической деятельности с вовлечением трудовых ресурсов региона по-прежнему остается приоритетом для уменьшения этнополитической напряженности. Поэтому проблема занятости молодежи и образовательной политики требует особого внимания как федеральных, так и региональных властей, а также общественных организаций и политических партий.

4. Еще одним приоритетным направлением является поддержание общего культурного пространства в пределах государства и границах регионов путем проведения политики в сфере образования, информационного поля и развития социальной инфраструктуры. Прежде всего, это могут быть межрелигиозные диалоги. Также важным остается формирование институтов нового федерализма, способных преодолеть глубокие разрывы в уровне развития территорий и обеспечить соответствующую целям развития степень автономии регионов. Целесообразным представляется введение такого формата мероприятий, как Сопровождения по межэтническим отношениям с участием представителей

власти, общественных организаций и экспертов в данной сфере. Подобные структуры способны внести большой вклад при поиске эффективных для конкретной территории решений, касающихся межэтнических отношений.

5. Особый акцент должен быть сделан на работе с молодежью, ввиду того, что именно на нее направлена агитаторская деятельность радикальных националистов и экстремистов. В рамках государственной политики нужно принять меры для решения социальных проблем молодежи.

6. Этносоциальная ситуация в Казахстане, Армении и Беларуси - ближайших партнерах РФ по Евразийскому экономическому союзу - на настоящий момент является достаточно напряженной. В отдельных регионах Казахстана и Беларуси наблюдается тенденция усиления этнического национализма, направленная на внутривнутриполитическую дестабилизацию. Установление одних только экономических связей недостаточно для предотвращения роста радикального этнического национализма.

Таким образом, несмотря на всю поддержку развитию регионов Европы, государства остаются основными действующими лицами в рамках системы Европейского союза. Если Каталония получит независимость, то первое, к чему это приведет, - это аналогичные требования регионов ЕС с не менее высокой национальной идентичностью и экономическим развитием. ЕС никогда не допустит фрагментации территории государства-члена, зная, что это может стать примером для всех остальных националистски настроенных регионов.

Несмотря на все регионалистские тенденции, ни Каталонией, ни Страной Басков, ни Галисией в программных документах не прописано стремление отделиться и выйти из состава Испании. Большая часть положений связана с сотрудничеством с ЕС и участием в европейском проекте. Испанские автономные сообщества образуют еврорегионы, реализуют различные проекты в рамках Европейского союза и подчеркивают свою готовность согласовывать свои действия с испанским правительством. Они слишком интегрированы в ЕС в составе Испании, и в случае их выхода из него вряд ли им будут предоставлены такие возможности для сотрудничества с европейскими структурами и институтами.

Этнический фактор в России по-прежнему находится в числе приоритетов при построении государственной политики. Проявление регионализма в Испании вызывает опасение в Российской Федерации. Официальная позиция РФ по вопросу обретения Каталонией независимости заключается в поддержке официального Мадрида и признании каталонского вопроса исключительно внутренним делом Испании. России не нужна ни единая, ни раздробленная Европа, ей нужна дружественная и самостоятельная Европа. Поэтому в отношении референдума в Каталонии Россия должна руководствоваться своими стратегическими интересами, рассчитывая на десятилетия вперед. Испанский опыт при условии его модификации для российского общества может поспособствовать усовершенствованию институтов федерализма и регионализма, а также деятельности государственных, общественных, религиозных учреждений, занимающихся проблемами национальной и региональной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Сборник научных трудов. - Н. Новгород: ННГУ, 2017. - 449 с.
2. Russett B.M. International Regions and the International System: A Study in Political geography. - Chicago: Rand McNally, 1969. - 252 p.
3. Haas E.B. Beyond the Nation-State. Functionalism and International Organization. - Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1964. - Pp. 3-8; 19-25 // Теория международных отношений. - М.: Гардарики, 2002. - С. 321-333.
4. Nye J. Regional Institutions. Regional Politics and World Order. - San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1973. - P. 46.
5. Kothari R. Footsteps Into The Future: Diagnosis of the present World and a Design for an Alternative. - New York: The Free Press, 1974. - P. 79.
6. Taylor P. Regionalism: the thought and the deed. Frameworks for internationalization. - New York: St. Martin's Press, 1996. - Pp. 35-55.
7. Арбос Марин К. Отношения между государством и автономными сообществами // Казанский федералист. - 2003. - № 3. - С. 77-87 // URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n7/7/> (дата обращения: 21.09.2018).

8. Базаренко Т.В. Внешнеполитическая деятельность автономных сообществ Испании в контексте концепции «Европа регионов». - М.: РУДН, 2014. - 238 с.
9. Гомелаури А.С. Проблема самоопределения регионов: на примере Каталонии // Университетская наука. - 2017. - № 2(4). - С. 147-151.
10. Сайко А.Е. Сепаратизм в Испании (на примере Каталонии). - СПб.: СПбПУ, 2017. - 86 с.
11. Фролова Ю.Н. Проблемы суверенитета и национального самоопределения Испании в условиях глобализации. - СПб.: СПбГУ, 2017. - 154 с.
12. Euskadi Basque Country. Plan de acción exterior // Euskadi. URL: http://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/accion_exterior_hemeroteca/es_def/adjuntos/plan-accion-exterior-es.pdf/ (дата обращения: 21.09.2018).
13. Estrategia Galega de Acción Exterior. Horizonte post 2020 // Xunta. URL: http://cspax.xunta.gal/c/document_library/get_file?folderId=345857&name=DLFE-27421.pdf/
14. Estrategia Catalunya 2020 // Generalitat Catalunya. URL: http://catalunya2020.gencat.cat/web/.content/00_catalunya2020/Documents/estrategies/fitxers/ecat-2020.pdf/ (дата обращения: 21.09.2018).
15. RIS3CAT Plan de acción 2015-2020 // Generalitat Catalunya. URL: <http://catalunya2020.gencat.cat/ca/estrategies/ris3cat/> (дата обращения: 21.09.2018).
16. Plan estratègic (2017-2020) // Generalitat Catalunya. URL: http://acco.gencat.cat/web/.content/80_acco/documents/arxiu/actuacions/20170322_PE_v2-0_Pla-estrategic-ACCO-2017_Def-CAST.pdf/ (дата обращения: 21.09.2018).
17. Колесникова А.В. Специфика территориального устройства многосоставного государства: опыт современной Испании // Вестник ПАГС. - 2014. - № 5. - С. 32-35.
18. В странах Европы по-разному оценили итоги референдума в Каталонии, которая намерена добиваться от них признания независимости // Newsru. URL: https://www.newsru.com/world/02oct2017/catalanreferendum_europe.html/ (дата обращения: 21.09.2018).
19. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: подходы, практики: аналитический доклад. - М.: ИМЭМО РАН, 2017. - 229 с.

REFERENCES

1. Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki: sbornik nauchnyh trudov [Regions of the world: problems of history, culture and politics: collection of scientific works]. Nizhnij Novgorod: NNGU, 2017. 449 p.
2. Russett B.M. International Regions and the International System: A Study in Political Ecology. Chicago: Rand McNally, 1969. 252 p.
3. Haas E.B. Beyond the Nation-State. Functionalism and International Organization. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1964. Pp. 3-8; 19-2; International relations theory. M.: Gardariki, 2002. pp. 321-333.
4. Nye J. Regional Institutions. Regional Politics and World Order. San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1973. P. 46.
5. Kothari R. Footsteps Into The Future: Diagnosis of the present World and a Design for an Alternative. New York: The Free Press, 1974. P. 79.
6. Taylor P. Regionalism: the thought and the deed. Frameworks for international cooperation. New York: St. Martin's Press, 1996. P. 35-55.
7. Arbos Marin K. Otnosheniya mezhdru gosudarstvom i avtonomnymi soobshchestvami [Relations between the state and Autonomous communities]. Kazanskij federalist. 2003. No. 3. Pp. 77-87. Available at: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n7/7/> (accessed: 21 September 2018).
8. Bazarenko T.V. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' avtonomnyh soobshchestv Ispanii v kontekste koncepcii «Evropa regionov» [Foreign policy activities of the Autonomous communities of Spain in the context of the concept "Europe of the regions"]. M.: RUDN, 2014. 238 p.
9. Gomelaury A.S. Problema samoopredeleniya regionov: na primere Katalonii [The problem of self-determination of regions: the example of Catalonia]. Universitetskaya nauka. 2017.no. 2(4). Pp. 147-151.
10. Sajko A.E. Separatizm v Ispanii (na primere Katalonii) [Separatism in Spain (on the example of Catalonia)]. S-P.: SPbPU, 2017. 86 p.
11. Frolova YU.N. Problemy suvereniteta i nacional'nogo samoopredeleniya Ispanii v usloviyah globalizatsii [Problems of sovereignty and national self-determination of Spain in the context of globalization]. S-P.: SPbGU, 2017. 154 p.

12. Euskadi Basque Country. Plan de acción exterior. Статья. «Euskadi». Available at: http://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/accion_exterior_hemeroteca/es_def/adjuntos/plan-accion-exterior-es.pdf/ (accessed: 21 September 2018).
13. Estrategia Galega de Acción Exterior. Horizonte post 2020. «Xunta». Available at: http://cmapx.xunta.gal/c/document_library/get_file?folderId=345857&name=DLFE-27421.pdf/ (accessed: 21 September 2018).
14. Estrategia Catalunya 2020. «Generalitat Catalunya». Available at: http://catalunya2020.gencat.cat/web/.content/00_catalunya2020/Documents/estrategies/fitxers/ecat-2020.pdf/ (accessed: 21 September 2018).
15. RIS3CAT Plan de acción 2015-2020. «Generalitat Catalunya». Available at: <http://catalunya2020.gencat.cat/ca/estrategies/ris3cat/> (accessed: 21 September 2018).
16. Plan estratègic (2017-2020). «Generalitat Catalunya». Available at: http://acco.gencat.cat/web/.content/80_acco/documents/arxiu/actuacions/20170322_PE_v2-0_Pla-estrategic-ACCO-2017_Def-CAST.pdf/ (accessed: 21 September 2018).
17. Kolesnikova A.V. Specifika territorial'nogo ustrojstva mnogostavnnogo gosudarstva: opyt sovremennoj Ispanii [The specifics of the territorial structure of a multi-component state: the experience of modern Spain]. Vestnik PAGS. 2014. No.5. Pp. 32-35.
18. V stranah Evropy po-raznomu ocenili itogi referendum v Katalonii, kotoraya namerena dobivat'sya ot nih priznaniya nezavisimosti [V stranah Evropy po-raznomu ocenili itogi referendum v Katalonii, kotoraya namerena dobivat'sya ot nih priznaniya nezavisimosti]. «Newsru». Available at: https://www.newsru.com/world/02oct2017/catalanreferendum_europe.html/ (accessed: 21 September 2018)
19. Regulirovanie ehtnopoliticheskoy konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyah kul'turnogo raznoobraziya: podhody, praktiki: analiticheskij doklad [regulation of ethno-political conflicts and maintenance of civil consent in the conditions of cultural diversity: approaches, practices: analytical report.]. M.: IMEHHO RAN, 2017. 229 p.

Информация об авторе:

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия
kuzmina-violetta@yandex.ru

Получена: 23.09.2018

Information about the author:

Violetta M. Kuzmina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, South-West State University, Kursk, Russia
kuzmina-violetta@yandex.ru

Received: 23.09.2018

УДК 316.25

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-130-134

ЛИ Шанцзинь
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
lishangjin@mail.ru

Shangjin LI
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
lishangjin@mail.ru

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИТАЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

INTERETHNIC RELATIONS IN CHINA AND FEATURES OF THEIR STATE REGULATION AT THE PRESENT STAGE

В статье представлен анализ государственной политики Китая в сфере межнациональных отношений на современном этапе. Определена актуальность и практическая значимость исследования межнациональных отношений, важность их гармонизации и эффективного регулирования. Охарактеризован этнический состав Китайской Народной Республики. Приводится краткая историческая справка межнациональной ситуации в Китае и особенностей национальной политики, реализуемой китайским правительством. Рассматриваются исторические особенности межнациональной ситуации в Китае. Охарактеризованы ключевые направления политики КПК, задачи и цели. Рассматриваются основные принципы современной концепции национальной политики КПК. Анализируются недавние меры, предпринятые китайским правительством для гармонизации межнациональных отношений в китайском обществе. Описываются некоторые нормативные акты, которые гарантируют равноправие всех граждан по национальному признаку в Китае, обеспечивают их равные права. Определена сущность национального сплочения как одной из ключевых задач национальной политики в современном Китае. Представлены некоторые рекомендации, направленные на совершенствование государственной политики в сфере регулирования межнациональных отношений. Утверждается, что опыт государственного регулирования межнациональных отношений в Китае может быть использован правительством других государств в целях гармонизации и налаживания межэтнической ситуации в их странах.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межэтнические отношения, национальная политика, регулирование межнациональной ситуации, национальное сплочение, китайское правительство, гармонизация межэтнической ситуации, Китайская Народная Республика, национальные меньшинства, национальный признак

Для цитирования: Ли Шанцзинь Межнациональные отношения в Китае и особенности их государственного регулирования на современном этапе. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2. с. 130-134.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-130-134.

The article presents an analysis of China's state policy in the sphere of interethnic relations at the present stage. The relevance and practical significance of the study of interethnic relations, the importance of their harmonization and effective regulation are determined. The ethnic composition of the People's Republic of China is characterized. A brief historical background of the interethnic situation in China and the peculiarities of the national policy implemented by the Chinese government have been introduced. The historical features of the interethnic situation in China are considered. The key directions of the CCP's policy, tasks and goals are characterized. The main principles of the modern concept of the CCP's national policy are examined. The recent measures taken by the Chinese government to harmonize interethnic relations in Chinese society are analyzed. Some normative acts that guarantee equality of all citizens on the basis of nationality in China and provide for their equal rights are described. The essence of national cohesion as one of the key tasks of national policy in modern China has been clarified. Some recommendations aimed at improving state policy in the sphere of regulation of interethnic relations are presented. It was found out that the experience of state regulation of interethnic relations in China can be used by the government of other states with the purpose of harmonization and adjustment of the interethnic situation in their countries.

Key words: interethnic relations, national policy, regulation of ethnic situation, national unity, Chinese government, harmonization of ethnic situation, People's Republic of China, national minorities, national identity

For citation: Li Shangjin. Interethnic relations in China and features of their state regulation at the present stage. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 130-134.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-130-134.
(in Russ)

Важность гармоничных межнациональных отношений в современном мире сложно переоценить. Прежде всего, они обеспечивают безопасное существование граждан, способствуют экономическому, политическому, социальному и культурному развитию как отдельного государства, так и мирового сообщества в целом [1, с. 23]. В связи с расширением международных границ большое значение сегодня приобретает обеспечение межэтнического и межнационального согласия на разных уровнях. Среди всех высокоразвитых стран, в числе которых прежде всего США, Китай, Россия, большой интерес для нас представляет опыт государственного регулирования межнациональных отношений в Китае. В первую очередь это обусловлено тем, что Китай сегодня является мировым лидером во многих областях - в сфере высоких технологий, в экономической, инновационной отраслях. Во многом это связано с тем, что китайское правительство уже на протяжении нескольких лет активно привлекает в страну высокопрофессиональных специалистов со всего мира. Для их гармоничного сосуществования с китайскими гражданами на государственном уровне была разработана соответствующая политика, которая уже неоднократно подтвердила свою эффективность.

Так, в рамках настоящей статьи нами будут рассматриваться особенности государственной политики Китая в сфере межнациональных отношений на современном этапе развития.

Китайская народная республика (далее - КНР) представляет собой многонациональное государство, одно из самых крупных полиэтнических государств современного мира. На сегодняшний день Китай состоит более чем из 50 различных национальностей, которые являются представителями разных языковых ячеек. Самой большой этнической группой являются этнические китайцы - ханцы, их примерно 92%. Обращаясь к истории, следует отметить, что Китай берет начало своего развития более трех с половиной тысяч лет назад, а китайская цивилизация признана современными историками одной из самых древних [2, с. 44]. Национальная политика в Китае всегда была одним из ключевых направлений государственного развития и сохранения целостности страны [5, с. 87]. Однако для того чтобы стать полноценной цивилизацией, каковой сегодня является Китай, его народу пришлось пройти через очень долгий и тернистый путь. Вне зависимости от времени эта политика всегда преследовала одну и ту же цель - сохранение национальных районов, как неотъемлемой составляющей территории КНР, а также использование мирных средств проведения в них социально-экономического и политического преобразования, что позволит трансформировать традиционно сложившиеся экономические и общественные отношения [4, с. 664].

Обращаясь к истории становления и развития китайской государственности, можно сказать о том, что китайские политики на протяжении целого ряда поколений придавали большое значение межнациональным отношениям в стране. Многие вопросы, которые возникают в сфере межнациональных отношений, зачастую имеют религиозные корни, исторические проблемы обусловлены реальными проблемами, политические - социальными, а международные - связаны со внутренними проблемами государства. Из-за такого многообразия проблемы межнациональных отношений оказываются проблемами повышенной сложности. Они касаются экономического, политического, социального аспектов, затрагивают языки, географию, традиции и психологическое состояние населения в целом.

В последнее время в Китае межнациональные отношения не отличаются позитивным характером, а социальная стабильность не является показательной. Национальные проблемы, существующие в китайском обществе, приобретают более сложный характер. Многие из них отражаются на гражданах государства и приводят к нарушению его целостности, а различные ситуации, касающиеся религиозных вопросов или вопросов традиций, могут провоцировать конфликты между разными народами, распространяться на другие области их жизнедеятельности. Так, одна локальная проблема может легко трансформироваться в проблему глобального масштаба.

На сегодняшний день основным направлением политики КПК является создание безопасной экономической, политической и идеологической основы для того, чтобы

обеспечить необратимость процесса интеграции отдельных национальных районов в единый Китай, чтобы претворить в них политические установки КПК и установить полный контроль со стороны центрального правительства Китая. Основными принципами современной концепции национальной политики КПК являются:

- 1) обеспечение сохранности государственно-территориального единства КНР и признание равных прав для представителей разных национальностей, реализация их права на районно-национальную автономию в рамках КНР;
- 2) предоставление возможности свободного развития языка, письменности, религии, культуры любой национальности вне зависимости от того, имеет она автономию или нет;
- 3) распределение властных полномочий между центральным и местными правительствами, представители которого должны руководствоваться принятыми правилами;
- 4) признание различий разных уровней социального-экономического и культурного развития этнических групп, которые населяют Китай, а также стремление к их сокращению за счет ускорения экономического и культурного развития национальных районов КНР.

В целом современная политика китайского правительства в плане межэтнических отношений, а также в отношении национальных меньшинств направлена прежде всего на то, чтобы ускорить социально-экономическое и культурное развитие этнических групп, на подтягивание национальных районов до уровня развитых регионов КНР, что должно консолидировать граждан Китая и предотвратить сепаратистские выступления [6, с. 40]. При этом этническая самобытность малых народов отодвигается на второстепенные позиции и всячески нивелируется.

Современное китайское правительство особо важное значение придает сегодня национальному сплочению. Национальное сплочение является основным принципом Китая в решении национальных вопросов, а также ключевым содержанием государственной национальной политики. Китай, являясь многонациональной страной, придает национальному сплочению большую важность [3, с. 154]. В течение нескольких лет китайским государством осуществляется множество мер, направленных на ликвидацию всех неблагоприятных для национального сплочения факторов, производится непоколебимое отстаивание национальной сплоченности, ведется всемерная борьба для достижения общей сплоченности представителей всех национальностей и обеспечения общего расцвета китайской нации и развития.

По результатам проведенного анализа особенностей государственного регулирования межнациональных отношений в современном Китае нами были разработаны некоторые рекомендации, направленные на совершенствование государственной политики в сфере регулирования межнациональных отношений. Среди них:

- создание при автономных районах советов по межнациональным отношениям, в состав которых войдут представители разных национальных меньшинств, населяющих автономный округ, традиционные конфессии, диаспоры и национальные общины;
- внесение изменений на законодательном уровне в акты, регламентирующие деятельность антитеррористических комиссий автономных районов Китая, включение в них положений относительно полномочий по профилактике, предупреждению, локализации и преодоления конфликтных ситуаций, возникающих в области межнациональных и межконфессиональных отношений;
- разработка комплексных, межотраслевых программ, направленных на укрепление гражданского единства, профилактику экстремизма и проявления ксенофобии, содействие этнокультурному многообразию народов КНР, социокультурной адаптации мигрантов;
- проведение мониторинга состояния межнациональных и межэтнических отношений;

— комплексное продвижение сайтов органов местного самоуправления, что позволит повысить их посещаемость и обеспечит дальнейшее привлечение их ресурсов для информационного обеспечения вопросов, которые относятся к сфере межнациональных отношений.

Таким образом, проведенный анализ показал, что межнациональные отношения в современном Китае не отличаются показательной стабильностью и гармоничным характером. В связи с этим большое значение сегодня приобретает изучение особенностей и путей совершенствования государственного регулирования межнациональных вопросов. Правительство современного Китая большое внимание уделяет разработке и реализации действенной государственной национальной политики. Опыт Китая в гармонизации межнациональных отношений может иметь колоссальную практическую пользу для других стран в плане совершенствования их государственной национальной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Буяров Д.В. Современный Китай: социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Д.В. Буяров // Значение национального вопроса для Китая. - М.: URSS. - 2011. - 143 с.
2. Комарова И.И. Национальные меньшинства в Китае / И.И. Комарова // Восточный свет. - М.: Мысль. - 2008. - № 1. - 79 с.
3. Манько В.А. Основные нормативные акты, регулирующие осуществление национально-территориальной автономии в КНР / В.А. Манько // Современное право. - 2010. - № 8. - С. 150-155.
4. Муллова А.А. Проблемы автономии в КНР: история и современное состояние / А.А. Муллова // М.: Аллея науки. - 2017. - № 7. - С. 661-665.
5. Супинсун Т.С. Национальная автономия в Китайской Народной Республике как способ разрешения национального вопроса / Т.С. Супинсун // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. - 2012. - 140 с.
6. Чжэн Кай. Национально-территориальная автономия в КНР: законодательное регулирование / Чжэн Кай // Конституционное и муниципальное право. - 2008. - № 9. - С. 37-40.
7. Zhao, Jinshan, and Xu Ping. Investigation of Ethnic Cultural Identity in Guangxi Zhuang Autonomous Region // Journal of South-Central University for Nationalities. - 2014. - № 2. - Pp. 55-59.
8. Wang F., Yamagishi T. Group-based trust and gender differences in China // Asian Journal of Social Psychology. - 2005. - № 8. - Pp. 199-210.
9. Wei L. Rethinking the origin, formation and development of Uyghur // Ethno-Nationalism. - 1999. - № 4. - Pp. 83-88.
10. 白希 民族区域自治模式的比较研究 以中国民族区域自治为中心、吉林大学 博士论文、中国知网 (Comparative Study of Bai Xi and Ethnic Regional Autonomy Models - Taking China's Regional National Autonomy as the Center, Jilin University Doctoral Dissertation / China Knowledge Network). - 2007. - № 12.

REFERENCES

1. Buyarov D.V. Sovremennyy Kitaj: Social'no-ehkonomicheskoe razvitie, nacional'naya politika, ehtnopsihologiya. D. V. Buyarov. Znachenie nacional'nogo voprosa dlya Kitaya. [Socio-economic development, national policy, ethnopsychology. D.V. Buyarov. The Importance of the national question for China.]. M.: URSS. 2011. 143 p. (in Russ.).
2. Komarova I.I. Nacional'nye men'shinstva v Kitae. I. I. Komarova. Vostochnyj svet [Ethnic Minorities in China. I.I. Komarova. Eastern Light]. M.: Thought. 2008. № 1. 79 p. (in Russ.).
3. Man'ko V.A. Osnovnye normativnye akty, reguliruyushchie osushchestvlenie nacional'no-territorial'noj avtonomii v KNR. V.A. Man'ko. Sovremennoe pravo [Main regulations governing the implementation of national-territorial autonomy in the PRC. V.A. Manko. Modern Law]. 2010. № 8. Pp. 150-155. (in Russ.).
4. Mullova A.A. Problemy avtonomii v KNR: istoriya i sovremennoe sostoyanie. A.A. Mullova. [The problems of autonomy in the PRC: history and current state. A.A. Mullova]. M.: Alleya nauki. 2017. № 7. Pp. 661-665. (in Russ.).

5. Supinsun T.S. Nacional'naya avtonomiya v Kitajskoj Narodnoj Respublike kak sposob razresheniya nacional'nogo voprosa. T.S. Supinsun. Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestv [National autonomy in the People's Republic of China as a way to resolve the national issue. T.S. Supinsun. Russia and China: history and prospects for cooperation]. 2012. 140 p. (in Russ.).
6. CHzhehn Kaj. Nacional'no-territorial'naya avtonomiya v KNR: zakonodatel'noe regulirovanie. CHzhehn Kaj. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [National-territorial autonomy in the PRC: legislative regulation. Zheng Kai. Constitutional and municipal law]. 2008. № 9. Pp. 37-40. (in Russ.).
7. Zhao, Jinshan, and Xu Ping. 2014. Investigation of Ethnic Cultural Identity in Guangxi Zhuang Autonomous Region. Journal of South-Central University for Nationalities. 2: 55-59.
8. Wang F, Yamagishi T (2005) Group-based trust and gender differences in China. Asian Journal of Social Psychology. 8: 199-210.
9. Wei L (1999) Rethinking the origin, formation and development of Uyghur. Ethno-National Studies 1999(4): 83-88.
10. 白希、民族区域自治模式的比较研究——以中国民族区域自治为中心、吉林大学 博士论文、中国知网、(Comparative Study of Bai Xi and Ethnic Regional Autonomy Models - Taking China's Regional National Autonomy as the Center, Jilin University Doctoral Dissertation, China Knowledge Network). 2007. № 12.

Информация об авторе:

Ли Шанцзинь, аспирант, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
lishangjin@mail.ru

Получена: 01.10.2018

Information about the author:

Shangjin Li, Postgraduate Student, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
lishangjin@mail.ru

Received: 01.10.2018

УДК 364.27

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-135-141

МАЛИЙ Дмитрий Владимирович
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия
MaliyDmitriy@yandex.ru

Dmitry V. MALIY
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
MaliyDmitriy@yandex.ru

МЕДВЕДЕВ Павел Николаевич
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия
medvedeff_82@mail.ru

Pavel N. MEDVEDEV
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
medvedeff_82@mail.ru

МАРКОВА Марина Геннадьевна
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия
alatial_1990@mail.ru

Marina G. MARKOVA
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
alatial_1990@mail.ru

**ПРОФИЛАКТИКА ИГРОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ
УВЛЕЧЕННОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

**PREVENTION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN'S
EXCESSIVE FOCUS ON COMPUTER GAMING**

В статье рассмотрены теоретические основы проблемы взаимосвязи увлеченности компьютерными играми и школьной успеваемости младших школьников, а также выявлены причины и особенности проявления игровой компьютерной увлеченности в младшем школьном возрасте. Особое внимание отведено социально-психологическому характеру проявлений игровой компьютерной увлеченности. Авторами предложены методические основы исследования влияния игровой компьютерной увлеченности на школьную успеваемость младших школьников. Описаны организационные этапы экспериментального исследования, рассматриваются диагностическая программа и программа профилактики негативного влияния компьютерных игр на школьную успеваемость младшего школьника. Приводится описание и анализ результатов экспериментального исследования игровой компьютерной зависимости у младших школьников. Описывается профилактическая программа, направленная на снижение негативного влияния компьютерных игр на учебную успеваемость. Авторами была подтверждена гипотеза о том, что существует взаимосвязь между жанром компьютерной игры и уровнем школьной успеваемости играющего в нее младшего школьника. Анализ полученных результатов проведенной профилактической работы выявил положительную динамику школьной успеваемости обучающихся, что подтвердило эффективность использования профилактической программы, предложенной авторами.

The article considers the theoretical foundations of the problem of correlation between passion for computer games and junior schoolchildren's school performance. The causes and peculiarities of the manifestation of excessive focus on computer gaming in the younger school age are marked out: satisfaction of the unconscious cognitive need in the process of the game; absence or lack of communication and confidential emotional relationships in the family; lack of the child's hobbies and interests not related to the computer; the child's lack of interaction skills in the social environment. The social and psychological nature of excessive focus on computer gaming is revealed. The authors offer the methodological bases to study the influence of excessive focus on computer gaming on school performance of junior schoolchildren. The organizational stages of the experimental research are described, the diagnostic program and the program for the prevention of negative influence of computer games on junior schoolchild's school performance are considered. The description and analysis of the results of an experimental study of computer game addiction in junior schoolchildren and the program for preventing the negative impact of computer games on academic performance are given. The authors confirmed the hypothesis that there is a relationship between the genre of computer games and school performance of junior schoolchild who plays the game. The analysis of the carried out preventive work results identified a positive dynamics of the schoolchildren's school performance, which confirmed the effectiveness of using the preventive program proposed by the authors.

Ключевые слова: игровая компьютерная увлеченность, аддиктивное поведение, социально-психологический характер игровой компьютерной увлеченности, школьная успеваемость, младшие школьники, программа профилактики

Key words: excessive focus on computer gaming, addictive behavior, social and psychological nature of excessive focus on computer gaming, school performance, junior schoolchildren, prevention program

Для цитирования: Малий Д.В., Медведев П.Н., Маркова М.Г. Профилактика игровой компьютерной увлеченности младших школьников. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 135/141. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-135/141.

For citation: Maliy D.V., Medvedev P.N., Markova M.G. Prevention of junior schoolchildren's excessive focus on computer gaming. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 135/141. doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-135/141. (in Russ)

В настоящее время новые информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого человека. Некоторые используют их, чтобы получить доступ к информации, в то время как другие видят в них средство для решения профессиональных задач, общения и хобби. Тем не менее, когда использование мультимедийного персонального компьютера выходит за рамки нормы, человек оказывается социально изолированными. Речь идет о «вхождении» личности в виртуальную информационную среду, что приводит к компьютерной зависимости. Наиболее распространенной из них является игровая компьютерная зависимость.

По статистике, примерно 5% населения планеты страдают игровой компьютерной зависимостью и нуждаются в оказании психологической помощи. В июне 2018 г. игровое расстройство было включено Всемирной организацией здравоохранения в 11-й перечень международной классификации болезней. Данное расстройство выражается в нарушении поведенческой сферы, а именно: потере контроля над временем, проведенным в видеоиграх, приоритете виртуальных игр над другими видами деятельности.

Феномен психологической зависимости человека как следствие увлечения компьютерными играми является достаточно распространенным явлением в современном мире. Фактически он является последствием процесса массовой компьютеризации и виртуализации индивида в информационном пространстве. В результате жизнедеятельность человека, различные сферы жизни общества претерпевают коренные изменения, формируется совершенно новая социально-психологическая среда.

Последствия увлеченности обучающихся компьютерными играми обсуждаются в средствах массовой информации, причем, как правило, с негативных позиций. Учителя и родители также высказывают негативную оценку данным увлечениям. Зачастую даже в раннем возрасте может формироваться аддиктивное поведение. Аддиктивное поведение характеризуется изменением психического состояния, обусловленным стремлением к уходу от реального мира [1, с. 6]. При этом человек начинает испытывать трудности при решении жизненных проблем, происходит стагнация личностного развития. Психолог А.Е. Войскунский утверждает, что для констатирования игровой компьютерной аддикции достаточно наличия у человека эмоциональной привязанности к чувствам и ощущениям, возникающих в процессе проявления аддиктивного поведения [2, с. 90].

Проблема игровой компьютерной зависимости также была предметом исследования зарубежных исследователей, таких как К. Янг, Ш. Текл, М. Шоттон. Ими были выделены основные симптомы игровой компьютерной аддикции, такие как: повышенная раздражительность при необходимом отвлечении от компьютера; отсутствие саморегуляции и способности планирования времени работы с компьютером; наличие больших затрат на приобретение и обновление программного обеспечения для возможности поиграть в игру с лучшей графической оболочкой; наличие отстраненности от реальной деятельности (учеба, домашние дела); пренебрежение собственной гигиеной; ограничение времени во сне в пользу компьютерной игры [3, с. 24].

Определение «компьютерная игровая зависимость» заимствовано из области психиатрии и означает наличие у человека психологических и социальных проблем, обу-

словленных бесконтрольным и систематическим пребыванием в виртуальном мире компьютерной игры [4, с. 32]. Таким образом, при неоказании своевременной психолого-педагогической помощи и отсутствии профилактической работы происходит стагнация личностного развития, возникают психологические травмы [5]. Процесс формирования игровой компьютерной зависимости основан на удовлетворении потребностей в игре, а также неосознаваемых стремлениях и желании принятия на себя определенной роли. Еще в раннем детстве происходит сознательное проявление у детей принятия роли взрослых, обусловленное бессознательной познавательной потребностью, желанием познать окружающий мир [6, с. 53].

В детском возрасте ролевая игра выступает в качестве инструмента познания окружающей действительности. «Потребность в познании мира - это видоизмененный исследовательский инстинкт, унаследованный людьми от животных. Предположительно, эта потребность находится в области бессознательного, так как в большинстве случаев частично или полностью не осознается человеком. Однако неосознанность потребности не говорит о ее отсутствии или слабости как мотивирующего фактора; скорее наоборот, бессознательные потребности оказывают большее влияние на поведение человека, чем осознаваемые» [7, с. 43].

Основными признаками возникновения у обучающихся пагубной зависимости от компьютера, иными словами, компьютерной увлеченности, является резкое увеличение времени, проводимого им за компьютером, отказом от других видов деятельности вследствие сосредоточения всех его интересов вокруг него.

Несмотря на существующую в настоящее время острую проблему компьютерной увлеченности, в психологической литературе отсутствует четкое определение понятия увлечения, что позволило нам на основе систематизации разных точек зрения психологов по данной проблеме вывести собственное определение: увлечение - это форма эмоционального проявления познавательной потребности, характеризующейся осознанностью цели и мотива. В отличие от понятия «влечение», понятие «увлечение» не связано с инстинктами и безусловными рефлексам, но обычно более эмоционально окрашено по сравнению с интересами.

Однако для определения влияния компьютерной увлеченности на школьную успеваемость необходимо выявить причины и особенности проявления игровой компьютерной увлеченности у обучающихся младшего школьного возраста. Данная возрастная группа была выделена как наиболее подверженная риску возникновения компьютерной увлеченности, но в то же время сензитивные особенности данного возрастного периода позволяют проводить своевременную работу по предупреждению и преодолению данной зависимости у ребенка. «В процессе игры удовлетворяется неосознаваемая познавательная потребность, вследствие чего ребенок получает удовольствие. Также можно указать и другие причины, которые в той или иной степени влияют на возникновения увлеченности от компьютерной игры. К таким причинам относят <...> недостаток общения и доверительных, эмоциональных отношений в семье; отсутствие у ребенка увлечений, интересов, хобби, привязанностей, не связанных с компьютером, способствует развитию компьютерной увлеченности; отсутствие у ребенка навыков взаимодействия с окружающими, отсутствие реальных друзей приводит к установлению дружеских отношений в виртуальном пространстве; наличие тяжелой инвалидности, серьезного заболевания» [8, с. 8].

Изучая особенности проявления игровой компьютерной увлеченности в младшем школьном возрасте, обычно выделяют три стадии: стадия легкой увлеченности, увлеченности и непосредственно зависимости [9].

Исследование взаимосвязи увлеченности компьютерными играми и школьной успеваемости младших школьников проводилось в три этапа в течение 2017/18 учебного года. Исследование проводилось на базе МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 17» г. Новомосковска Тульской области. Экспериментальную выборку составили 28 обучающихся в возрасте от 10 до 11 лет, из них 18 девочек и 10 мальчиков.

Исследование осуществлялось в три этапа: первый этап - подготовительный. В рамках проводимого нами экспериментального исследования был проведен анализ школьных журналов учащихся 4-го класса для выявления уровня школьной успеваемости и интереса к конкретному учебному предмету. В результате беседы с классным руководителем и педагогом-психологом образовательной организации были выявлены обучающиеся, проявляющие агрессивность, повышенную тревожность, имеющие низкую самооценку. Как правило, происходит это в различных ситуациях, связанных с переживанием школьной тревожности. Причин такого аддиктивного поведения множество, одной из них является увлечение компьютерными играми.

На втором этапе экспериментального исследования систематизировалась накопленная информация в научной психолого-педагогической литературе и психологической практике; анализировался личный опыт работы в данном направлении, что позволило определить основные причины и особенности проявления игровой компьютерной увлеченности. Были определены критерии игровой компьютерной увлеченности: время; игровой мотив; социальная приспособленность; школьная успеваемость.

На третьем (экспериментальном) этапе был осуществлен формирующий эксперимент, включающий три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный. Были разработаны и реализованы:

- диагностическая программа по выявлению влияния компьютерной увлеченности на школьную успеваемость младших школьников;
- программа профилактики негативного влияния компьютерных игр на школьную успеваемость обучающихся.

Диагностическая программа применялась на констатирующем и контрольном этапах исследования. Программа включала в себя следующие методы и методики исследования: анкета «Увлеченность компьютерными играми»; методика «Оценка уровня школьной мотивации» (Н. Лусканова); многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла; методика «Направленность на отметку» (Е.П. Ильин, Н.А. Курдюкова); анализ школьных журналов.

Одним из основных направлений деятельности педагога-психолога в образовательной организации является профилактическая работа. Задачами разработанной профилактической программы явились подготовка сознания обучающихся к пониманию негативного влияния бессистемной и нецеленаправленной компьютерной увлеченности на школьную успеваемость; оказание помощи в осознании детьми их образовательных потребностей и способов их удовлетворения посредством развивающих компьютерных игр; содействие развитию учебной мотивации младших школьников через раскрытие индивидуальных интересов к определенным жанрам компьютерной игры.

Структура проведенной программы профилактики включала в себя два блока: I блок предусматривал работу с учащимися, II блок - работу с их родителями и учителями. Время занятий - от 60 до 90 минут (время варьировалось в зависимости от желания обучающихся и их родителей).

Содержательно каждое занятие включало в себя: тему занятия, цели, задачи, примерную структуру (вводный этап, основной этап, этап обратной связи и рефлексии). При работе в группе все участники соблюдали определенные правила в целях создания комфортной, психологически безопасной обстановки в процессе общения во время занятий, что обусловило эффективность решения поставленных задач. Также были учтены следующие психологические принципы: принцип добровольного участия в группе и доверительный стиль общения.

По результатам теоретического анализа литературы были выявлены причины и особенности проявления игровой компьютерной увлеченности в младшем школьном возрасте, а также факторы, влияющие на школьную успеваемость младших школьников, что и обусловило содержание диагностической программы.

Сравнивая полученные результаты анкеты «Увлеченность компьютерными играми» с журналом школьной успеваемости, можно сделать вывод о том, что дети, играющие в компьютерные игры от 30 минут до двух часов в день (63% общей выборки), учатся на

«хорошо» и «отлично», имеют высокий уровень школьной успеваемости. Они выглядят более уверенными, решительными и рассудительными, в отличие от своих сверстников, которые тратят значительно больше времени (более двух часов в день) на компьютерные игры. Количество таких обучающихся в группе испытуемых составило 34%.

Наиболее популярными среди младших школьников были выявлены следующие жанры компьютерной игры: аркады (32%), ролевые игры (25%) и квесты (19%). Менее популярными являются игры стратегического жанра (6%). Аркадные игры характеризуются необходимостью последовательно проходить уровни, поиском непростых решений в заданиях, наличием бонусов; такие игры способствуют развитию внимания, мышления и восприятия школьника. Квесты способствуют развитию аналитических способностей, реакции и сообразительности ребенка. При изучении влияния жанра ролевой компьютерной игры на личностные качества человека психологи обычно выделяют их в отдельную группу в связи тем, что именно при игре в них можно наблюдать процесс погружения ребенка в виртуальную среду игры, процесс отождествления себя с компьютерным персонажем. Игры именно данного жанра отрицательно влияют на учебную мотивацию и школьную успеваемость обучающихся.

Анализ динамики распределения количества школьников по времени, проведенному ими за компьютерной игрой по анкете «Выявление увлеченности компьютерными играми» после проведения профилактической работы, позволило констатировать, что на контрольном этапе заметно снизилось (на 27%) количество испытуемых, играющих в компьютерные игры от одного до двух часов в день. Напротив, увеличилось количество обучающихся (на 44%), уделяющих компьютерным играм менее 30 минут в день. Благодаря проведенной профилактической работе родители стали уделять больше внимания своим детям и контролировать время, проводимое детьми за компьютерными играми. Проигрывая различные конфликтные ситуации, которые могут возникнуть в результате «отрывания» ребенка от компьютерной игры, родители научились применять конкретные методы и конструктивно решать данную проблему.

Была выявлена закономерность между временем, проведенным младшим школьником за компьютерной игрой, и формируемыми качествами его личности, а именно: чем меньше времени ребенок пребывает в виртуальном мире компьютерной игры, тем больше выраженность у него таких черт личности, как общительность, уверенность в себе, добросовестность, эмоциональная уравновешенность, самоконтроль.

При сравнении показателя времени, затраченного на компьютерные игры, и уровня школьной успеваемости была выявлена сильная корреляционная связь ($r = -0,79$), а именно: чем больше времени обучающийся проводит в виртуальном мире компьютерной игры, тем ниже уровень его школьной успеваемости. После проведенной нами профилактической работы была зафиксирована положительная динамика школьной успеваемости обучающихся (процент испытуемых с высоким уровнем школьной успеваемости увеличился с 64% до 86%).

Также была выявлена взаимосвязь между жанром компьютерной игры и уровнем школьной успеваемости младшего школьника. У обучающихся, играющих в ролевые компьютерные игры, уровень школьной успеваемости ниже по сравнению с детьми, предпочитающими игры в аркады, стратегии, головоломки. В среднем разница между показателями школьной успеваемости обучающихся, играющих в ролевые компьютерные игры, и обучающихся, играющих в жанр «Аркады», составила 0,7 балла (3,7 балла и 4,4 балла соответственно).

Анализируя полученные результаты по методике «Направленность на отметку» после проведенной профилактической работы, можно говорить об уменьшении количества испытуемых с низким уровнем направленности на оценку, что говорит о повышении мотивации достижения школьников и их стремлении к улучшению результатов. Количество испытуемых с низким уровнем направленности на оценку сократилось до 21%, что говорит об эффективности проведенной программы первичной профилактики.

Проблема компьютерной игровой зависимости недостаточно изучена и, несмотря на растущую актуальность, мало освещена. Как показывает опыт педагогической дея-

тельности, эффективность работы по профилактике игровой компьютерной увлеченности обучающихся зависит в большей мере от заинтересованности в решении проблемы и согласованности родителей обучающихся, учителей, педагогов-психологов. Снижение уровня игровой компьютерной увлеченности младших школьников будет эффективно при своевременном проведении первичной профилактики, направленной на формирование у обучающихся навыков самоконтроля, развитие коммуникативных умений и навыков конструктивного общения с учителями и сверстниками, установление доверительных отношений с родителями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. - СПб.: Речь, 2002. - С. 6-16.
2. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. - 2004. - Т. 25, № 1. - С. 90-100.
3. Янг К.С. Диагноз - Интернет-зависимость // Мир Интернет. - 2000. - № 2. - С. 24-29.
4. Алиев А.А. Компьютерная игровая зависимость детей как педагогическая проблема // Мир науки, культуры, образования. - 2016. - № 5(60). - С. 32-34.
5. Oskembay F., Tolegenova A., Kalymbetova E., et al. Psychological trauma as a reason for computer game addiction among adolescents // International Journal of Environmental and Science Education. - 2016. - Vol. 11. - № 9. - С. 2343-2353. Doi: 10.12973/ijese.2016.800a.
6. Малий Д.В. К вопросу об увлеченности компьютерными играми и учебной успеваемости младших школьников // Всероссийский журнал научных публикаций. - 2012. - № 2. - С. 53.
7. Семенов А.А. Игрозависимая молодежь и ее психологические особенности // Вестник Международного института экономики и права. - 2013. - № 4(13). - С. 39-47.
8. Куликова Т.И., Малий Д.В. Увлеченность младших школьников компьютерными играми как критерий их успеваемости // Прикладная психология и психоанализ. - 2014. - № 4. - С. 8.
9. Асмолов А.Г. Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов: Учеб.-метод. пособ. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. - 104 с.

REFERENCES

1. Korolenko C.P., Dmitrieva N.V. Zhiznennyye lovushki zavisimosti i sozavisimosti. [Life's traps of dependence and codependency]. SPb.: Rech, 2002. Pp. 6-16 (in Russian).
2. Vojskunskij A.E. Aktualnye problemy zavisimosti ot Interneta. [Actual problems of dependence on the Internet]. *Psihologicheskij zhurnal*. 2004. V. 25, No. 1. Pp. 90-100 (in Russian).
3. Yang K.S. Diagnost - Internet-zavisimost. [Diagnosis-Internet addiction]. *Mir Internet*. 2000. No. 2. Pp. 24-29 (in Russian).
4. Aliev A.A. Kompyuternaya igrovaya zavisimost detey kak pedagogicheskaya problema. [Computer game addiction of children as a pedagogical problem]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2016. No. 5(60). Pp. 32-34 (in Russian).
5. Oskembay F., Tolegenova A., Kalymbetova E., et al. Psychological trauma as a reason for computer game addiction among adolescents. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. V. 11. No. 9. Pp. 2343-2353. Doi: 10.12973/ijese.2016.800a (in English).
6. Maliy D.V. K voprosu ob uvlechnosti kompyuternymi igrami i uchebnoy uspevaemosti mladshih shkolnikov. [On the issue of enthusiasm for computer games and academic performance of younger students]. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*. 2012. No. 2. P.53 (in Russian).
7. Semenov A.A. Igrozavisimaya molodezh i ee psihologicheskie osobennosti. [Game dependent of youth and their psychological features]. *Bulletin of the International Institute of Economics and Law*. 2013. No. 4(13). Pp. 39-47 (in Russian).
8. Kulikova T.I., Maliy D.V. Uvlechnost mladshih shkolnikov kompyuternymi igrami kak kriterij ih uspevaemosti. [The passion of younger students of computer games as a criterion for their successful]. *Applied Psychology and Psychoanalysis*. 2014. No. 4. P. 8. (in Russian).

9. Asmolov A.G. Principi organizacii pamyati cheloveka: sistemno-deyatelnostniy podhod k izucheniyu poznavatelnyh processov. [Principles of human memory organization: system-activity approach to the study of cognitive processes]. Moscow, 1985. P.104. (in Russian).

Информация об авторах:

Малий Дмитрий Владимирович, старший преподаватель, кафедра технологии и сервиса, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия
MaliyDmitriy@yandex.ru

Медведев Павел Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра технологии и сервиса, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия
medvedeff_82@mail.ru

Маркова Марина Геннадьевна, аспирант, кафедра немецкого языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия
alatial_1990@mail.ru

Получена: 05.10.2018

Information about the authors:

Dmitry V. Maliy, Senior Lecturer, Department of Technology and Service, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,

Tula, Russia
MaliyDmitriy@yandex.ru

Pavel N. Medvedev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Technology and Service, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
medvedeff_82@mail.ru

Marina G. Markova, Postgraduate Student, German Language Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,

Tula, Russia
alatial_1990@mail.ru

Received: 05.10.2018

УДК 316.77:001.12

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-142-146

МАЛЬЦЕВА Раиса Ивановна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
evamalts@mail.ru

Raisa I. MALTSEVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
evamalts@mail.ru

САМООРГАНИЗАЦИЯ ДИССИПАТИВНЫХ СТРУКТУР

SELF-ORGANIZATION OF DISSIPATIVE STRUCTURES

В статье анализируется социокультурный феномен информационного общества. Актуальность исследования определяется применением междисциплинарного подхода синергетики при квалификации технологических достижений, что позволяет определить фазу общественного развития как информационную. Медиатизация, будучи результатом информационных технологий, затронула все сферы деятельности социума, в особенности гуманитарную. Глобальный процесс породил психологический феномен ускользающей реальности, который негативно сказался на духовной и национальной культуре, исказил доминанты морали, деформировал ортологические основы языков многих социумов; под давлением высоких технологий виртуальная неореальность приобрела новые онтологические свойства: современный пользователь общается и работает преимущественно в цифровой среде.

Теоретической ценностью работы является представление цифровой среды Интернета как структуры, обладающей информационной хаотичностью, диссипативным состоянием медиатекстов и развлекательных форматов визуального контента. Топологическое пространство медиа в целом дисперсно, точно, прерывно, контентные границы диффузны. Традиционная аксиологическая парадигма журналистики как социально-духовной деятельности разрушена в результате воздействия глобальных моделей коммуникации. Подчеркивается важность аксиологических ориентиров эмигрантских и иных обществ. Эпистемы гуманитарного знания редуцируются в пределах многих стран мира; доминирование толерантности и креативности в журналистике и личной коммуникации искажает языковую картину мира, приводит к нарушениям нормативности и образцовости речи. Автор делает вывод: уровень культуры потребительского общества отражает хаотическое состояние ментальности: массовый пользователь не способен критически осмыслить как негативные, так и позитивные результаты наступления высоких технологий. Журналистика с неизбежностью адаптируется к новым требованиям цифровой среды.

Ключевые слова: информационное общество, синергетика, диссипативность, неравновесность среды, ортология, медиадискурс, контент

The article analyzes the sociocultural phenomenon of the information society. The relevance of the research is determined by the use of an interdisciplinary synergetic approach in the qualification of technological advances, which allows us to call the phase of social development as informational. Mediatization, being the result of information technology, has affected all areas of society, especially humanitarian. The global process spawned a psychological phenomenon of elusive reality that adversely affected spiritual and national culture, distorted the dominants of morality, distorted the orthologous foundations of the languages of many societies; Under the pressure of high technology, virtual neoreality has acquired new ontological properties: the modern user communicates and works primarily in the digital environment. The theoretical value of the work is the presentation of the digital environment of the Internet as a structure with informational chaos, dissipative state of media texts and entertainment formats of visual content. The topological space of the media as a whole is dispersed, pointwise, discontinuously, the content boundaries are diffuse. The traditional axiological paradigm of journalism as a social and spiritual activity has been destroyed as a result of the impact of global communication patterns. The importance of the axiological reference points of emigrant and other societies is emphasized. Epistemes of humanitarian knowledge are reduced within many countries of the world; the dominance of tolerance and creativity in journalism and personal communication distorts the linguistic picture of the world, leading to violations of standard and exemplary speech. The author concludes: the level of culture of the consumer society reflects the chaotic state of mentality: the mass user is not able to critically comprehend both the negative and positive results of the advent of high technologies. Journalism inevitably adapts to the new demands of the digital environment.

Key words: information society, synergetics, dissipativity, disequilibrium of the environment, orthology, media discourse, content

Для цитирования: Мальцева Р.И. Самоорганизация диссипативных структур. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 142-146.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-142-146.

For citation: Maltseva R.I.. Self-organization of dissipative structures. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 142-146.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-142-146.
(in Russ)

Специалисты в области медиа полагают, что одним из важнейших факторов организации информационного общества является императив виртуализации, трансформирующий все сферы его жизнедеятельности [1, с. 6] Добавим: не только виртуализация, но другие императивы нового века трансформировали социум, его культуру, науку, язык. Диверсификация журналистики превратила традиционную благородную социально-воспитательную и образовательную деятельность в индустрию развлечений. Область труднейшего знания - политика, обслуживая ток-шоу, утратила научный и высокий общественный статус, редуцировалась до формата политического дискурса. Последний способствовал тому, чтобы книжная терминосистема со сложнейшим аппаратом дефиниций, расширила сферу употребления до массового уровня, став частотным, общепонятным коммуникативным ресурсом. Здравоохранение, став темой обсуждения в аналогичном развлекательном формате, также утратило общественный статус, породив паранаучную практику - знахарство, экстрасенсорику, обрядовость. Даже образование нашло выражение в различных бизнес-моделях репетиторства, частных школ, лицеев и гимназий для благородных девиц и юношества.

Трансформации традиционных структур, вызванные медиатизацией общества, становятся объектом исследования при синергетическом, междисциплинарном подходе. Последний в настоящее время достаточно актуален: данная методология используется многими известными специалистами в области коммуникации, теории медиа, дискурса политики, культуры и литературы. Исследователи справедливо полагают, что эволюционные траектории развития социума как структуры или, к примеру, инновации информационных технологий и журналистики совпадают, представляя собой многовекторные, разнонаправленные, но не линейные и не последовательные процессы [2, с. 83-85; 3, с. 84-87; 4, с. 13-15; 5, с. 9-11].

С позиций теории синергетики, структуры социума, культуры, журналистики, даже языка, диссипативны и хаотичны, поскольку функционируют в неравновесной среде.

Обратимся к дефинициям операциональных понятий. Синергетика - область знания, изучающая динамику явлений, процессов. С ее помощью можно объяснить, как сложные системы нелинейного типа - в нашем случае журналистика, медиакommunikация - путем самоорганизации порождают новые устойчивые структуры, например бизнес-модели, которые уже способны к дальнейшему развитию.

Интересно, что поводом или толчком к самоорганизации любой структуры оказывается ее функционирование в сильно неравновесных системах.

Интернет-коммуникация является именно такой хаотической средой. Не случайно, что именно рекламная деятельность выработала множество новых способов продуктивного функционирования в виртуальном мультимедийном, интерактивном пространстве. Журналистика также адаптировалась к новым технологическим условиям.

Клиповый формат медиаматериалов объясняется допущением, что личность, воспитанная в условиях массовой коммуникации и потребительского общества, не в состоянии воспринимать и анализировать большие объемы информации. К такому выводу пришли еще несколько лет назад социологи, психологи, которые диагностировали у современного человека синдром дефицита внимания. Изменение телеформатов, возникновение видеоклипа как жанра, нарастание шума и скорости информационных потоков привели к тому, что нелинейное мышление, непонимание причинно-следственных связей реальности сформировали новую рациональность видения мира - клиповый тип мышления.

Иконический поворот в СМИ, предсказанный М. Маклюэном, преобладание фото-видеоконтента, обилие коротких и дробных текстов породили цитатное мышление, при-

чиной которого стали известные аллюзии, повторяющиеся перифразы, популярные прецедентные заголовки сообщений, анонсов.

Текст, похожий на слоган, непременно скандальный, стал еще одним важным последствием визуального поворота. Увеличение громкости выступлений многочисленных участников разных ток-шоу, броскости их заявлений превысили порог чувствительности аудитории. Видеорепортажи, видеоблоги и видеоклонки окончательно отвратили массовую аудиторию и от СМИ на бумажных носителях, и от ТВ.

С развитием интернет-изданий обыватель сам выступает в роли журналиста, имея в руках смартфон или видеокамеру. Очевидец эксклюзивных событий, не имеющий представления о культуре коммуникации, деонтологии журналистики, о стилистике публичной речи, сообщает массам новости, используя не нормативный, образцовый вариант медиаречи, а его грубо-сниженный трэш-аналог.

Однако по мере того как все больше людей втягивается в интернет-журналистику, возрастает ценность креативно-выразительных свойств речи, допускается толерантность к нарушениям норм всех языковых уровней, в особенности лексико-фразеологического. Поэтому с экранов ТВ часто звучат субстандарные единицы, а медиатексты содержат вульгарные инвективы, арготизмы, жаргонизмы, просторечные экспрессивы, модальность же сообщений носит преимущественно агрессивно-оскорбительный характер, а сам дискурс построен с употреблением диффамационных слов и выражений, оскорбляющих честь, достоинство и деловую репутацию тех или иных лиц.

Журналистика как духовно-социальная деятельность, политика, наука, культура соответствует духовному состоянию общества, уровню его культурного развития [2, с. 2]. Медиадискурс адаптирован к новым условиям представления информации и сетевой коммуникации глобального характера, чему способствует перстратное состояние английского языка как конвенционального кода *lingua franca*.

В настоящее время ортологические основы литературной речи искажены не только у нас. В некоторых странах Евросоюза языковая ситуация осложнена причинами антропологического характера: многие тысячи эмигрантов, привыкшие к общению на языках неиндоевропейского типа, травмируют пространство национальных языков настолько значительно, что речь уже идет об их пиджинизации.

Существование иммигрантов в чужеродной стране, представляющей неравновесную среду, сообщает личности свойства неуверенности, поскольку действительность оказывается текучей, неопределенной. Немецкий исследователь Уве Хинрих выражает в связи с этим тревогу [6]. Глобальный процесс *ускользающей реальности* негативно сказался на духовной и национальной культуре, исказил доминанты морали людей без языка и без родины.

Начиная с 70-х годов прошлого века, в Германию эмигрировали многие тысячи переселенцев из Турции, России, Югославии, арабских и других стран. В крупных городах страны, особенно в Берлине, осели со своими языками, культурой, конфессиональной принадлежностью не десятки национальностей, а представители почти 200 стран мира. Многоязычная эмигрантская среда испытывает затруднения в условиях бытовой и официальной коммуникации. Однако худшим проявлением коммуникации в условиях многоязычия оказалось разрушительное воздействие иностранцев на устную форму разговорного немецкого языка. Последний является средством коммуникации для интернациональной молодежной среды. К счастью, письменный официальный язык, очень сложная традиционная система с фиксированным порядком слов в предложении, со сложной системой форм прошедшего времени, кондиционалиса, сослагательного наклонения, практически не поддается деструктивным воздействиям, хотя и отражает в ряде случаев, скорее всего, спонтанные неточности. Тем не менее постоянные контакты с новыми экзотическими иностранными языками оказываются мощным фактором языковых изменений [6].

Известный британский социолог З. Бауман, касаясь проблемы идентичности современного человека, создает печальную метафору культуры постмодерна - *бродяги*,

личности без родины [7, с. 143]. Эмигранты, проживающие в Германии, утратили не только чувство родины, но и своей национально-культурной идентичности, поскольку идентичность связана с пониманием целостности личности, ее желанием заботиться о долговечности, работать ради будущего своей земли и своих детей. В условиях эмиграции личность стремится уклониться от обязанностей, довольствуется пособием по безработице. Чужая земля для эмигранта - пустое пространство, которое не стоит обрабатывать и вкладывать в него свой труд. Язык таких людей обеднен и не наполнен мыслью, переживаниями души. Они не хотят развивать родную речь и отказываются правильно говорить на чужом языке, их немецкий грамматически и лексически искажен, даже акцентологические и интонационные особенности чужой речи эмигранты не желают постигать [7, с. 138-154].

В Италии сложилась иная языковая ситуация. В середине прошлого века большинство итальянцев было неграмотным, коммуникация носила холономный характер, поскольку единственным средством общения были *материнские языки*, или диалекты. Благодаря распространению телевидения, литературной итальянской речи, дети смогли посещать школу, понимать язык учителей и получать образование. Итальянское телевидение RAI, благодаря таланту Альберто Манзи, пришло в дома миллионов граждан, не умеющих ни читать, ни писать. Телеканал Rai Educational транслировал цикл развлекательных программ «Parola mia», обучающих итальянцев литературному языку, «Cantieri d'Italia», обучающих иностранцев. Эти мероприятия проводились совместно с Rai Educational и Министерством иностранных дел. В результате зрители усвоили особый коммуникативный идиом, который тогдашний министр образования Де Мауро назвал «*итальянский народный*» [8].

Принято считать, что телевидение середины прошлого века сыграло положительную роль в процессе аккультурации населения Италии. Однако спустя 30 лет, после появления коммерческого телевидения, исследователи - культурологи и лингвисты - задают вопрос: не отразилась ли коммерциализация TV отрицательно не только на культуре речи, но и на общей культуре нации?

По мнению стилистов, коммерческое телевидение Италии с его американизированными ток-шоу, скетчевыми программами вызвало противоположный эффект: произошла инкультурация населения, особенно молодежи, которую президент Академии делла Круска Франческо Сабатини называл поколением *настоящего времени*, потому что сленговый характер молодежной речи идентифицировал новую функцию телевидения - показ инновационной модели итальянской разговорной речи [8]. Сейчас функциональный вариант *italiano parlato* представляет примерно такой же общенациональный идиом, как наш медиязык, или медиалект. Последний реализуется в российских форматах аналитических, новостных и образовательно-воспитательных медиапродуктах. Их рамки деформированы, объемы редуцированы, и главные их цели сводятся к симуляции институционально-идеологического дискурса.

Таким образом, диссипативными системами, функционирующими в сильно неравновесных средах, предстают эмигрантские сообщества в Германии. Функциональные варианты медийных языков - русского и итальянского, используемые в целях коммуникации в цифровой среде, являются результатом самоорганизации. Сетевая журналистика аккумулирует образцы адаптированных под разные технологические площадки самоорганизующихся структур, существующих в условиях неравновесности и рассеянности хаотических информационных потоков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Попов А.А. Институциональные параметры информационного общества (технологический, научный, социальный, антропологический) // Автореф. дис ... канд. филос. наук. - Чебоксары, 2007. - С. 6.
2. Тулупов В.В. Современная журналистика: перерождение или подмена деятельности? // Акценты. Альманах ВГУ. - 2017. - Вып. 5-6 (148-149). - С. 2-5. URL: http://jour.vsu.ru/editions/journals/accents/2017_5-6_accents.pdf

3. Богоявленский А.Е. Четвертая медиареволюция: трансдисциплинарный подход // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. - 2018. - С. 83-85. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2018/02/2018-02-21.pdf>
4. Богоявленский А.Е. Понимание медиа: внутреннее сжатие цивилизации // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. - 2016. - № 1. - С. 84-87. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2016/01/2016-01-20.pdf>
5. Прохоров Е.П. Идеи синергетики и методология журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. - 2009. - № 2. - С. 13-30. URL: http://www.journ.msu.ru/downloads/ARCHIVE_Vestnik/2009-2.pdf
6. Hinrich. U. Essay. Hab ich gesehen mein Kumpel - URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-83977255.html>.
7. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. - 1995. - № 4. - С. 133-154. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/218/219>
8. Dimitra G. La lingua italiana tra radio e televisione - URL: <http://inchiestro.unipv.it/2010/12/01/la-lingua-italiana-tra-radio-e-televisione/>

REFERENCES

1. Popov A.A. Institucional'nye parametry informacionnogo obshchestva (tekhnologicheskij, nauchnyj, social'nyj, antropologicheskij). Avtoref. dis ... kand. filos. nauk. [The Institutional parameters of the information society (technological, scientific, social, anthropological). dis ... kand. philos. sciences']. Cheboksary, 2007. P.6. (in Russ)
2. Tulupov V. V. Sovremennaya zhurnalistika: pererozhdenie ili podmena deyatel'nosti? [Modern journalism: rebirth or substitution of activity?] Accents. Almanac of the VSU. 2017. Vol. 5-6 (148-149). P. 2-5. Available at: URL http://jour.vsu.ru/editions/journals/accents/2017_5-6_accents.pdf (in Russ)
3. Bogoyavlensky A. E. Fourth mediarevolution: a transdisciplinary approach. Vestnik of VSU. Ser.: Philology. Journalism. 2018. P. 83-85. Available at: URL <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2018/02/2018-02-21.pdf> (in Russ)
4. Bogoyavlensky A. E. Understanding media: internal compression of the civilization // Bulletin of VSU. Ser.: Philology. Journalism. 2016. No. 1. P. 84-87. Available at: URL <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2016/01/2016-01-20.pdf> (in Russ)
5. Prokhorov E. P. Ideas of synergetics and methodology of journalism, Vestn. Mosk. UN-TA. Ser. 10. Journalism. 2009. No. 2. P. 13-30. Available at: URL http://www.journ.msu.ru/downloads/ARCHIVE_Vestnik/2009-2.pdf (in Russ)
6. Hinrich. U. Essay. Hab ich gesehen mein Kumpel - Available at: URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-83977255.html>
7. Bauman Z. from pilgrim to tourist // Sociological magazine. 1995. No. 4. P. 133-154. Available at: URL <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/218/219> (in Russ)
8. Dimitra G. La lingua italiana tra radio e televisione - Available at: URL: <http://inchiestro.unipv.it/2010/12/01/la-lingua-italiana-tra-radio-e-televisione/>

Информация об авторе:

Мальцева Раиса Ивановна, доктор филологических наук, профессор, кафедра электронных СМИ и новых медиа, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
evamalts@mail.ru

Получена: 15.10.2018

Information about the author:

Raisa I. Maltseva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Electronic Media and New Media, Kuban State University,

Krasnodar, Russia
evamalts@mail.ru

Received: 15.10.2018

УДК 004:796 + 316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-147-156

ТАРАСЕНКО Василий Александрович
Киберспортивная организация
«OZ management»
г. Москва, Россия
v.tarasenko@ozmanagement.ru

Vasily A. TARASENKO
Esports Organization "OZ management"
Moscow, Russia
v.tarasenko@ozmanagement.ru

**КОМПЬЮТЕРНЫЙ СПОРТ: ОТКУДА КОРНИ
РАСТУТ. ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ЭКСКУРС**

**ESPORTS: WHEREFROM ROOTS GROW.
HISTORICAL AND SOCIAL DIGRESSION**

Автор анализирует историю возникновения и развития компьютерного спорта как элемента новой социальной реальности, соответствующей эпохе цифровизации современного общества. В статье дано определение компьютерного спорта, а также выделены и всесторонне проанализированы его отличительные особенности и критерии соответствия требованиям к виду спорта, регламентированным действующими нормативными документами. Установлено, что основным критерием является спортивность соревнования, характеризующаяся установлением превосходства между киберспортсменами или командами киберспортсменов. При этом автор подчеркивает, что обязательным условием спортивности является выступление спортсменов на одном игровом поле. Подробно рассмотрены и другие критерии соответствия, устанавливающие наличие компьютеров (симуляторов) с соответствующими техническими приспособлениями и игровым программным обеспечением, а также равные возможности для участников соревнований и независимость их результатов от элемента случайности. С помощью предложенных критериев, определяющих предметную принадлежность видеоигры компьютерному спорту, выполнен анализ известных исторических фактов, связанных с появлением и развитием различных компьютерных игр, на предмет их соответствия компьютерному спорту. По мнению автора, первой спортивной цифровой компьютерной видеоигрой, полностью удовлетворяющей всем предложенным критериям соответствия, стала игра Spacewar!, созданная в 1962 г. Стивом Расселом при участии Мартина Грета и Уэйна Витенена. В статье приведены примеры других видеоигр различных жанров и рассмотрены их особенности с точки зрения соответствия компьютерному спорту.

The author analyzes the history of the emergence and development of eSports as an element of a new social reality corresponding to the era of digitalization of modern society. The article gives the definition of eSports, as well as its distinguished features and standards of compliance with the requirements regulated by the current regulatory documents, highlighted and comprehensively analyzed. It has been established that the main criterion is wrestling, characterized by the establishment of superiority between e-sportsmen or teams of e-sportsmen. At the same time, the author emphasizes that a prerequisite for sportiness is the performance of athletes on the same playing field. Other eligibility criteria are considered in detail, establishing the presence of computers (simulators) with the help of all possible possibilities for participating in competitions and the independence of their results from the element of randomness. With the help of the proposed criteria that determine the subject matter of a video game to computer sports, an analysis of known historical facts related to the emergence and development of various computer games was carried out for their relevance to computer sports. According to the author opinion, the first sports digital video game that fully meets all the proposed criteria of compliance, was the game "Spacewar", created in 1962 by Steve Russell with the participation of Martin Gretz and Wayne Vitenen. The article provides examples of other video games of various genres and their peculiarities from the point of view of compliance with computer sports.

Ключевые слова: спорт, история спорта, социология спорта, компьютерный спорт, видеоигра, критерий принадлежности, критериальная оценка, спортивность соревнования, игровое поле, элемент случайности

Key words: sports, sports history, sociology of sports, eSports, video game, criterion of belonging, criterion assessment, sportiness, playing field, element of randomness

Для цитирования: Тарасенко В.А. Компьютерный спорт: откуда корни растут. Историко-социологический экскурс. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2. с. 147-156.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-147-156.

For citation: Tarasenko V.A. Esports: wherefrom-roots grow. Historical and social digression. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 147-156.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-147-156.
(in Russ)

Характерное для начала XXI века взрывное внедрение цифровых технологий в самые разные сферы современного общества вызвало необходимость значительного расширения наших понятий о взаимодействии элементов системы век - компьютер». Соответствующих изменений требует и характер исследований в области социологии такого социального явления, как видеоигры в целом и компьютерный спорт в частности.

Однако для более целостного анализа всего комплекса проблем, связанных с мировоззренческими и теоретико-познавательными функциями, которые выполняет социология видеоигр и компьютерного спорта, необходимо проанализировать описательные, эвристические и объяснительные функции, задействованные в накоплении и систематизации фактов, относящихся к социальным аспектам указанного выше явления. В первую очередь это касается понимания самого термина «компьютерный спорт» и событийной базы данных, его касающейся. Прежде чем рассматривать историю возникновения и развития такого социального феномена, как компьютерный спорт, следует определиться как с самим понятием, так и с его отличительными особенностями - критериями, по которым мы будем соотносить принадлежность того или иного события к этому явлению.

Во-первых, отметим, что в качестве официального названия этого нового вида спорта во всех существующих российских нормативных документах («Всероссийский реестр видов спорта» [1], Приказ Минспорта РФ от 22.01.2018 № 49 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта» [2], «Правила вида спорта "компьютерный спорт"» [3] и др.) используется только словосочетание «компьютерный спорт». Вместе с тем в средствах массовой информации часто употребляется и второе название - «киберспорт». Принимая во внимание то, что приставка «кибер» (англ. cyber) означает в данном случае лишь принадлежность к миру компьютеров [4], согласимся с тождественностью обоих названий. Тем более что такого же мнения придерживается и Федерация компьютерного спорта России, определяя свою ответственность «за развитие в РФ массового компьютерного спорта (киберспорта)» [5]. При этом можно предложить следующее определение:

Компьютерный спорт, также именуемый как киберспорт, - это вид спорта, в котором спортсмены или команды соревнуются между собой с целью достижения превосходства над соперником с использованием компьютера (симулятора), установленного на нем специального игрового программного обеспечения и специального инвентаря.

Во-вторых, руководствуясь требованиями к виду спорта, изложенными в «Порядке признания видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта» [6], выделим основные критерии принадлежности установленных в дальнейшем исторических фактов к компьютерному спорту. К ним следует отнести:

Критерий 1. Спортивность соревнования, характеризуемая состязательностью (установлением превосходства) между спортсменами и/или командами спортсменов, выступающими на одном игровом поле.

Критерий 2. Использование специального оборудования в виде компьютеров (симуляторов) с соответствующими техническими приспособлениями и игровым программным обеспечением.

Критерий 3. Равные возможности для участников соревнований.

Критерий 4. Независимость результатов соревнований от элемента случайности.

Рассмотрим первый критерий. Если состязательность в этом случае сомнений не вызывает (побеждает игрок, показавший лучший результат), то вторая часть формулировки требует некоторых пояснений, поскольку она является ключевой для понимания компьютерного спорта как вида именно спортивных соревнований. Дело в том, что состязаться можно и с вычислительным устройством (почему мы не пишем здесь «с компьютером», будет разъяснено при рассмотрении второго критерия), а точнее - с зало-

женной в нем программой. Характерными примерами такого соревнования служат самая популярная из серии первых советских портативных электронных игр с жидкокристаллическим экраном - «Электроника ИМ-02 "Ну, погоди!"» [7], а также известная во всем мире игра-пазл «Тетрис» [8], разработанная советским программистом Алексеем Пажитновым.

Но под спортом все же понимается состязание между людьми, сопоставление их физических и интеллектуальных способностей. Поэтому очевидно, что все виды игр непосредственно с компьютерной программой к спорту отношения не имеют.

Вместе с тем возможен такой вариант: два игрока в «Тетрис» садятся рядом и соревнуются между собой, кто наберет очков больше. Можно ли такое состязание отнести к спортивным, а саму игру - к дисциплине компьютерного спорта? Ответ можно дать, рассмотрев два фактора. Первый из них связан с тем, что, по существу, игроки в этом случае соревнуются с той же компьютерной программой и никак не взаимодействуют между собой, то есть состязательность между ними, прямое сопоставление их способностей, по факту, отсутствует. С таким же успехом они могли стоять у игровых автоматов в разных городах и набирать победные очки.

Регистрацией именно таких рекордов, установленных в разных городах США, и занималась частная организация Twin Galaxies, которую основал американский бизнесмен и историк Уолтер Дэй в 1982 г. [9]. В ее задачи входило также проведение соревнований по видеоиграм наподобие национального чемпионата по аркадной игре Space Invaders, организованного компанией Atari в США в 1980 г. В этом турнире приняли участие владельцы приставки Atari VCS 2600, сконструированной на базе восьмиразрядного микропроцессора MOS Technology 6502. Более 10 тыс. игроков, сидя перед экранами и манипулируя джойстиком, набирали очки, уничтожая космических пришельцев и защищая свою «лазерную» пушку [10].

Можно ли считать подобные турниры соревнованием? Несомненно. Но, уточним, что смысл такого соревнования - определить, кто из участников превосходит другого в умении состязаться с заложенной в игру программой, и не более того. Поэтому о спорте здесь речи не идет.

Чтобы формально описать такую ситуацию и исключить подобные игры и соревнования из числа спортивных, в первый критерий и добавлена фраза «выступающими на одном игровом поле». Это второй фактор, характеризующий спортивность соревнования по первому критерию.

В видеоиграх игровым полем, которым ограничена территория действия условной ситуации, выступает экран компьютера [11]. Более строгое определение этому термину можно дать по аналогии с термином «виртуальная реальность» [12]: игровое поле - это искусственно созданная компьютерными средствами среда, в которую можно проникать, меняя ее изнутри и наблюдая происходящие трансформации. Попадая в этот тип аудиовизуальной реальности, можно вступать в контакты не только с другими людьми, но и с искусственными персонажами.

В формулировку первого критерия специально не включено требование о том, чтобы игра была многопользовательской. Это связано с тем, что существующие определения многопользовательской игры в словарях и специальной литературе ограничиваются в основном только констатацией факта одновременного участия в игре нескольких человек. В этом случае многопользовательская игра может быть как спортивной в нашем понимании, так и нет. Например, Sonic the Hedgehog (серия компьютерных игр в жанре платформера) предусматривает возможность входа в игровой процесс и выхода из него на любом этапе другого игрока, выступающего за одного из друзей главного героя, тем самым делая игру многопользовательской. При этом, однако, смысл игры по-прежнему заключается в борьбе играющего за Ежа Соника с созданным компьютерной программой Доктором Эггманом, который воплощает свои злые планы по захвату мира. В то же время условие одновременного участия игроков числом два и более с возможностью взаимодействия между ними на одном игровом поле полностью заложено в приведенной выше формулировке первого критерия.

Перейдем ко второму признаку, подразумевающему наличие специального оборудования в виде компьютера (симулятора). Это требование исходит из самого названия вида спорта - «компьютерный спорт». При этом очевидно, что имеются в виду далеко не все устройства, способные к хранению и обработке данных в соответствии с заданной ему программой, как следует из перевода английского слова computer [13]. Компьютеры или электронно-вычислительные машины (ЭВМ), как они назывались в СССР до перестройки, отличаются от других вычислительных устройств следующим:

- наличием дискретных (цифровых), а не аналоговых вычислительных блоков;
- электронным, а не механическим устройством вычислительных блоков;
- автоматической обработкой данных по заданной программе;
- универсальностью назначения;
- сменой программ.

Последние два отличия для нас очень важны, поскольку позволяют исключить из числа компьютеров как мини-ЭВМ наподобие уже упомянутой «Электроника ИМ-02» для игры «Ну, погоди», так и игровые автоматы и игровые приставки (консоли), относящиеся к специализированным электронным цифровым (дискретным) вычислительным машинам (ЭЦВМ), которые используются для решения узкого круга задач.

Не останавливаясь на вполне понятном третьем критерии о равных возможностях для участников соревнований, перейдем к четвертому: независимость результатов соревнований от элемента случайности.

При этом отметим, что формулировка критерия в таком виде может показаться не совсем корректной. Дело в том, что элемент случайности в том или ином виде присутствует во всех видеоиграх. Исключение составляют только детерминированные (логические) игры, то есть игры с полной информацией: шахматы, шашки, го, ним, реверси, абалон. Во всех остальных может использоваться генератор случайных (псевдослучайных) чисел (англ. random number generator [14]) и/или случайности разного вида (случайные неприятности, отвлекающие случайности, случайные события и др.), включенные гейм-дизайнером в скрытую от игрока игровую механику.

Случайность может проявляться по-разному - оказываться частью изначальных условий игры и/или при совершении какого-либо действия в процессе игры. Не вдаваясь в подробности использования случайностей в видеоиграх, выделим только те группы игр, в которых выигрыш полностью или в значительной степени зависит не от мастерства играющих, а от случая - то есть те, которые по этой причине никоим образом нельзя назвать спортивными. Прежде всего, это все карточные игры и игры с бросанием игровых костей, обычно кубиков (нарды, покер, электронные варианты некоторых настольных игр), в которых тасование карт или бросание кубиков осуществляется при помощи генератора псевдослучайных чисел. Сюда же можно отнести и домино. Вторая па - это электронные варианты «одноруких бандитов» (слот-машины, различные модификации «колеса фортуны» и т. п.).

В завершение сформулируем необходимое и достаточное условие соответствия компьютерной игры четвертому критерию: случайность не должна определять начальные условия игры, а случайные события в ходе игрового процесса не должны полностью или в значительной степени определять результат игры.

Теперь посмотрим на события, связанные с видеоиграми и компьютерным спортом через призму четырех критериев, определенных нами выше.

Основу компьютерного спорта составляют компьютерные игры. Но далеко не все из них можно соотнести с киберспортом. В общем случае они представляют собой программы, предназначенные для развлечения с использованием цифровых устройств (Digital device) - компьютеров, миникомпьютеров, сотовых телефонов, планшетов, смартфонов, игровых автоматов, приставок (консолей) и т.п. [15].

Первый в мире патент на изобретение устройства Cathode-ray tube amusement device для электронной интерактивной (то есть содержащей элемент взаимодействия с пользователем) игры зарегистрирован 25 января 1947 г. в США [16]. Его авторами стали

физики Томас Голдсмит и Эстл Рэй Манн - сотрудники компании DuMont Laboratories, специализирующейся на разработке и производстве электронно-лучевых трубок (ЭЛТ) для телевизоров. Игра представляла собой ракетный (артиллерийский) симулятор, использующий луч ЭЛТ осциллографа и его расфокусировку для попадания в мишень. При этом игрок управлял лучом с помощью специальных ручек. Практической реализации патент не получил - устройство в производство не пошло, был сделан только его прототип.

Конечно, игровой процесс, реализуемый на Cathode-ray tube amusement device, ни в коей мере не являлся спортивной компьютерной игрой. В том числе из-за несоответствия второму определенному нами выше критерию, предусматривающему обязательное использование компьютера, - здесь в устройстве использовалась только аналоговая электроника, в него не входили ни вычислитель, ни запоминающее устройство, а также отсутствовала и сама исполняемая программа. Однако упоминания в истории киберспорта он заслуживает вполне - как первое интерактивное электронное развлекательное устройство с графическим дисплеем.

А первой компьютерной игрой с графическим интерфейсом стала Noughts and Crosses (это обычные «Крестики-нолики»), представленная британским ученым Александром Дугласом в 1952 г. Она была реализована на ЭВМ EDSAC (англ. Electronic Delay Storage Automatic Calculator), разработанной в Кембриджском университете (Великобритания) в 1949 г. Характерной особенностью EDSAC было использование архитектуры, основанной на принципах фон Неймана [17] (в частности, память компьютера используется не только для хранения данных, но и программ), что позволяет считать эту ЭВМ одним из первых компьютеров в мире. Но, несмотря на «компьютерность», спортивной игрой Noughts and Crosses назвать нельзя хотя бы потому, что она не соответствует первому критерию - в ней полностью отсутствует спортивность соревнования, характеризующаяся состязательностью между спортсменами, выступающими на одном игровом поле.

Эту проблему решила вышедшая в 1958 г. Tennis for Two - первая многопользовательская игра с графическим интерфейсом, которую разработал начальник приборостроительного отдела Брукхейвенской национальной лаборатории Министерства энергетики США физик Уильям Хигинботам. В этой игре впервые были использованы два контроллера (игровых манипуляторов) для двух игроков, управляющих летящим «теннисным мячом» (светлой точкой на экране осциллографа, где схематически изображен теннисный корт с сеткой). Игроки и ракетки на экране не изображались. Запуск мяча осуществлялся нажатием кнопки на ручке контроллера, а угол полета менялся ее поворотом. В то же время реализация игры на аналоговой вычислительной машине (несоответствие второму критерию) не позволяет нам отнести ее к компьютерным играм.

Рассматривая события, связанные с первыми заметными вехами в истории видео- и компьютерных игр, нельзя не упомянуть создание игровых шахматных программ для компьютеров. Первую из них, точнее алгоритм шахматной игры для вычислительной машины Turbochamp, разработали в конце 1940-х годов английские математики Алан Тьюринг и Дэйвид Чампернаун. Реализовать проект на Ferranti Mark 1 - одной из самых мощных электромеханических вычислительных машин того времени, не удалось, мощности вычислителя не хватило. В 1951 г. американский инженер и математик Клод Шеннон опубликовал известную статью о шахматном программировании. Но полноценная шахматная программа для игры на стандартной шахматной доске при участии всех фигур была написана только в 1958 г. американским математиком Алексом Бернштейном, который вместе со своими коллегами по компании IBM Майклом Де В. Робертсом, Тимоти Арбаклом и Мартином Бельским реализовал ее на первом массово выпускавшемся компьютере IBM 704 с аппаратной поддержкой вычислений.

Развитие компьютерных шахмат - отдельная история, а мы вернемся к видеоиграм.

Рубежом, разделившим историю компьютерного спорта на «до» и «после», стал 1962 г., когда в «Клубе технического моделирования железных дорог» [18] при Массачусетском технологическом институте 25-летний программист Стив Рассел при участии

Мартина Греца и Уэйна Витенена создал первую версию Spasewar! - по существу первой спортивной цифровой компьютерной видеоигры.

Она соответствовала всем критериям принадлежности к компьютерному спорту, сформулированным нами выше. Смысл игры заключался в установлении превосходства между участниками, выступающими на одном игровом поле - виртуальном космическом пространстве, отображенном на экране дисплея (требование спортивности соревнования - первый критерий соответствия). Для игры использовался компьютер PDP-1 (англ. Programmed Data Processor, программно-управляемый процессор обработки данных) с ЭЛТ-дисплеем, имеющем экран диаметром 16 дюймов [19]. Таким образом соблюдалось соответствие второму критерию. PDP-1 был первым продуктом компании Digital Equipment Corporation (DEC), основанной американскими инженерами Кеном Олсеном и Харланом Андерсоном в 1957 г. Один из первых экземпляров сравнительно компактного, быстродействующего и дешевого компьютера компания подарила Массачусетскому технологическому институту.

Очевидно, что в игре полностью обеспечивалось соответствие третьему (равные возможности для игроков) и четвертому (независимость результатов соревнований от элемента случайности) критериям.

По жанру Spasewar! представляла собой космический шутер для двух игроков и в дальнейшем, благодаря открытому доступу к пакету программ, получила множество усовершенствований. Первоначально игровой процесс заключался в дуэли между двумя космическими кораблями в межзвездном пространстве. Каждый игрок с помощью клавиатуры и джойстика управлял скользящим по экрану маленьким кораблем, который стрелял «космическими торпедами» по противнику. Среди появившихся позднее новшеств были астероиды, гиперпространство с возможностью телепортации для ухода от вражеских атак, гравитационные поля звезд и другие «примочки» [20]. Одно усовершенствование имело серьезные последствия - это специально придуманные пульты дистанционного управления, снабженные всеми необходимыми переключателями для управления кораблем и «кнопкой отчаяния» для перехода в гиперпространство.

Широкого распространения Spasewar! не получила. Основной причиной была высокая для обывателя стоимость компьютера - около 120 000 долл. США. Однако эта игра существенно повлияла на развитие видеоигр, в частности, она легла в основу первого в мире аркадного игрового автомата Computer Space, разработанного в 1971 г. американскими инженерами Ноланом Бушнеллом и Тедом Дабни. Автоматы выпускались компанией Nutting Associates в двух модификациях - для одного и двух игроков.

Следующим значимым рубежом в развитии видеоигр стало появление игровой приставки (консоли). Автором идеи стал американский изобретатель Ральф Баер, предложивший использовать для игр телевизоры. В 1967 г. он представил разработанную им первую в мире игровую приставку The Brown Box, в комплект которой входили джойстик и один из первых в мире световых пистолетов а-ля NES Zapper. 15 января 1968 г. Ральф Баер получил первый патент на видеоигру с приставкой. Компании не решались рисковать с началом производства новинки и только в 1971 г. фирма Magnavox выпустила ту же приставку уже под именем Odyssey. Она приобрела огромную популярность, несмотря на то, что звука при игре не было и вся графика состояла из точек и линий.

Здесь следует отметить, что ни игровые автоматы, ни игровые консоли по нашим критериям нельзя отнести к компьютерному спорту хотя бы потому, что реализуемый ими игровой процесс не предполагает использование компьютера как специального средства для игры. Например, в основу работы приставки Odyssey, не имеющей ни микропроцессора, ни микросхем, была заложена диодно-транзисторная логика, реализованная на дискретных элементах. При игре использовалась игровая карта, которая вставлялась в специальный слот. Карты, для каждой игры своя, не имели никаких электронных компонентов.

А упомянули мы игровые приставки и автоматы только потому, что появление на рубеже 1970-х годов их первых представителей положило начало разделению видеоигр на аркадные, консольные и компьютерные дисциплины. И если на отдельных спортив-

ных симуляторах часто удобнее соревноваться с помощью игрового пульта - геймпада (англ. Gamepad), то игры в жанрах стратегий и шутеров используют только персональные компьютеры.

Далее мы будем отмечать только те события, которые касаются спортивных компьютерных игр, соответствующих нашим критериям.

Датой, от которой ведут свою историю киберспортивные соревнования, стало 18 октября 1972 г. В этот день в Стэнфордском университете, расположенном во всемирно известной Кремниевой долине, состоялся первый известный турнир по компьютерному спорту с громким названием «Межгалактические олимпийские игры». Участники соревновались в игре Spacewar!, главным призом служила годовая подписка на журнал «Rolling Stone».

Начиная с 1970-х годов выходили все новые и новые игры, разработанные в разных жанрах. Отметим только первые из них. Это шутер от первого лица и один из самых ранних примеров сетевой игры Maze War (рус. Война в лабиринте). Разработанная Стивом Колли в Исследовательском центре Эймса NASA игра для мини-компьютера Imlac PDS-1 стала также первой игрой в режиме deathmatch, предусматривающем игровой процесс, в котором основной целью является непосредственное уничтожение противников. В этом же году вышла первая версия многопользовательской пошаговой стратегии Empire, разработанной американским программистом Уолтером Брайтом. Игра была реализована в системе PLATO (Programmed Logic for Automated Teaching Operations, рус. Программный алгоритм для автоматизированных операций преподавания). PLATO - это первая в мире система электронного обучения студентов, которая включала несколько тысяч терминалов в разных странах и более десятка мейнфреймов, соединенных общей компьютерной сетью. Под эту же систему Джим Боуэри в 1974 г. разработал 3D-шутер Spasim (сокращение от англ. space simulation - рус. космический симулятор). В игре могли участвовать до 32 человек, подключившихся по сети (4 планетарных системы, в каждой из которых может находиться не более 8 игроков).

Бурный толчок развитию киберспорта дал Интернет, когда в начале 1990-х годов его каркас образовала компьютерная сеть Национального фонда науки США - NSFNET. Так называемая «Всемирная паутина» стала общедоступной и объединила в себе большинство существовавших тогда сетей. Она трансформировала и сферу компьютерных игр - теперь игроки могли соревноваться по сети в шутеры от первого лица Quake и Counter-Strike или сражаться в космической вселенной игр серии Warcraft. А в 1993 г. компания «id Software», уже известная созданием шутера Wolfenstein 3D, выпускает первую игру серии DOOM, ставшей одной из основ современной игровой индустрии.

Компьютерные игры набирали популярность, число участников и турниров множилось. Для упорядочения деятельности нового вида соревнований, в том числе переходов игроков из команды в команду, борьбы с договорными играми, создания игрокам и командам равных условий стали образовываться многочисленные профессиональные лиги и федерации. Так, в США 27 июня 1997 г. Эйнджелом Муньезом была основана Cyberathlete Professional League (CPL) - практически первый организатор соревнований по компьютерному спорту международного уровня, ставивший своей целью популяризацию компьютерных игр, превращение их в зрелищные шоу и доведение до уровня одного из общепризнанных видов спорта [21]. Первоначально в ведении CPL были игры серии Quake, затем с 2001 г. стали проводиться соревнования по Counter-Strike. Кроме SPL в США успешно работает и один из крупнейших турнирных операторов - основанная в 2002 г. профессиональная лига видеоигр Major League Gaming (MLG) [22]. В ее рамках проводятся турниры по Halo 3, Call of Duty: Ghosts, World of Warcraft, Dota 2, Counter-Strike: Global Offensive.

В 1998 г. произошло знаковое для профессионалов и любителей компьютерных игр событие - американская компания Blizzard Entertainment выпустила долгожданную игру в жанре стратегии в реальном времени под названием StarCraft. При этом достаточно неожиданно появление именно этой игры стало причиной резкого всплеска интереса к киберспорту в Южной Корее. Начиная с 2000-х соревнования по спортивным компьютер-

ным играм в этой стране стали частью национальной культуры. Матчи по StarCraft впервые в мире стали показывать по государственному круглосуточному телевизионному каналу. В 2000 г. в Сеуле была создана ассоциация профессиональных игроков KeSPA (Korean eSports Players Association) [23]. Она предоставляет киберспортсменам гарантии получения заработной платы и выплаты призовых, мотивирует совершенствование игровых навыков и следит за организацией турниров. И именно Южная Корея стала инициатором придания киберспорту олимпийского статуса. 27 января 2015 г. Корейский олимпийский комитет аккредитовал компьютерный спорт в качестве олимпийского вида второго уровня, а KeSPA получила статус аффилированного члена Корейского олимпийского комитета [24].

Некоторое ослабление интереса к киберспорту в середине 2000-х побудило лидеров игровой индустрии к совершенствованию многопользовательских командных онлайн-игр. Результатом стало создание современных версий League of Legends, Dota 2, Counter-Strike: Global Offensive (CS:GO). По мнению экспертов, в ближайшем будущем сферу компьютерного спорта ждет взрывной рост и популярность. В него инвестируются значительные средства, запускаются новые лиги, спонсорские бюджеты перестали быть экспериментом и обрели постоянный характер, а объемы международной торговли медиаправами увеличились. Согласно недавнему опросу аналитического агентства Newzoo, большинство представителей команд ожидают полного превращения киберспорта в серьезный бизнес в течение ближайших 5-10 лет, а представители брендов и агентств прогнозируют полную профессионализацию этой экосистемы в ближайшие 3-5 лет [25].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Признание видов спорта, всероссийский реестр видов спорта. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/priznanie-vidov-spor/> (Дата обращения: 29.08.2018).
2. Приказ Министерства спорта РФ от 22.01.2018 № 49 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта». [Электронный ресурс]. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802140018?index=0&rangeSize=1> (Дата обращения: 29.08.2018).
3. Правила видов спорта. Виды спорта, развиваемые на общероссийском уровне. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/pravila-vidov-sporta/> (Дата обращения: 29.08.2018).
4. Cambridge Dictionary. Cyber. [Электронный ресурс]. - URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cyber> (Дата обращения: 29.08.2018).
5. О ФКС России. [Электронный ресурс]. - URL: <https://resf.ru/about/resf/> (Дата обращения: 29.08.2018).
6. Приказ Министерства спорта РФ от 02.09.2013 г. № 702 «Об утверждении Порядка признания видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта и порядка его ведения». - URL: <http://base.garant.ru/70451560/> (Дата обращения: 27.08.2018).
7. Игра электронная микропроцессорная «ЭЛЕКТРОНИКА» ИМ-02 «Ну, погоди». [Электронный ресурс]. - URL: <https://rootger.blogspot.com/2010/11/02.html> (Дата обращения: 30.08.2018).
8. Тетрис. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.i-igrushki.ru/otdykh-dosug/igrushkapedia/tetris.html> (Дата обращения: 29.08.2018).
9. Twin Galaxies [Электронный ресурс]. - URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Twin_Galaxies (Дата обращения: 29.08.2018).
10. Краткая история киберспорта с 1970-х до наших дней. [Электронный ресурс]. - URL: <https://hightech.fm/2016/11/26/esports-history> (Дата обращения: 27.08.2018).
11. Компоненты игрового пространства. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberpedia.su/7x5fc.html> (Дата обращения: 01.09.2018).
12. Виртуальная реальность. [Электронный ресурс]. - URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/278/ВИРТУАЛЬНАЯ (Дата обращения: 01.09.2018).

13. Oxford Dictionary. Computer. [Электронный ресурс]. - URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/computer> (Дата обращения: 01.09.2018).
14. Oxford Dictionary. Random number generator. [Электронный ресурс]. - URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/random_number_generator (Дата обращения: 01.09.2018).
15. Англо-русский словарь технических терминов. Digital device. [Электронный ресурс]. - URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus_technic/43498/digital (Дата обращения: 16.08.2018).
16. Cathode-ray tube amusement device. [Электронный ресурс]. - URL: <https://patents.google.com/patent/US2455992> (Дата обращения: 16.08.2018).
17. Принципы фон Неймана (Архитектура фон Неймана). [Электронный ресурс]. - URL: <https://inf1.info/machineneumann> (Дата обращения: 28.08.2018).
18. John Markoff. A Long Time Ago, in a Lab Far Away... [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.nytimes.com/2002/02/28/technology/a-long-time-ago-in-a-lab-far-away.html> (Дата обращения: 08.08.2018).
19. Computer history. PDP-1. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.computerhistory.org/pdp-1/the-machine/> (Дата обращения: 12.08.2018).
20. Уолтер Айзексон. Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию. [Электронный ресурс]. - URL: <http://itexts.net/avtor-uolter-ayzekson/148102-innovatory-kak-neskolko-geniev-hakerov-i-gikov-sovershili-cifrovuyu-revoluciyu-uolter-ayzekson/read/page-18.html> (Дата обращения: 12.06.2018).
21. Cyberathlete Professional League. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.esportsearnings.com/leagues/118-cyberathlete-professional-league> (Дата обращения: 02.09.2018).
22. Major League Gaming. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.mlg.com> (Дата обращения: 01.09.2018).
23. KeSPA. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.e-sports.or.kr/?ckattempt=1> (Дата обращения: 28.08.2018).
24. Киберспорт признали олимпийской дисциплиной второго уровня. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.sovsport.ru/others/cybersport/news/774734-kibersport-priznali-olimpijskoj-disciplinoj-vtorogo-urovnja> (Дата обращения: 12.08.2018).
25. Сколько стоит киберспорт: главные тренды 2018 года. [Электронный ресурс]. - URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/internet/2018/02/26/169462.phtml> (Дата обращения: 01.09.2018).

REFERENCES

1. Priznanie vidov sporta, vserossijskij reestr vidov sporta (Recognition of sports, the all-Russian register of sports). - URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/priznanie-vidov-spor/> (accessed 29.08.2018) (InRuss).
2. Prikaz Ministerstva sporta RF ot 22.01.2018 № 49 "O priznanii i vklyuchenii vo Vserossijskij reestr vidov sporta sportivnyh disciplin, vidov sporta i vnesenii izmenenij vo Vserossijskij reestr vidov sporta" (The order of the Ministry of Sport of the Russian Federation of 22.01.2018 No. 49 "About recognition and inclusion in the All-Russian register of sports of sports disciplines, sports and modification of the All-Russian register of sports"). - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802140018?index=0&rangeSize=1> (accessed 29.08.2018) (InRuss).
3. Pravila vidov sporta. Vidy sporta, razvivaemye na obshcherossijskom urovne (Rules of sports. The sports developed at the all-Russian level). - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802140018?index=0&rangeSize=1> (accessed 29.08.2018) (InRuss).
4. Cambridge Dictionary. Cyber. - URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cyber> (accessed 29.08.2018) (InEngl).
5. FKS Rossii (About FKS of Russia). - URL: <https://resf.ru/about/resf/> (accessed 29.08.2018) (InRuss).
6. Prikaz Ministerstva sporta RF ot 02.09.2013 g. № 702 "Ob utverzhdenii Poryadka priznaniya vidov sporta, sportivnyh disciplin i vklyucheniya ih vo Vserossijskij reestr vidov sporta i poryadka ego vedeniya" (The order of the Ministry of Sport of the Russian Federation of September 2, 2013 No. 702 "About the statement of the Order of recognition of sports, sports disciplines and their inclusions in the All-Russian register of sports and order of its maintaining"). - URL: <http://base.garant.ru/70451560/> (accessed 27.08.2018) (InRuss).

7. Igra ehlektronnaya mikroprocessornaya «EHLEKTRONIKA» IM-02 «Nu, pogodi» (Video micro-processor game "ELECTRONICS" IM-02 "Nu, pogodi "). - URL: <https://rootger.blogspot.com/2010/11/02.html> (accessed 30.08.2018) (InRuss).
8. Tetris (Tetris). - URL: <https://www.i-igrushki.ru/otdykh-dosug/igrushkapedia/tetris.html> (accessed 29.08.2018) (InRuss).
9. Twin Galaxies. - URL: <https://www.i-igrushki.ru/otdykh-dosug/igrushkapedia/tetris.html> (accessed 29.08.2018) (InEngl).
10. Kratkaya istoriya kibersporta s 1970-h do nashih dnei (Short history of eSports from the 1970th up to now). - URL: <https://hightech.fm/2016/11/26/esports-history> (accessed 27.08.2018) (InRuss).
11. Komponenty igrovogo prostranstva (Components of game space). - URL: <https://cyberpedia.su/7x5fc.html> (accessed 01.09.2018) (InRuss).
12. Virtual'naya real'nost' (Virtual reality). - URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/278/ВИРТУАЛЬНАЯ (accessed 01.09.2018) (InRuss).
13. Oxford Dictionary. Computer. - URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/computer> (accessed 01.09.2018) (InEngl).
14. Oxford Dictionary. Random number generator. - URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/random_number_generator (accessed 01.09.2018) (InEngl).
15. Anglo-russkij slovar' tekhnicheskikh terminov. Digital device (English-Russian dictionary of technical terms. Digital device). - URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus_technic/43498/digital (accessed 16.08.2018) (InRuss).
16. Cathode-ray tube amusement device. - URL: <https://patents.google.com/patent/US2455992> (accessed 16.08.2018) (InEngl).
17. Principy fon Nejmana. Arhitektura fon Nejmana. (Printsipy von Neumann. Von Neumann architecture). - URL: <https://inf1.info/machineneumann> (accessed 28.08.2018) (InRuss).
18. John Markoff. A Long Time Ago, in a Lab Far Away... - URL: <https://patents.google.com/patent/US2455992> (accessed 08.08.2018) (InEngl).
19. Computer history. PDP-1. - URL: <http://www.computerhistory.org/pdp-1/the-machine/> (accessed 12.08.2018) (InEngl).
20. Uolter Ajzekson. Innovatory. Kak neskol'ko geniev, hakerov i gikov sovershili cifrovuyu revolyuciyu (Walter Ayzekson. Innovators. As several geniuses, hackers and geeks made a digital revolution). - URL: <http://itexts.net/avtor-uolter-ayzekson/148102-innovatory-kak-neskolko-geniev-hakerov-i-gikov-sovershili-cifrovuyu-revolyuciyu-uolter-ayzekson/read/page-18.html> (accessed 12.06.2018) (InRuss).
21. Cyberathlete Professional League. - URL: <https://www.esportsearnings.com/leagues/118-cyberathlete-professional-league> (accessed 02.09.2018) (InEngl).
22. Major League Gaming. - URL: <http://www.mlg.com> (accessed 01.09.2018) (InEngl).
23. KeSPA. - URL: <http://www.e-sports.or.kr/?ckattempt=1> (accessed 28.08.2018) (In Kor).
24. Kibersport priznali olimpijskoj disciplinoj vtorogo urovnya (The cybersport was recognized as the Olympic discipline of the second level). - URL: <https://www.sovsport.ru/others/cybersport/news/774734-kibersport-priznali-olimpijskoj-disciplinoj-vtorogo-urovnja> (accessed 12.08.2018) (InRuss).
25. Skol'ko stoit kibersport: glavnye trendy 2018 goda (How much for cybersport: principal trends of 2018). - URL: <https://www.sovsport.ru/others/cybersport/news/774734-kibersport-priznali-olimpijskoj-disciplinoj-vtorogo-urovnja> (accessed 01.09.2018) (InRuss).

Информация об авторе:

Тарасенко Василий Александрович, заместитель директора, Киберспортивная организация «OZ management»,
г. Москва, Россия
v.tarasenko@ozmanagement.ru

Получена: 15.10.2018

Information about the author:

Vasily A. Tarasenko, Deputy Director, eSports organization "OZ management",
Moscow, Russia
v.tarasenko@ozmanagement.ru

Received: 15.10.2018

УДК 93

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164

ХАРИНА Наталья Сергеевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Natalya S. KHARINA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННО-
БЫТОВОЙ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА
ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ**

**SOCIAL ASPECTS OF ECONOMIC AND
HOUSEHOLD LIFE OF SPECIAL EMPLOYERS IN
THE TERRITORY OF KHANTY-MANSIYSK
AUTONOMOUS OKRUG - YUGRA**

Данная проблема, в связи с изменением научно-го ракурса, достаточно активно рассматривается в исторической науке. В статье на основе анализа архивных документов дается анализ хозяйственно-бытового обустройства спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры. Выявлены основные проблемы, с которыми сталкивались спецпереселенцы данного региона. Реконструированы социально-бытовые условия проживания спецпереселенцев. Рассмотрены жилищные условия, медицинское обслуживание, условия питания и представлена повседневная жизнь. На основе исследуемых материалов показано отношение спецпереселенцев к новым условиям жизни и местной власти к данной категории населения. Многочисленные документы свидетельствуют о невыносимо тяжелой жизни спецпереселенцев. Следует отметить, что местные власти не всегда могли выполнить планы по хозяйственно-бытовому обустройству спецпереселенцев: в непривычных для них суровых климатических условиях, при отсутствии необходимых материалов им приходилось самим себе строить жилье. Спецпереселенцам не хватало продовольствия и одежды, повсеместно не соблюдались санитарные требования и др. Отмечается вклад спецпереселенцев в экономическое развитие региона. Особую роль сыграли спецпереселенцы в росте сельскохозяйственного производства: знание основ агротехники, навыки и опыт ведения хозяйства были быстро переняты местным населением.

This problem due to the change of perspective is actively considered in historical science. In the article, based on analysis of the archive documents is given the analysis of the household arrangement of the special settlers on the territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra. The main problems faced by special settlers in this region were identified. Social and living conditions of special settlers have been reconstructed. Housing conditions, medical care, food conditions were considered and daily life was presented. Based on the studied materials the attitude of special settlers to the new living conditions and the attitude of the local authorities to this category of population were shown. Numerous documents testify to unbearably hard life of the special settlers. It should be noted that the local authorities were not always able to fulfill the plans for the economic and household arrangement of special settlers: in unusual for them harsh climatic conditions, in the absence of the necessary materials, they had to build their own homes. Special settlers did not have enough food and clothing, sanitary requirements were not complied everywhere, etc. The contribution of special settlers to the economic development of the region is noted. A special role was played by special settlers in the growth of agricultural production: knowledge of the basics of agricultural technology, skills and experience of farming were quickly adopted by the local population.

Ключевые слова: спецпоселение, спецпереселенцы, повседневная жизнь, спецкомендатура, барак, стройучастки, спецссылка, леспромхоз, рыбозавод, промфинплан

Key words: special settlement, special settlers, daily life, special commandant's office, barrack, construction sites, special exile, forestry, fish factory, industrial financial plan

Для цитирования: Харина Н.С. Социальные аспекты хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5 -2 . с. 157-164.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164.

For citation: Kharina N.S. Social aspects of economic and household life of special employers in the territory of Khanty-Mansiysk autonomous okrug – Yugra. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 157-164.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-157-164.
(in Russ)

Благодарность. Статья публикуется в рамках гранта РФФИ «Роль принудительных миграций 30-50-х гг. XX века в социально-политическом и экономическом развитии Ханты-Мансийского автономного округа-Югры» (проект № 17-11-86005 - ОГН от 15.03.2017)

Acknowledgement. The article is published in the framework of RFFR grant "The Role of Forced Migration in the 30-50-ies of 20th Century in the Socio-Political and Economic Development of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra" (project № 17-11-86005 from 15.03.2017).

Появление категории «спецпереселенцы» явилось следствием внутренней политики СССР в 1930-1950-х гг. Изучение условий жизни и использования труда спецпереселенцев позволяет проследить их роль в создании промышленного потенциала СССР в отдаленных районах с суровыми климатическими условиями.

Целью данного исследования является анализ хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры: показать основные проблемы, жилищные условия, медицинское обслуживание и пр.

Источниковая база исследования достаточно разнообразна и представлена архивными документами, документами музейных фондов и др.

При использовании различных подходов и способов изучения темы данного исследования был сделан акцент на междисциплинарных методах исследования. Одним из главных методологических принципов исследования стал принцип объективности, предполагающий различие объективных свойств явлений и их субъективной оценки, анализ фактов с точки зрения их закономерностей, исключение личных пристрастий исследователя к выводам.

По мнению В.Г. Косачева, «массовые репрессии против крестьянства были запрограммированы» еще во время поездки И.В. Сталина в Сибирь: «именно здесь, на сибирской земле, на практике отрабатывались пути и методы грядущей коллективизации... отрабатывалась система чрезвычайных мер - глубокого административного нажима на крестьянство» [1, с. 105].

В январе 1930 г. начнет действовать комиссия во главе с секретарем ЦК В.М. Молотовым, которая должна разработать «методы и формы реализации политики раскулачивания». Итогом станет проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», а Московский обком ВКП(б) примет постановление о ликвидации кулачества, согласно которому «устанавливалась численность кулацких хозяйств первой (отправка в концлагерь) и второй категории, а также давалась разрядка по этим категориям по округам». Выселение кулацких семей второй категории планировалось производить в период с 15 февраля по 15 апреля 1930 г. Отнесенные к третьей категории, вместе с членами семей первой и второй категорий (при условии согласия райисполкомов), подлежали расселению небольшими поселками по 20-40 дворов. 1 февраля 1930 г. выходит постановление ЦИК (Центральный исполнительный комитет) и СНК (Совет народных комиссаров) «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» [2].

Процесс репрессий определялся инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. и секретным приказом ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. Решающую роль в проведении данного мероприятия сыграли органы ОГПУ СССР. Всех раскулаченных и депортированных органами ОГПУ в отдаленные регионы СССР называли до апреля 1933 г. «спецпереселенцами», с 1933 по 1944 гг. - «трудпоселенцами», с марта 1944 г. им вернули название «спецпереселенцы» [3, с. 151].

Термин «враг народа» в законодательном акте впервые будет использован только в августе 1932 г. в постановлении ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической) собственности» [4, с. 583-584].

До мая 1930 г. предполагалось выселить около 70 тыс. семей на Урал, в Сибирь и Казахстан, но Г.Г. Ягода в директиве полномочному представителю ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) Северного края сообщал о том, что «в связи с

изменением сроков операции на Вашу территорию намечено выселение сорока пяти тысяч кулацких семейств, регулярно на протяжении трех месяцев: февраль, март, апрель; количество, время прибытия эшелонов будет сообщено дополнительно. Подготовительную работу к приему, расселению продолжайте, исходя из указанной цифры» [5, с. 158].

В конце декабря 1930 г. И.В. Сталиным будет сказано: «Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов» [6, с. 146; 7, с. 170].

Почему так спешили с выселением? Ответ на этот вопрос прозвучал на одном из закрытых заседаний Уралоблисполкома: «...выселение производится при неременном условии, что выселенцы на новом месте уже в текущую сельхозкампанию будут иметь возможность приступить к засеву яровых культур...» [8, с. 91].

Таким образом, спецпереселенцев предполагалось использовать в качестве рабочей силы на лесозаготовках, рыбодобыче, на каменоломнях, торфоразработках, кирпичных заводах и т.д.

По данным ОГПУ на апрель 1932 г., на территории Ханты-Мансийского автономного округа находилось 6459 семей спецпереселенцев: 30 243 чел., которые распределялись по районам следующим образом: Кондинский - 3 241 чел.; Самаровский - 6 151 чел.; Сургутский - 8 812 чел.; Шурышкарский - 1 468 чел.; Берёзовский - 10 544 человека [8, с. 234].

Еще 1 апреля 1930 г. для организации спецпоселений была создана специальная секретная комиссия под председательством В.В. Шмидта. До июня 1931 г. расселением, трудоустройством спецпереселенцев и другими вопросами занимались областные исполкомы, с 1 июля эти функции будут переданы ОГПУ, которые имели следующую структуру [9, с. 55]:

- 1) поселковые комендатуры;
- 2) участковые и районные комендатуры;
- 3) отделы по спецпереселенцам ПП ОГПУ.

Для жилья были разработаны специальные бараки вместимостью 40 человек (стоимость барака по смете - 4 617 руб. 38 коп.). В Постановлении Коллегии Народного Комиссариата лесной промышленности СССР № 242 от 29.09.1933 г. указывается, что «...строительства тресты обязаны до 1 ноября 1933 г. закончить все новое строительство, провести ремонт всех старых помещений, вставить стекла, произвести ремонт печей, обеспечить при каждом бараке сушилки и отремонтировать старые, произвести дезинфекцию всех бараков, ввести внутреннюю обмазку бараков смесью глины с соломой с последующей побелкой, и подготовить дезинфекционные камеры для поддержания чистоты и опрятности в жилых помещениях» [ГБУТО ГАСПИТО. Ф.30. Оп.1. Д.965. Л.57-58].

Появляется новый тип населенных пунктов - спецпоселки, которые чаще всего строились самими спецпереселенцами. Создавались районные комендантские отделения, которые функционировали под контролем райисполкомов и соответствующих органов ОГПУ [9, с. 65].

Всех прибывших отправляли к коменданту, ставили на персональный учет, подвергали медицинскому освидетельствованию и разбивали на пять групп:

- группу «а» составляют способные к выполнению всяких физических работ;
- группу «б» - способные к выполнению только легких физических работ;
- группу «в» - неспособные к физическим работам, не могущие быть использованными на внутрипоселковых работах, легких кустарных промыслах и сезонных работах - сборах грибов, ягод и др.;
- группу «г» - вовсе неспособные к труду;
- группу «д» - дети в возрасте до 16 лет [10].

В.В. Мошкин отмечал, что все спецпереселенцы были связаны круговой порукой, для чего поселки разбивались на участки (десятки, пятерки), во главе назначался старший - участковый, который нес ответственность за правопорядок и соблюдение трудовой дисциплины спецпереселенцами. В помощь участковым выбирались участковые исполнители. С глав семей брали расписки-обязательства о групповой и индивидуальной поруче. Все взрослые спецпереселенцы подписывали индивидуальное обязательство, в котором давали слово не противодействовать проведению мероприятий советской власти, вести себя спокойно, не устраивать побегов, не подстрекать к этому других, не держать огнестрельного оружия, своевременно сообщать местным властям обо всех нарушениях [9, с. 65-66].

За нарушение установленного режима предусматривались следующие наказания: «предупреждение; перевод на более тяжелые работы; высылка в более отдаленную местность с худшими климатическими и жилищно-бытовыми условиями; заключение в штрафную команду и денежные штрафы» [9, с. 67].

По мнению Е.А. Кирьянова, местные власти широко практиковали насилие. Имеются сведения о том, что «издевательства над переселенцами по своей дерзости не находят границ. Женщин и девушек насиловали, у спецпереселенцев отбирали вещи, деньги, продукты... Комендант приказывал бросать в воду работающих на сплаве... Для спецпереселенцев заранее изготавливали гробы, они стояли на виду у всех...» [6, с. 148; 11, с. 18].

Хозяйственно-бытовые условия жизни спецпереселенцев были невыносимо тяжелыми. С.В. Горшков и Н.Н. Попов отмечали, что «за отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков... по этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмороживались, подвергались массовым заболеваниям» [8, с. 234-235].

Сохранилось решение бюро Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б), где утверждался план размещения завозимых переселенцев и предписывалось: «Обязать директоров рыбзаводов и председателей райисполкомов в каждом пункте подготовить временные помещения... произвести полную санитарную обработку переселенцев, организовать питание и транспорт для развоза переселенцев по пунктам поселений...» [8, с. 236].

На местах не справлялись с обеспечением спецпереселенцев всем необходимым, поэтому ОГПУ в августе 1931 г. разослало инструкцию «О порядке выдачи спецпереселенцам и погашения ими ссуд на лесохозяйственное освоение», которая предусматривала «выдачу спецпереселенцам средств на приобретение сельхозинвентаря, семян, рабочего и пользовательного скота» [8, с. 235].

Местные власти не смогли выполнить планы по строительству населенных пунктов для ссыльных: спецпереселенцы своими силами, в непривычных для них суровых климатических условиях, при отсутствии необходимых материалов и специалистов по строительству строили себе жилье. Первое время им приходилось ютиться в «примитивных землянках, по две-три семьи в одной комнате». По словам одного партийного руководителя, «рабочая сила вынуждена ходить в летний и зимний сезоны в рваных валенках, броднях и сапогах...» [8, с. 235].

Еще в 1931 г. в районах строительства спецпоселков отмечены следующие недостатки:

1. крайне низкая оплата труда спецпереселенцев по Сургутскому и Берёзовскому районам;
2. слабая организация рабочей силы, нераспорядительность администрации на местах;

3. отсутствие увязки в работе стройучастков с директорами комбинатов и промислов;
4. «не использованы все возможности к своевременной заброске стройматериалов на места постройки поселков, также слишком недостаточно проявлено инициативы к замене дефицитных стройматериалов материалами местными (кирпич, дверные, оконный приборы, глинобитные очаги и т.п.)».

По мнению Л.В. Алексеевой, «при организации районов расселения специально выбирались места, откуда в силу природных условий побег был бы весьма затруднительным... в поселках сосредотачивалось от 80 до 150 домов. Некоторые из спешно созданных поселков разбивались по стародедовскому типу деревень, вытянувшихся в одну линию до 1 км, другие возникали на месте юрт и были более компактны. Реже строились дома, чаще - бараки. Норма жилой площади в бараке составляла от 2,3 до 3,5 кв. м на человека. Однако на деле указанные нормы, особенно в первые год-два, почти не соблюдались. Невероятная теснота и, как следствие, эпидемии - характерная составляющая жизни обитателей барачных лет...» [12, с. 95-96].

О невыносимо тяжелой жизни спецпереселенцев в Самаровском (Ханты-Мансийском) районе свидетельствуют многочисленные документы, в том числе материалы от 4 октября 1932 г.: на заседании Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) был заслушан доклад «О результатах обследования бригадой ПП ОГПУ по Уралу о состоянии спецсылки» [8, с. 235].

Г.Г. Ягода отмечал, что «...особо тяжелым было положение спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности... на почве недоедания мы имеем значительное количество заболеваний и повышенную смертность...» [12, с. 153].

В архивных фондах содержатся документы, свидетельствующие об этом положении спецпереселенцев. Например, «Акт проведения общественного смотра жилищно-бытовых условий и трудоустройства спецпереселенцев при колхозе им. «Микояна» Самаровского района Тюлинского сельского совета» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.11. Л.105-об.105] и «Акт обследования жилищно-бытовых условий ссыльнопоселенцев, завезенных в 1942 году, работающих в Самаровском консервном комбинате» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.2. Л.79-об.79].

Из документов нам становится известно, что в одном из барачных поселков Курья (Самаровского консервного комбината) на одного человека приходилось 2,4 м², что вынуждало есть стоя или на кроватях, в бараках была полная антисанитария: клопы и тараканы. В бараке была абсолютная тьма и отсутствовали дрова, для приготовления пищи была единственная печь, обогревающая барак [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.2. Л.79].

Люди были вынуждены работать, стоя по несколько часов подряд в холодной воде, притом что повсеместно констатировалось «отсутствие теплой одежды и обуви» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.10. Л.об.101].

Врачи редко появлялись в бараках; чтобы получить помощь, спецпереселенцам необходимо было пройти несколько километров до медпункта, где часто отсутствовали самые необходимые медикаменты [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.18. Л.73; Д.23. Л.об.3].

Власти стремились как можно быстрее распределить всех детей спецпереселенцев дошкольного возраста в детские сады и ясли [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.10. Л.88], а детей школьного возраста в обязательном порядке ставили на учет и отправляли в школу [КУ «Государственный архив Югры». Ф.118. Оп.2. Д.11. Л.105]. Это было сделано в целях освобождения части переселенцев, в частности женщин, от ухода за ребенком для их полного трудового использования.

Есть сведения, что в Микояновском (Октябрьском) районе в год на одного человека выделялись: «картофель - 120 кг; овощи сухие (морковь, свекла) - 45 кг; овощи соленные - 90 кг» [ГБУТО ГАСПИТО. Ф.239. Оп.1. Д.57. Л.9].

Рабочим в столовых предлагался обед, состоявший из двух блюд: картофель (150 гр.) и корнеплоды (50 гр.) или картофель (250 гр.), корнеплоды (50 гр.) и капуста (120 гр.) [ГБУТО ГАСПИТО. Ф.239. Оп.1. Д.56. Л.7].

А.С. Иванов в своих исследованиях приводит пример проживания в спецпоселениях калмыков: «...калмыков расселили по баракам... Они использовались в качестве рабочей силы на рыбалке и при обработке рыбы. Часть калмыков отправили по колхозам, но не везде их могли обеспечить работой. В колхозе им. Доронина, где было 5 семей спецпереселенцев, люди не работали нигде, продуктами питания не снабжались, в результате чего 5 человек из 17 вспухли от голода. Такое же положение было в деревне Луговая... В деревне Рачево (колхоз «1-го Мая») 21 человек был расселен в 2-х квартирах, что создавало тяжелые жилищно-бытовые условия... Продуктами питания все калмыки снабжались через кооперацию по продовольственным карточкам...» [13, с. 69].

По мнению Н.И. Загороднюк, спецпереселенцы внесли значительный вклад в развитие почти всех отраслей промышленности и сельского хозяйства Северного края: принесли с собой опыт обработки земли, агрономические знания в условиях тайги и лесотундры и стали одними из тех, кто активно занимался сельскохозяйственными опытами [14, с. 241-243].

Тяжелые экономические условия, в которых оказались ссыльные, заставили их уже в 1931 г. заняться огородничеством. В 1933 г. в округе организуются молочно-овощные совхозы. Тогда же были созданы районные союзы рыболовецких потребительских обществ, которые организовывали оптовую и розничную торговлю, заготовку сельскохозяйственных продуктов, создавали систему общественного питания, курировали строительство и транспортные перевозки. Наблюдается рост кустарных производств, делавших предметы общехозяйственного назначения (лодки, бочки, телеги, смолу, деготь, клепки и прочее) [14].

Так, в архиве Ханты-Мансийского автономного округа - Югры обнаружены документы, характеризующие начало истории Белогорского лесозавода: первоначально преобладал ручной труд, но укладка леса в штабеля, погрузка барж требовали много физических сил. В 1936-1938 гг. сюда были привезены станки: «лесорама, двойной обрезной станок имени Чичерина, строительный четырехступенчатый станок "Пролетарская свобода", маятниковые пилы им. Кагановича, ленточная пила "Кировский металлист", торцовый горизонтальный станок Тюменского завода, фуговальный станок им. Кагановича, локомотив ЛМУП» [КУ «Государственный архив Югры». Ф.222. Оп.1. Д. 1, 4, 9, 19.].

Аналогичное положение спецпереселенцев было на всей территории округа. Отношение властей к ним за четверть века почти не изменилось, хотя их положение стало меняться к лучшему. С 1934 г. началось восстановление спецпереселенцев в гражданских правах, первоначально только «ударников производства». В 1935 г. для спецпереселенцев была установлена семидневная рабочая неделя, а в 1947 г. была упразднена карточная система. С 1954 г. были сняты «некоторые ограничения в правовом отношении спецпереселенцев» [15].

Таким образом, массовое переселение десятков тысяч людей привело к изменению демографической ситуации и социальной структуры общества. Трудом спецпереселенцев была создана основа для дальнейшего хозяйственного освоения региона: были построены более двух десятков новых населенных пунктов, получила развитие социальная база, сложилась система промышленного освоения природных ресурсов (рыбзаводы, ЛПХ, колхозы и совхозы). Так было положено начало комплексному освоению региона.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры в исследуемый период была создана централизованная система управления спецпереселенцами, которая осуществлялась сверху вниз: областная комендатура - районная комендатура - комендант поселка - участковый. Условия хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев были крайне тяжелыми: многие жили в землянках, непригодных к зимним условиям бараках, складах, помещениях для скота, сельских клубах и т.д. На здоровье спецпересе-

ленцев сказывался суровый климат, плохое медико-санитарное обслуживание, тяжелый физический труд и скудное питание. Нередко проявлялось враждебное отношение к ним значительной части руководителей всех уровней, воспринимавших спецпереселенцев как «чужих», «изгоев» или «врагов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь / В.Г. Косачев // Вопросы истории. - 1998. - №5.
2. «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» <http://www.defree.ru/publications/p01/p40.htm> (Дата обращения: 20.03.2015).
3. Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в северный край. 1930-1933 годы / В.Я. Шашков // Отечественная история. - 1996. - № 1.
4. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. - М., 1932. - № 62.
5. Козлов С.С., Шашков В.Я. Спецпереселенцы на защите Отечества / С.С. Козлов, В.Я. Шашков // Вопросы истории. - 2005. - № 5.
6. Кирьянова Е.А. Раскулачивание крестьянства Центра России в начале 1930-х годов / Е.А. Кирьянова // Вопросы истории. - 2006. - № 5.
7. Сталин И.В. Сочинения. - М., 1949. - Т. 12.
8. Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка на Обь-Иртышском Севере: 1920-1960-е гг. / С.В. Горшков, Н.Н. Попов // Русские старожилы. Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири»: 11-13 декабря 2000 г. - Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000.
9. Мошкин В.В. Ссылка крестьян на Север в 1930-1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа) / В.В. Мошкин. - Нижневартовск: НГГУ, 2009.
10. Мартюшева Ф.И. Жертвы и палачи. - Екатеринбург, 1997.
11. Патранова В.В. Они, несомненно, умрут // Новости Югры. - 2006. 25-31 мая (№ 56).
12. Алексеева Л.В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие: декабрь 1930 г. - июнь 1941 г.: Монография. - Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
13. Иванов А.С. Повседневная жизнь спец(ссылно)поселенцев в 1942-1943 гг. на Югорской земле (по материалам актов «Общественных смотров») / А. С. Иванов // Актуальные вопросы истории Западной Сибири: Сб. науч. ст. - Сургут: СурГУ, 2008.
14. Загороднюк Н.И. Спецпереселенцы: социэтнический аспект [Тобольский округ Уральской области. 30-е гг. XX в.] / Н.И. Загороднюк // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири»: Тобольск, 11-13 дек. 2000 г. - Тобольск, 2000.
15. Исчезнувшие, но не забытые (исчезнувшие поселения в окрестностях Нягани): Краеведческий сборник / сост. Н.А. Крюкова; отв. за вып. М.А. Ларина. - Екатеринбург: Аверс-пресс, 2013.

REFERENCES

1. Kosachev V. G. Before the collectivisation. Stalin's trip to Siberia. V. G. Kosachev Questions of history. 1998. № 5.
2. Available at: <http://www.defree.ru/publications/p01/p40.htm> (date of appeal 20.03.2015 г.).
3. Shashkov V. Y. To the question of eviction of the dispossessed families in the Northern territory. 1930-1933/ V. J. Shashkov. National history. 1996. № 1.
4. Collection of laws and orders of the workers 'and peasants' government of the USSR. M., 1932. № 62.
5. Kozlov S. S., Shashkov, V. Y. Settlers on the defense of the Fatherland. S. S. Kozlov, V. Y. Shashkov. Questions of history. 2005. № 5.
6. Kiryanova, E. A., The dispossession of the peasantry of Central Russia in the early 1930-ies. E. A. Kiryanova. Questions of history. 2006. № 5.
7. Stalin I. V. Essays. M., 1949. Vol. 12.
8. Gorshkov S. V., Popov N. N. Soviet deportations to the Ob-Irtysh North: 1920s-1960s / S. V. Gorshkov, N. N. Popov. Russian old-timers. Materials of the III Siberian Symposium on the Cultural heritage of peoples of Western Siberia: 11-13 December 2000 Tobolsk - Omsk: OmGPU, 2000.

9. Moshkin V. V. Deportations of peasants to the North in 1930-1933 (on materials of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). V. Moshkin. Nizhnevartovsk: NGGU, 2009.
10. Martyusheva F.I. Victims and the executioners. Ekaterinburg, 1997.
11. /Patrakova V. They will, surely, die. News of Ugra. 2006. May 25-31 (№ 56).
12. Alekseeva L. V. Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the first decade: December 1930 - June 1941: monograph. Khanty-Mansiysk: Polygraphist, 2008.
13. Ivanov A. S. Daily life of specially deported settlers in 1942-1943 on Ugra land (according to the acts of "Public events"). Ivanov, A. Actual problems of the history of Western Siberia : collection of scientific works. Surgut: SurGU, 2008.
14. Zagorodnyuk N. I. Special settlers: socio-ethnic aspect [Tobolsk district of the Ural region. 30-ies of XX century]. N. I. Zagorodnyuk . Russian old-timers: Materials of the third Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of the Western Siberia" (Tobolsk, Dec 11-13. 2000). Tobolsk, 2000.
15. Disappeared, but not forgotten (disappeared settlements in the suburbs of Nyagan): Local history collection. composed by N.A. Kryukova; responsible for the work M. A. Larin. Ekaterinburg: Avers-Press, 2013.

Информация об авторе:

Харина Наталья Сергеевна кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и права, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Получена: 03.10.2018

Information about the author:

Natalya S. Kharina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Law, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

Received: 03.10.2018

УДК316.6; 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-165-172

ЧЕЛАК Елена Анатольевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
savelana@rambler.ru

Elena A. CHELAK
Humanitarian Institute, Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
savelana@rambler.ru

ПОЛЯРУШ Дарья Николаевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
da_polyarush@gmail.ru

Darya N. POLYARUSH
Humanitarian Institute, Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
da_polyarush@gmail.ru

**К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ
ЭКЗАМЕНА НА ПОЛУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО
ЗНАЧИМОГО СТАТУСА
«НОСИТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»**

**TO THE ISSUE OF METHODS ON HOLDING THE
EXAMINATION FOR OBTAINING SOCIALLY
IMPORTANT STATUS OF
«RUSSIAN NATIVE SPEAKER»**

В статье рассматривается методология проведения собеседования с мигрантами - претендентами на звание носителей русского языка в условиях современной нормативной базы, регламентирующей проведение данной процедуры. Обосновывается необходимость введения упрощенного образовательного испытания в целях моделирования социально-демографических тенденций миграционной политики Российской Федерации. Социальная дифференциация миграционных потоков продиктована необходимостью создать в многонациональном обществе условия адаптационного и интеграционного характера для мигрантов, прибывших из регионов постсоветского пространства, в котором русский язык традиционно считается одним из основных консолидирующих факторов. В вопросе гармонизации межнациональных отношений степени овладения русским языковым сознанием отводится роль связующего звена между принимающим социумом и лицом, изъявившим желание получить гражданство Российской Федерации. Поэтому в настоящее время на законодательном уровне предусмотрена процедура, упрощающая лицам с достаточным уровнем сформированности языковой компетенции и культурной грамотности, процесс признания их носителями русского языка со всеми возможными предпочтениями. Также в статье предпринимается попытка определить возможные методологические подходы к проведению процедуры собеседования с комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка.

The article discusses a methodology on holding interview for obtaining "Russian native speaker" status with candidates among migrants within current regulatory framework responsible for the procedure. It is approved the necessity to make the examination simpler with a view to simulate social and demographic policy of the Russian Federation. The social segregation of migrant streams is forced by urgency to create conditions in multinational society for adaptation and integration of migrants, who have arrived from post-Soviet countries where Russian language is traditionally considered to be one of the main consolidation factors. In the issue of international relation harmonization, the level of Russian language speaking and thinking acquisition is a link between host society and those who have manifested the desire to get Russian citizenship. Therefore, today Russian legislation provides simplified procedure for those who possess adequate linguistic competency and cultural literacy and to this view acknowledge them as Russian native speakers with all advantages arising. An attempt is being made to identify possible methodological approaches to conducting an interview procedure with a committee on acknowledging a foreign citizen or a stateless person as a native Russian speaker.

Ключевые слова: носитель русского языка, собеседование, экзамен для мигрантов, социально-демографический процесс

Key words: native Russian speaker, interview, examination for migrants, social and demographic process

Для цитирования: Челак Е.А., Поляруш Д.Н. К вопросу о методике проведения экзамена на получение социально значимого статуса «носитель русского языка». *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 5-2. с. 165-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-165-172.

For citation: Chelak E.A., Polyarush D.N. To the issue of methods on holding the examination for obtaining socially important status of "Russian native speaker". *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. No. 5-2. Pp. 165-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/2-165-172.
(in Russ)

В последнее десятилетие Российская Федерация по количеству мигрантов занимает одно из первых в мире [1]. В зависимости от цели прибытия, сроков, политических, социальных, профессиональных характеристик мигрантов к ним применяется дифференцированный подход в отношении возможных способов получения гражданства Российской Федерации. На данном этапе на законодательном уровне утверждены несколько видов культурно-образовательных испытаний мигрантов, среди которых собеседование для признания иностранного гражданина носителем русского языка занимает особое место.

В соответствии с приказом ФМС [2] форматом определения статуса «носитель русского языка» является собеседование. В ходе собеседования в сжатые сроки иностранный гражданин или лицо без гражданства должен подтвердить высокий уровень владения языком, который подтверждается сформированностью коммуникативной компетенции. Особое внимание заслуживает тот факт, что комиссия возглавляется специалистом без профильного филологического образования, следовательно, не имеющего четких представлений о критериях оценки коммуникативной компетентности и ее дефинициях в современном научном дискурсе. Так, наличие у субъекта уровня адекватного выбора и адекватного синтеза языкового материала может осуществляться членами комиссии фактически интуитивно, исходя из собственной языковой компетенции. В настоящее время не существует методических рекомендаций, позволяющих в какой-то мере унифицировать подходы на подтверждение данного статуса с содержательной точки зрения. Более того, комиссии разных регионов рассматривают собеседование как форму, допускающую некоторую свободу в выборе его реализации.

Задачами данной статьи становится анализ формальной и концептуальной частей экзамена для мигрантов, а также попытка наметить стратегии будущих разработок методических рекомендаций для проведения собеседования по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка.

Материалом данной статьи послужили более двух тысяч интернет-комментариев, написанных пользователями в обсуждениях группы «Гражданство РФ "носители русского языка"» в социальной сети «ВКонтакте» [3].

Анализ интернет-отзывов подтверждает разрозненность в методиках проведения собеседования. Так, во Владимире комиссия придерживается формата непосредственно собеседования (здесь и далее в примерах орфография и пунктуация автора сохранены. - прим. авт.):

Ольга Лунгу 8 ноя 2018 в 22:21

Здравствуйте, я сегодня прошла собеседование в г. Владимир. Записывалась 5 июня, позвонили 2 ноября и сказали 6 принести заявление, нотариально заверенный перевод паспорта, копию ВНЖ, 1 фото цветное 3*4. На 8 ноября назначили собеседование. Спросили кем работаю, какие планы на будущее, как я понимаю фразы: филькина грамота, втирать очки. Многим давали текст прочитать и ответить на вопросы по тексту, кого-то спрашивали про писателей русских.

В Санкт-Петербурге экзамен состоит из письменных заданий в тестовой форме и непосредственно собеседования:

Станислав Станиславский 26 авг 2018 в 3:25

Сдал экзамен в Санкт-Петербурге буквально 2 недели назад. Сначала выдали всем варианты. В вариантах было 4 вопроса. Первый был такого плана: укажите правильный вариант, подразумевающий отказ на вопрос "Можешь дать мне книгу?". И варианты "Да, да, только сам дочитаю", "Конечно, держи", "Сам ишу у кого бы взять" и т.п. Второй вопрос был вставить пропущенные буквы в слова. Третий вопрос был загадкой "С этим можно войти, но нельзя выйти, это сложно получить и легко потерять, с этим можно умереть, но нельзя родиться" - честь. И четвертый вопрос "Вставить пропущенные буквы и указать, про какой собор идет речь в стихотворении". Но у каждого варианта свои задания. Потом комиссия вызывает всех по одному, спрашивает автобиографию, могут задать вопрос про какого-то великого поэта или деятеля культуры. У меня спрашивали про Гоголя и Петра 1. Еще спрашивали, какие достопримечательности знаю в Питере. Потом открываешь вариант, который скажут (там папка на столе с вариантами перед вами будет)

и устно рассказываете. У меня было задание сопоставить глаголы с существительными, типа "Играть, ломать, колотить - роль, комедию, грушу" Играть роль, ломать комедию, колотить грушу. Потом продолжить пословицы, типа "Яблоко от яблони - ..., За двумя зайцами - ..." и объяснить какую-то из пословиц. Но все несложно, атмосфера дружная, проходит собеседование лайтово. У нас сдавало 36 человек, я заходил где-то 25 и до меня сдали все. Удачи и не переживайте :)

В Ханты-Мансийске претендент на присвоение статуса «носитель русского языка» сначала пишет сочинение на бытовую тему, а затем отправляется на собеседование с комиссией:

Юлия Созанская 25 мая 2018 в 20:26

Сегодня 25.05.2018 проходили комиссию в Ханты-Мансийске. Вначале у всех собрали документы, проверили. Следом попросили написать сочинение на тему «Моя семья». На это задание дали ровно 5 минут. Далее отправили за дверь и стали по одному вызывать. Рекомендую подготовиться, так как не все знают ответы на подобные вопросы:

1. Русские писатели и поэты (кто из них были лауреатами Нобелевской премии).
2. Что такое конституция, когда принята, ее концепция.
3. Что изображено на гербе, как расположены цвета триколора по порядку, кто написал гимн.
4. Русские ученые.
5. Первая и вторая мировые, русские правители (князья, цари, генсеки - тут кому что попадется.
6. Закончить пословицу и объяснить значение (какие вы знаете пословицы, например, про деньги, друзей и т.п.).
7. Губернатор и мэр города.
8. Последняя прочитанная книга.

Соответственно, эти вопросы задавали не все, просто собрала отзывы проходящих. Ответ присылают по почте, сразу даже не намекают, прошел или нет. Никто специально не валил, человеческое отношение.

В Москве экзамен состоит из нескольких этапов: 1) показ документального фильма на русском языке; 2) письменные задания различного типа; 3) непосредственно собеседование:

Светлана Багдасарова 15 мар 2016 в 21:21

Добрый вечер! Не переживайте, все не очень сложно. Говорят темы фильмов постоянно разные, о купеческой Москве, о творчестве Серова, и т.д., но ничего сложного... Сначала фильм, потом уже на листках: вопросы по фильму, синонимы к предложенным словам, пословицы о зиме, весне, погоде природе (у всех по разному, хоть одну написать) и фразеологические обороты речи в предложенном тексте, пояснить... Ну как то так. Все эксперты настроены доброжелательно, не переживайте, если Вы действительно настоящий НРЯ, то Вам вообще не о чем переживать... Все получится, просто внимательно смотрите фильм и слушайте информацию звучащую в нем. Не разговаривайте ни с кем, просто внимательно смотрите и запоминайте о чем говорится в фильме. После окончания фильма Вам раздадут листочки, ответите на все вопросы и уже у экспертов мини рассказ о себе любимом, ну типа: Где, когда и в какой семье родился, учился, работал, служил.. И так от себя, все, что считаете нужным... так минут на 5-7 рассказик:))

В Приложении № 2 к [2] имеются четыре актуальных для настоящего исследования правила проведения комиссией собеседования по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка. Рассмотрим их. В ходе собеседования определяется способность иностранного гражданина:

1. *Понимать и уметь интерпретировать неадаптированные **тексты** на любую тематику, включая абстрактно-философские, профессиональной ориентации, публицистические и художественные, а также **тексты**, обладающие подтекстовыми и концептуальными смыслами.*

Обратимся к определению понятия «текст».

ТЕКСТ (от лат. *textum* - связь, соединение). Результат говорения или письма, продукт речевой деятельности; основная единица коммуникации, которой человек пользуется в процессе речевого общения. Т., как правило, обладает единством темы и замысла, относительной законченностью, связностью, внутренней структурой - синтаксической (на уровне сложного синтаксического целого и предложения), композиционной и логической. Т. всегда характеризуется отнесенностью к тому или иному стилю - разговорному, публицистическому, научному и др. По объему Т., как правило, больше предложения... [4].

Делаем вывод: экзаменуемому для интерпретации могут быть представлены как письменные, так и устные тексты (аудио-, видеозаписи), характеризующиеся относительной законченностью и отнесенностью к тому или иному стилю. Связный текст должен обладать подтекстовыми и концептуальными смыслами, следовательно, тематика должна выходить за бытовую сферу и апеллировать к уже имеющимся у мигранта знаниям в области культуры, науки и истории, то есть давать возможность продемонстрировать не только языковую компетенцию, но и так называемую культурную грамотность. Само понятие было введено Э.Д. Хиршем, американским культурологом, и вмещает в себя «систему знаний из разных областей культуры, науки, искусства, которая необходима человеку для того, чтобы адекватно воспринимать поступающую информацию, адекватно на нее реагировать и ориентироваться в окружающем мире» [5]. Тенденция к упрощению порядка получения гражданства в данном случае не должна восприниматься как возможность получения статуса носителя русского языка путем освоения бытовой лексики и элементарных синтаксических конструкций. Минимальный объем лексики пассива у инофона должен составлять не менее 20 000 единиц, а актив словарного запаса - до 8000 единиц [6].

Ханты-Мансийск

Анастасия Сергеева 8 дек 2017 в 12:59

Хочу поделиться опытом прохождения комиссии в ХМАО Югре город Ханты Мансийск. Порядок проведения комиссии. Проверили документы, взяли ксерокопии и те что им необходимы оригиналы вернули, сказали написать сочинение на тему "Ханты Мансийск Новогодняя столица России". После этого всех выгнали в общий зал и запускали по одному человеку на комиссию которая состояла из двух преподавателей по истории и по русскому языку и литературе, а так же сотрудников ФМС. Задание было выбрать текст из предложенных на столе, может быть абсолютно что угодно по тематике, литературное произведение, стихотворение, математическая задача, кулинарный рецепт басня и т.д. После прочтения текста в слух нужно сказать что ты прочитал и кто автор произведения если это отрывок прозы или стиха. Далее были вопросы по истории, могут спросить что угодно, начиная от древней руси, заканчивая нынешним временем, меня спросили про Ивана Грозного годы его рождения и с чем он у меня ассоциируется, кого то спрашивали про то какие ТВ передачи он смотрит и как к ним относится и т.д. вопросы были на любую тематику. Так же по литературе меня спросили о том какие военные произведения я знаю и их авторы, а так же какую литературу вы читаете, какую последнюю книгу прочитали и кто Ваш любимый герой и почему. Кого то спрашивали годы жизни поэтов, кого то биографию писателей и что знают о них. Заседание проходило около 10-15 минут на человека. Далее отпускают. Теперь жду решения о признании или не признании в течении 5 дней должны отправить по почте кто не из города и тем кто из города можно забрать лично через 5 дней. Спасибо за внимание, надеюсь на лучшее и верю в чудо! Успехов Вам НРЯнчане

Тверь

Светлана Иванова 7 фев 2018 в 16:30

Добрый день! Сегодня проходили комиссию в Твери. Может кому понадобится. Нас было около 30 человек. Все прошли! По 7 человек запускали в комнату и выдавали по тексту (каждому разный). Нужно было прочитать, понять. Мне достался о Крыме. Предложений по 40. Все пронумерованы. В конце нужно ответить на вопросы по тексту. Типа: главная идея текста. Несколько вопросов по тексту. На каждый вопрос найди номер предложения ответа в тексте. У меня был вопрос который не соответствует тексту, я ука-

зала. Оказалось это специально, проверка на понимание соответствия. У мужа был текст по русским писателям. Несколько вопросов еще о понимании значения слов: типа моросит, привлекательный, бархатный сезон и т.д. Дополнительно спрашивали что-то из биографии, Члены комиссии очень внимательны и вежливы.

2. Максимально полно понимать содержание, в частности, радио- и телепередач, кинофильмов, телеспектаклей, пьес, записей публичных выступлений, свободно воспринимая социально-культурные и эмоциональные особенности речи говорящих, интерпретируя фразеологизмы, известные высказывания и скрытые смыслы.

Данный пункт предполагает интерпретирование экзаменуемым устных текстов (аудио-, видеозаписей). Процедура экзамена должна включать в себя интерпретацию аудио- и видеоматериала, содержащего информацию, которая при наложении на ментальные схемы обеспечивает наиболее полную референцию. Выполнение такого рода заданий продемонстрирует погруженность в культуру и выявит особенности лингвокультурного портрета лица, претендующего на статус носителя русского языка [7].

Делаем вывод: испытуемому для интерпретации должны быть представлены аудио- или видеозаписи говорящих.

Москва

Андрей Булавин 2 мар 2017 в 13:34

Хотел поделиться своим опытом по прохождению собеседования на Б. Орбынке.

Собеседование проходило в актовом зале, присутствовало человек 70-80. Всех рассадил через одного и выдали задание - 2 листа А4. На одном листе были вопросы к первому заданию, на втором листе второе задание с вопросами. Задания были следующие:

1 - Просмотр док. фильма, минут 15 и ответы на вопросы.

2 - Необходимо было прочитать текст и ответить на вопросы после текста. На все отводился один час. Можно было делать записи на черновик во время просмотра фильма. Пользоваться телефонами и интернетом запрещалось.

В качестве первого задания показали первые 15 минут фильма «Россия. Гений места. Алтай»:

Необходимо было ответить на вопросы типа:

- Почему поезд называли «Калина Красная»?
- На каких муз. инструментах играли в ансамбле?
- Как назывался поселок, в котором родился Шукшин и почему его так называли.

В качестве второго задания выступало предисловие к циклу рассказов Л.С. Соболева «Морская душа»

Необходимо было ответить на ряд вопросов, типа:

- Подобрать синонимы к словам или описать их значение: гимнастерка, тельняшка, трус и т.п.

- Почему моряков называли «черной тучей»?

3. Уметь достигать поставленных целей коммуникации в ситуациях подготовленного и неподготовленного монологического и диалогического общения, в том числе публичного, демонстрируя различные тактики речевого поведения.

Из этого пункта явно следует, что коммуникация в рамках собеседования должна предполагать как диалог, так и монолог. Однако анализ практики проведения экзамена в разных регионах страны наглядно демонстрирует тенденцию к использованию только одного из видов общения, что не обеспечивает полной валидности заданий на экзамене. Необходимо также обратить внимание на «подготовленность» общения, то есть экзаменуемый может выступить с заранее подготовленным монологом. Только комбинированный подход, включающий в себя все формы подготовленного и неподготовленного общения, может помочь в столь краткие сроки оценить коммуникативную компетентность иностранного лица или лица без гражданства, претендующего на статус носителя русского языка. В условиях межкультурной коммуникации претендующий на получение статуса носителя русского языка иностранный гражданин должен продемонстрировать знание поведенческих стандартов коммуникативного общества в России, по-

нимание социального статуса коммуникантов, умение к нему приспосабливаться, использовать невербальные средства, характерные для русской культуры, адекватно выразить свою мысль и понять мысль собеседника и корректировать свою коммуникативную стратегию в зависимости от изменения коммуникативной ситуации.

Делаем вывод: экзаменуемому должно быть предоставлено слово (подготовленный устный или письменный монолог), а также предоставлены условия диалогического общения.

Тюмень

Валерий Процкий 2 июня 2017 в 18:35

Тюмень. Сегодня был наконец-то на собеседовании по нря, ждал чуть больше двух месяцев. Первое мнение к этому реально нельзя подготовиться. У меня спросили русских химиков (по образованию), так как был с ребенком - детских композиторов, детских писателей и их произведения, поговорки про труд и их значение. нужно было разыграть сценку с членом комиссии, но это самое легкое. У других спрашивали и про "Анну Каренину" и про части слова, и про современных политиков, лидеров партий, вплоть до министра образования и здравоохранения. спрашивают все что взбредет в голову. Решение только через неделю, не знаю чего ждать, но настраиваюсь на позитив

4. Уметь продемонстрировать полное знание языковой системы и свободное владение средствами выразительности языка во всем многообразии лексико-грамматических, стилистических, синонимических и структурных отношений.

Это наименее конкретный пункт из требований, тем не менее наиболее важный для понимания требований, предъявляемых на собеседовании лицам, претендующим на получение статуса носителя русского языка [6]. Он предполагает не только проявление знаний, умений и навыков, необходимых для социального взаимодействия на русском языке, но и речевую компетентность, навыки правописания и культуры речи, то есть владение нормой на всех уровнях. Все многообразие и выразительные возможности языковой системы продемонстрировать в сжатые сроки собеседования едва ли представляется возможным.

Ростов-на-Дону

Ирина Чернова 6 июня 2017 в 20:00

Вот и я, наконец, стала носителем русского языка! Собеседование проходило сегодня 06.06.2017г в Ростове-на-Дону. Нас было примерно 12 человек. Разбили на две группы. Я была в первой группе. Девушка проводила нас на 4 этаж. Там у них находится зал заседаний. Впускали по одному. Я была в списке первая. В зале сидели два инспектора (в форме) и две приятные женщины (видимо представители русского языка и культуры речи). Я зашла, представилась, рассказала немного о себе (очень коротко). Потом одна женщина дала мне текст. Его нужно было прочитать грамотно. Там было много слов, которые каждый день не используешь в своей речи. Я почти все прочитала правильно, в некоторых словах неправильно поставила ударение, меня исправили. Попросили найти в тексте заимствованные слова. У меня это были «ландшафт» и «дизайн». Также нужно было объяснить их смысл и сказать, что это синонимы. Вторая женщина дала мне текст, который нужно было письменно проанализировать. Написать несколько предложений о том, согласен ли ты с автором и аргументировать свой ответ. Как я поняла, суть ответа их не очень интересовала. Можно было, наверно, все, что угодно написать. Они смотрели на грамматику. У меня нашли одну ошибку, я поставила, позапарке лишний мягкий знак. В общем я прошла испытания.

Что касается остальных. Спросили, что такое пошлость и хамство, в чем разница. Задавали много других вопросов по тексту. Задания у всех были разные. У одной спросили, что такое подлежащее. Спрашивали, какой сегодня праздник (6 июня-день русского языка и день рождения А.С.Пушкина). Когда родился Пушкин, какие произведения писал, кем он был. Какие его произведения читали. Надеюсь мой рассказ кому-нибудь пригодится :) Всем удачи и спасибо, что консультировали меня.

Итак, собеседование на присвоение статуса «носитель русского языка», согласно правилам, предполагает следующие виды испытаний:

- интерпретация устного или письменного текста;
- интерпретация аудио-, видеозаписи;
- подготовленный устный или письменный монолог;
- диалогическое общение.

Резюмируя, можно сказать, что на данном этапе назрела необходимость создания унифицированной методики функционирования современной формы проведения собеседования с претендентами на статус носителя русского языка. Для того чтобы устранить возможность получения статуса носителя русского языка в изъязвительном порядке и придать нормативную завершенность деятельности комиссии по признанию мигранта носителем этого статуса, целесообразно разработать единую концепцию проведения собеседования, которая определит логику взаимодействия всех участников собеседования, а также методологию оценки лингвокультурологической компетенции мигрантов в ходе данной процедуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пресс-релиз ООН. 11 сентября 2013 г. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (дата обращения: 11.10.2018).
2. Приказ Федеральной миграционной службы от 26 мая 2014 г. № 379 "Об утверждении Требований к специалистам, входящим в состав комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка, Правил проведения собеседования комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка с иностранным гражданином или лицом без гражданства, Требований к форме заявления о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка и Требований к форме решения комиссии о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70579126/#ixzz5WZDKKER2> (дата обращения: 11.10.2018).
3. Гражданство РФ "носители русского языка" [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/nositeli_russkogo_yazyika (дата обращения: 11.10.2018).
4. Азимов А.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Печатное издание. - М.: ИКАР, 2009.
5. Маркасова О.А. Понятие «грамотность» в наивном языковом сознании: поиск критериев и средств достижения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. - 2015. - № 2 (24). - С. 172-180.
6. Должикова А.В., Киселева Е.В. Правовое регулирование лингвадидактического тестирования и интеграционного экзамена для иностранных граждан в РФ // Вестник КРСУ. Юриспруденция. - 2015. - № 2. - С. 102-105.
7. Должикова А.В., Поморцева Н.В., Куриленко В.Б., Иванова А.С., Куликова Е.Ю. Лингвокультурная компетентность как объект контроля в лингвадидактическом тесте-собеседовании по русскому языку как иностранному // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. - 2015. - № 4. - С. 19-24.
8. Должикова А.В. Особенности правового регулирования проведения лингводидактического тестирования и интеграционного экзамена для иностранных граждан в РФ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2014. - № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. - С. 75-81.

REFERENCES

1. Press-reliz OON. 11 sentyabrya 2013 g. Available at:URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (data obrashcheniya: 11.10.2018).
2. Prikaz Federal'noj migracionnoj sluzhby ot 26 maya 2014 g. № 379 "Ob utverzhdenii Trebovanij k specialistam, vshodjashchim v sostav komissii po priznaniyu inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka, Pravil provedeniya sobesedovaniya komissiej po

- priznaniyu inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka s inostrannym grazhdaninom ili licom bez grazhdanstva, Trebovanij k forme zayavleniya o priznanii inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka i Trebovanij k forme resheniya komissii o priznanii inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka o priznanii inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva nositelem russkogo yazyka". Available at: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70579126/> (accessed: 11.10.2018).
3. Grazhdanstvo RF "nositeli russkogo yazyka. Available at:URL: https://vk.com/nositeli_russkogo_yazyika (data obrashcheniya: 11.10.2018).
 4. Azimov A.G., Schukin A.N. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Pечатnoe izdanie. M.: IKAR = Printed edition. M.: IKAR, 2009. (In-Russ).
 5. Markasova O.A. Ponyatie «gramotnost'» v naivnom yazykovom soznanii: poisk kriteriev i sredstv dostizheniya. [The concept of "literacy" in the naive linguistic consciousness: the search for criteria and means of achievement]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedago-gicheskogo universiteta = Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University. 2015. № 2 (24). S. 172-180. (InRuss).
 6. Dolzhikova A.V., Kiseleva E.V. Pravovoe regulirovanie lingvadiakticheskogo testirovaniya i integracionnogo ehkzamina dlya inostrannykh grazhdan v RF [Legal regulation of linguadidactic testing and integration exam for foreign citizens in the Russian Federation]. Vestnik KRSU. Yurisprudence. = Bulletin of Kyrgyz-Russian Slavonic University. Jurisprudence. 2015. № 2. S. 102-105. (InRuss).
 7. Dolzhikova A.V., Pomorceva N.V., Kurilenko V.B., Ivanova A.S., Kulikova E.YU. Lingvokul'turnaya kompetentnost' kak ob'ekt kontrolya v lingvadiakticheskom teste-sobesedovanii po russkomu yazyku kak inostrannomu [Linguocultural competence as an object of control in a linguadidactic test-interview in Russian as a foreign language]. Vestnik RUDN, seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. = RUDN Bulletin, a series of Educational Issues: languages and specialty. 2015. № 4. S. 19-24. (InRuss).
 8. Dolzhikova A.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya provedeniya lingvodi-dakticheskogo testirovaniya i integracionnogo ehkzamina dlya inostrannykh grazhdan v RF [Features of the legal regulation of holding linguodidactic testing and integration exam for foreign citizens in the Russian Federation]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. № 11 (49): v 2-h ch. CH. I. S. 75-81. (InRuss).

Информация об авторах:

Челак Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия
savelana@rambler.ru

Поляруш Дарья Николаевна, преподаватель, Гуманитарный институт, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия
da_polyarush@gmail.ru

Получена: 11.10.2018

Information about the authors:

Elena A. Chelak, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Humanitarian Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
savelana@rambler.ru

Darya N. Polyarush, Lecturer, Humanitarian Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
da_polyarush@gmail.ru

Received: 11.10.2018

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное посо-

The editorial board of the journal "Historical and Social-Educational Idea" examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: "Antiplagiat.ru" and "Advego Plagiatus".

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

бие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a republication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid

обнаружены признаки технических модификаций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики. Редакция принимает в выпуск только ОДНУ статью автора или идентичного коллектива соавторов.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки <http://www.antiplagiat.ru>). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате A4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12, междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, междустрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи.* Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова.* Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>.
4. *Abstract & Keywords.* Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. *Информация о спонсорстве* (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. *Благодарности* (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. *Текст статьи* (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

например: [1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. *Библиографические ссылки* (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. *References* (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком «//» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в *References* для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskij ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineral'nyh vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ.).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. *Russian Journal of Electrochemistry*. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Svishnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi" (Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;

- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;

- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;

- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;

- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;

- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс П4427), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:

350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: <http://www.hist-edu.ru>
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.

Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел: /007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

You can subscribe to «Historical and Social-Educational Ideas»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. «Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2017 гг. номеров журнала на: <http://www.hist-edu.ru>
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Историческая
и социально-образовательная мысль
2018. Том 10 № 5/2

Подписной индекс П4427
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 30.10.2018
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 182 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»